

Книжная серия

*«Будаговская библиотека» — совместный проект
Издательского Дома «СИБИРСКАЯ ГОРНИЦА»
и благотворительного фонда
«Мемориальный комплекс маршала А.И. Покрышкина»*

Екатерина КРАСИЛЬНИКОВА

НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ ГОРОДСКОЙ ИСТОРИИ

*Ново-Николаевск — Новосибирск:
быт и повседневность первой половины XX века*

СИБИРСКАЯ ГОРНИЦА
2009

ББК 63.3(2)

К 78

Екатерина Красильникова. **Неизвестные страницы городской истории.** Ново-Николаевск — Новосибирск: *быт и повседневность первой половины XX века.* — Новосибирск : Издат. Дом «Сибирская горница». — 2009. — 288 с.

НОВЫЙ БЫТ СИБИРСКОГО ЧИКАГО

*Светлой памяти
деда Василия Парфеновича Саченко*

От автора

 а уровне повседневной жизни все мы решаем проблемы, которые неизбежно каждый день возникают, когда мы пытаемся реализовать различные собственные потребности. Человек от природы нуждается в питании, отдыхе, безопасности... Однако культура эпохи, в которой он живет, влияет на характер этих потребностей, возможности, способы и успех их удовлетворения. Горожанин, желая реализовать свои потребности, неизбежно обращается к ресурсам городской среды и инфраструктуры. Еще в 1905 г. публицист Г. М. Данилов отмечал, что «город представляет собой общину людей, у которых имеется много общих интересов, общих нужд». Город, а тем более крупный город, всегда привлекает людей целым спектром возможностей и жизненных перспектив. Поэтому в нашей книге пойдет речь о том, как новониколаевцы — новосибирцы пытались реализовать свои самые фундаментальные потребности, живя в тяжелое межвоенное время и пользуясь теми возможностями, которые предоставлялись государством и окружающей привычной городской средой.

Молодая советская власть и тифозная вошь: кто кого?

 декабре 1919 года в Новониколаевске была восстановлена советская власть. Однако ее приход горожане встречали отнюдь не в парадных костюмах и далеко не в добром здравии. Горожане постепенно вымирали — в Новониколаевке свирепствовал тиф. Военные действия закончились, но их последствия еще долгое время заставляли обывателей жить в экстремальных условиях.

Здоровье горожан напрямую зависело от состояния окружающей их среды. К моменту восстановления советской власти в Новониколаевске в середине декабря 1919 г. санитарные условия жизни горожан сделались катастрофическими. Грязь и эпидемии стали наиболее существенной проблемой для обывателей. Население Новониколаевска пострадало от начавшегося еще в 1917 году тифа сильнее, чем жители других мест Томской губернии. Распространению болезни способствовало: отступление через Новониколаевск белой армии, размещение в военном городке инфицированных пленных, колоссальный приток беженцев и остановки железнодорожного движения, в результате которых ослабленные беженцы оседали в городе, становясь легкой добычей смертносоного тифа. Заражены были и многочисленные трупы, которыми город после окончания военных действий оказался буквально завален. Городское хозяйство Новониколаевска практически развалилось, улицы и дворы были переполнены бытовым мусором и навозом. Чем грозило засорение города? В помоях размножались микробы брюшного тифа, холеры, туберкулеза, гнойных инфекций и т. п. По подсчетам врача П. А. Воробьева, на стотысячное городское население в год приходилось в среднем 36 млн. пудов нечистот. Сегодня трудно даже вообразить, во что же превратился Новониколаевск к 1920 г., если учесть, что городское хозяйство

было разрушено, а население, хотя численно сократившееся, оставалось все-таки значительным: в августе 1919 г. в городе проживало около 130 тыс. человек, к началу 1920 г. осталось больше 67 тыс.

Санитарное состояние города вызывало почти паническое настроение врачей. Поэтому была создана Чрезвычайная комиссия по борьбе с тифом (Чека-тиф), перед которой стояла задача глобального характера — спасти город от вымирания. И это не преувеличение. Зимой 1920 г. начальник санитарного надзора Новониколаевска писал сотруднику Чека-тифа, что при имеющихся санитарных условиях оттепель может привести к распространению холеры и даже чумы, а тогда вымрет весь город. Но, к счастью, в Новониколаевске было не так много случаев заболевания холерой, как в иных располагавшихся на железнодорожных путях сибирских городах. Спасало и то обстоятельство, что всплеск тифозной инфекции пришелся на зиму 1920 г., а холера начала распространяться летом, когда тиф частично уже поборол. Холера ехала в Сибирь на поездах из европейской части страны вместе с гонимыми голодом мешочниками. Холеру привозили и переселенцы, которые были вынуждены надолго останавливаться в городе из-за простоев поездов. Новониколаевцы трепетали от ужаса: в городе было много приезжих, которые бродили по улицам, прося хлеба, ночлега и заражая обывателей смертоносными болезнями. В 1920–1921 гг. холерой заболело 283 человека, половина больных скончалась. Из Новониколаевска холера расплзлась по губернии — город являлся столицей инфекций.

Зимой — весной 1920 г. горожанам смертельно угрожал сыпной, брюшной и возвратный тиф. Наиболее распространенной формой тифа являлась сыпная, прозванная в народе «сыпняком». В большей степени тифозной инфекции были подвержены военные и пленные белогвардейцы. Условия жизни в Военном городке страшной зимой 1920 г.

иначе чем адскими назвать трудно, даже по меркам гражданской войны — времени эпидемий и голода. Военные врачи говорили о Военном городке как о «вымирающем пункте», высказывали опасение, что в скором времени этот район города станет сплошным кладбищем. Их опасения ясны: на крошечной территории городка, который за час можно было обойти по периметру, находилось около 20 тыс. больных тифом. Пленные белогвардейцы находились в невероятно жалком состоянии. Они ни разу не были в бане, голодали, замерзали в сырых, неотопливаемых, грязных сараях и конюшнях, где их размещали, поголовно болели тифом и туберкулезом и гибли массами. Когда Военный городок закрыли на карантин, его население запаниковало, решив, что оно обречено на гибель, а администрация самозабвенно запыла. Вообще, если верить прессе, в то время многие в Новониколаевске непомерно потребляли спиртное, пытались, видимо, таким образом «бежать от реальности». Нужно было обладать стальными нервами, страстной волей к жизни, крепким здоровьем и везением, чтобы уцелеть в новониколаевском Военном городке в эти страшные зимние месяцы.

Тифом болели не только военные и пленные, но и местные жители, беженцы, заключенные, люди с поездов. В городе массово гибли не только обыватели, но и лечившие их доктора (зимой 1920 г. скончался 21 врач), сестры милосердия, санитары и сиделки (погибло 209 лиц вспомогательного медперсонала). На 31 декабря 1919 г. в Новониколаевске было официально зафиксировано более 14 тыс. больных, из которых госпитализировали только около 5 тыс. человек. Остальные болели в домашних условиях и заражали окружающих. Те, кто сознательно или из страха делал выбор не в пользу госпитализации, едва ли выигрывал, подвергая опасности своих близких. Зимой—весной 1920 г. была очевидна неуклонная тенденция роста числа больных. Редким днем пациентов в военных и гражданских

лазаретах и госпиталях насчитывалось меньше, чем накануне. Врачи ежедневно вели подсчет госпитализированных пациентов. В то же время в городе имелось немало больных, которых не выявили врачи и которые не обращались за помощью. Видимо, многие считали, что добиться хорошей медицинской помощи в Новониколаевске невозможно, что попадание в больницу чревато усугублением болезни, что в спокойных домашних условиях выздоровление более вероятно. Другие оставались наедине с болезнью — о заражении одиноких людей некому было сообщить врачам. Только с 8 января по 1 февраля 1920 г. было госпитализировано 13 988 обывателей, умер 3031 человек. Многие горожане болели и умирали дома. В феврале случалось, что число скончавшихся от тифа составляло более сотни в день. Подсчет негоспитализированных больных зимой 1920 г. показал наличие 6097 тифозных на 74 городских улицах, то есть тифом страдало почти 20 % местных жителей. В редком доме не было больных. На одну квартиру в среднем приходилось два-три инфицированных тифом жителя. В некоторых семьях инфекция свалила с ног всех домочадцев. Несчастные в холоде и голоде ждали конца, нередко за больными некому было ухаживать, некому было даже затопить печь, да и топить в условиях дровяного кризиса часто было нечем.

Многие горожане толком не представляли, что делать, если вдруг заразятся их близкие или они сами. Поэтому в начале января 1920 г. в городской газете «Красное знамя» была опубликована статья врача Лаврентьева об эпидемии сыпного и возвратного тифа, который ежедневно уносит жизни обывателей, и о том, какие элементарные меры необходимо применять для борьбы с этим страшным заболеванием. Стоит сказать, что в условиях массового обнищания и катастрофической нехватки лекарств доктор едва ли мог предложить что-то более действенное, чем помыться и сменить белье. Однако городские бани находи-

лись практически в нерабочем состоянии, а о чистом белье приходилось лишь мечтать.

Обыватели пытались лечиться самостоятельно и, случалось, гибли от самолечения. Многие не знали, к примеру, что тифозным нельзя давать жаропонижающие средства, после применения которых состояние больных ухудшалось.

Пожилые горожане до сих пор помнят, как их родители рассказывали о боязни многих обывателей заразиться тифом не только из-за возможного летального исхода, но и потому, что в приступе паники соседи и даже близкие могли «помочь» несчастному больному скорее отправиться к праотцам. Говорят, что тифозных порой закрывали зимой в сараях, а то и живьем закапывали в землю, однако эти слухи не подтверждены документально.

Дикая тактика самозащиты становится отчасти понятной, если представить те проблемы, с которыми сталкивался новониколаевец при госпитализации. Это и невнимание перегруженных работой врачей, и переполненность медицинских учреждений, холод, отсутствие лекарств, грязь, постоянное близкое дыхание смерти, голод. Старшего врача Третьего госпиталя охватывало отчаяние, когда его тифозные пациенты, отобедав хлебом из муки сомнительного происхождения, мучились от кровавых поносов. Из лазарета выходили далеко не все. Похоже, страх перед смертью толкал людей на тяжкие преступления.

Чека-тиф взял на себя ответственность за генеральную уборку города. Неделя с 7 по 14 марта была провозглашена «неделей чистоты». Горожане в принудительном порядке обязаны были очистить улицы и дворы Новониколаевска. Речь шла о жизни и смерти, поэтому горожане, казалось, были заинтересованы в уборке улиц. Однако прикасаться к смертоносной грязи было омерзительно и небезопасно, ведь можно было заразиться, поэтому энтузиазм смешивался со смертельным страхом. Показателен такой случай: санитары

одного из госпиталей вытряхнули солому из отслуживших тюфяков в больничном дворе; обыватели обходили стороной заразную солому, а Чека-тиф не мог найти людей, которые бы рискнули убрать этот источник инфекции.

В условиях сильного недостатка материальных средств Чека-тиф принимал решительные меры, создав четыре эпидемические больницы на 500 коек для «заразных» пациентов, выявляя и госпитализируя больных, расширив ассенизационный обоз, проведя серьезные меры по дезинфекции города, регулируя работу бань и прачечных. Комиссия работала в тяжелейших условиях нехватки материальных средств и медицинского персонала: четыре больницы обслуживало только лишь 9 врачей, 14 фельдшеров и 36 сестер, но все-таки весной 1920 г. эпидемия пошла на спад.

Средства, которые шли на работу комиссии, часто изымались у людей, сохранивших после революции и гражданской войны хоть какие-то сбережения. Источники свидетельствуют, что тиф угрожал обывателям не только смертью, но и окончательным разорением. В эти дни городские власти шли на произвол, который в данном случае можно считать скорее оправданным, ведь изъятые средства шли на спасение людей.

Примером может послужить такой случай. Для оборудования одного из госпиталей комиссия нуждалась в строительных материалах, которые в годы разрухи не так просто было достать. Тогда-то и заметили сотрудники Чека-тифа на Новобазарной площади в мануфактурном ряду недавно построенные лавки «Маньчжурки» из хорошей древесины. Их еще до установления советской власти распорядился построить богатый китаец, он же распродал их при Колчаке в 1919 году. Теперь, с помощью газетного объявления, владельцам лавок предложили написать заявления в коммунальный отдел и указать стоимость купленных ими лавок, ведь они готовились к сносу. Написавшим заявления выплатили компенсацию в размере ниже стои-

мости лавок в среднем в 5–6 раз. Тем, кто не читал газет и заявления не написал, не выплатили ничего. Стройматериалы и сэкономленные на невыплаченных компенсациях деньги пошли на нужды Чека-тифа. Бывшие хозяева лавок могли остаться недовольными, но их эмоции в данной ситуации не волновали ни чрезвычайную комиссию, ни общественность, которая привыкла к произволу власти.

Сотрудники Чека-тифа были вынуждены отнимать у некогда состоятельных горожан последние материальные блага. Согласно одному из обязательных постановлений тех страшных дней, горожане, чье недвижимое имущество оценивалось в 18–30 тыс. руб., были вынуждены сдать в пользу Чека-тифа по одному теплому одеялу и по одной тюфячной наволочке; те, чье недвижимое имущество оценивалось в 30–40 тыс. руб., должны были доставить сверх этого еще по одному легкому одеялу; те, чье имущество оценивалось свыше 40 тыс., сдавали по 2 теплых одеяла, по одному легкому и по три тюфячные наволочки. Лазареты и госпитали нуждались не только в постельном белье. Не хватало продовольствия, лекарств, дров...

Система медицинского обслуживания Новониколаевска испытывала множество затруднений. Имевшиеся в городе больницы постоянно переполнялись. Стоит оговориться, что и в дореволюционный период больничный вопрос стоял достаточно остро из-за быстрого демографического и территориального роста города и недостатка бюджетных средств, выделяемых на социальные нужды. В 1920 г. госпитали и лазареты открывались в срочном порядке на базе учреждений, совершенно для этого не приспособленных: в кинематографах и гимназиях, в здании завода бывшего предпринимателя Злоказова, в доме окружного суда... Стихийно возник еврейский лазарет на базе еврейского училища, больные иудеи искали помощи и поддержки в синагоге, оставаясь прямо в молельной. Всего в период тифозной эпидемии в городе функционировало

28 военных и 15 гражданских лечебных учреждений, хотя постоянных больниц насчитывалось только четыре.

Эпидемия приводила к полнейшему хаосу в больницах. К примеру, в начале января 1920 г. в переполненном Восьмом новониколаевском госпитале больные лежали и на койках, и в проходах, и под койками. В лазаретах, вопреки санитарным требованиям, устраивались двойные нары для пациентов. Больные тифом, терапевтические больные и раненые размещались в одном помещении, которое фактически представляло собой не место лечения, а источник заражения тифом. Кроме того, в обстановке всеобщего страха перед смертью, усталости и остервенения санитары, случалось, успокаивали больных кулачными методами.

О том, какую медицинскую помощь получил один внезапно заболевший обыватель в середине января 1921 года, свидетельствует газета «Дело революции». Больным он себя почувствовал, когда ехал через Новониколаевск на поезде, потом попал в изоляционно-пропускной пункт при станции, где ему и был поставлен диагноз. Из изоляционно-пропускного пункта мужчину отправили в санитарный приемник, где велели ползать в ванну, находившуюся в холодном помещении. Потом едва обсохшего и переодетшегося в больничное белье пациента «потасили» полуголым, с мокрым полотенцем на голове в 4-й барак через сугробы. В бараке было так холодно, что изо рта шел пар. Определив мужчину в холодную палату, доктора принялись лечить его от тифа, однако через некоторое время пришли к выводу, что в действительности он болен оспой. К счастью, бедняга поправился, но многие больные, оказывавшиеся в подобном положении, из тифозного барака уже не выходили. Организация медицинского обслуживания в период эпидемии грешила многими вполне объяснимыми и оправданными суматохой и безденежьем недостатками. В феврале 1920 г., когда многие горожане умирали дома, в гражданских лечебных заведениях имелись свободные

места, хотя в прессе постоянно сообщалось, что больницы переполнены.

Болезни отступали, но не сдавались. По данным, которые приводятся в книге «Новониколаевск-Новосибирск: история города», эпидемии тифа в Новониколаевске прекратились в 1922 г. Однако в действительности вспышки инфекций продолжались. Например, в марте 1923 г. сыпной тиф за какие-то две недели «подкосил» 77 горожан. Всплеск этого заболевания наблюдался и в 1929 г. В больницах по-прежнему не хватало коек, лекарств и врачей. Новые вспышки тифа не имели масштабов мора, однако само их наличие говорит о том, что в 1920-е гг. государство было не в состоянии создать необходимые условия для искоренения эпидемий инфекционных болезней даже в таких крупных административных центрах, как Новониколаевск-Новосибирск. Даже в конце 20-х гг. обыватели пытались сопротивляться тифу теми же средствами, что и в начале десятилетия. Показателен такой случай: когда из больницы выдворили по причине нехватки мест недолеченную жену надзирателя исправительно-трудового дома Шаронова, муж встретил ее на пороге с револьвером и под угрозой расправы потребовал больничного кучера увезти супругу обратно.

Тиф пришел в наш город вместе с советской властью. Современники и потомки оценивали подвиг Чека-тифа как одну из крупных заслуг советской власти. У новониколаевских газетчиков и первых историков города распространение тифозной инфекции однозначно ассоциировалось с властью адмирала Колчака, будто он, это воплощение мирового зла, чуть ли не специально заразил страшной болезнью города и селения. Однако такая позиция не справедлива и слишком тенденциозна. Тиф — это следствие войны, в гибели половины населения Новониколаевска виновны обе стороны, сражавшиеся за власть. А сотрудники Чека-тифа, врачи, санитары медицинские сестры и работники коммунальной сферы боролись вовсе не с последствиями

«колчаковщины» в Новониколаевске, а за жизни простых обывателей и собственное будущее. Приверженность тому или иному политическому лагерю являлась подчас не такой уж значимой. Красная администрация Военного городка сочувствовала пленным белогвардейцам, подчас смотрела сквозь пальцы на их побеги, нелегально освобождала знакомых. В то же время проблески человечности администрации соседствовали с жестокостью карательных органов. Страшные, катастрофические условия жизни нередко бросали местную власть и обывателей из крайности в крайность как на уровне поступков, так на уровне суждений и моральных ориентиров. Полнейшая хозяйственная разруха привела не только к распространению тифа, эпидемия которого стала наиболее яркой и приметной чертой повседневной жизни Новониколаевска, вступавшего в советскую эпоху.

Стараясь занимать позицию беспристрастного исследователя и будучи жителем современного Новосибирска, я не могу сегодня сдержать эмоции, когда думаю о зиме 1920 года. Казалось бы, мир рушился в это время, однако жизнь в тифозном Новониколаевске все-таки не останавливалась. Именно зимой 1920 г. в пригородной Усть-Ине появился на свет человек, ставший впоследствии моим дедом. У родившихся тогда младенцев шансов на выживание было, прямо скажем, немного... Моя личная память о дедушке Василии — незримая ниточка, связывающая меня как историка с предметом этого исследования, вздрагивает, натягивается, когда я перечитываю архивные первоисточники, когда представляю царивший в Новониколаевске ужас. Дед был ровесником советского Новониколаевска, его жизнь началась в экстремальных условиях и волей судьбы он остался жить. «Живое тянется к живому», — часто повторял он прекрасные слова, дающие надежду на лучшее, прогоняющие уныние. Стойкость людей, переживших кошмар того времени, несомненно, заслуживает нашей памяти, памяти потомков.

О хлебе насущном

сторики отмечают, что во второй половине XIX в. горожане Сибири питались сытнее и разнообразнее, чем жители европейской части России. Но после революции и гражданской войны изменились экономические, социально-политические и социокультурные условия жизни, что неизбежно повлекло за собой изменения и в питании сибиряков. Еще в годы гражданской войны они познакомились с продовольственными карточками и распределением продуктовых товаров первой необходимости. За эти 20 лет существенно изменился характер торговли продовольствием, которая стремительно «огосударствлялась», возникла новая для горожан система общественного питания, однако сохранились и такие традиционные способы получения необходимых продуктов питания, как огородничество.

«Просто убивающий голод...»

И плохое снабжение продуктами товарами, и голод жители Новониколаевска узнали в годы гражданской войны, когда огромные средства шли на то, чтобы прокормить армию. В рассказах старожил о тех годах обычно присутствуют сюжеты, связанные с голодом. К примеру, З. Ф. Бейцун вспоминала: «Это был приблизительно девятнадцатый или двадцатый год, когда был сильный, просто убивающий голод. В Новосибирске стоял Колчак».

Во время колчаковщины на питании горожан, естественно, сказывалась экстремальная политическая ситуация. В силу военных обстоятельств продовольственные товары задерживались, а иногда и портились по пути в Новониколаевск из Барнаула, Омска и других городов. В Министерство продовольствия Временного Сибирского правительства нередко приходили телеграммы из Новониколаевска с

просьбой выслать зерно и другие продукты, а также товары первой необходимости, которых катастрофически не хватало городу. Мукомольное производство Новониколаевска переживало худшие времена: в 1918 г. мельницы преимущественно не работали, нуждаясь в ремонте, на который не было средств. Если в 1917 г. в Новониколаевске работало 207 мельниц, то к 1920 г. осталось лишь 27 мельниц, на которых производственная жизнь едва теплилась. Горожане сами ходили на мельницу молотить овес, который потребляли как муку.

Продукты распределялись по карточкам, налицо были признаки товарного голода. Известно, что в декабре 1918 — январе 1919 г. в наш город из Барнаула отправили 15 тыс. пудов мяса, поскольку в самом Новониколаевске мясо не заготавливалось с начала октября по декабрь 1918 г. Надо заметить, что 15 тысяч пудов — весьма скромная помощь большому населенному пункту. По подсчетам новониколаевского горпродкома, осуществленным в тяжелом 1920 г., когда все считалось «по минимуму», городу требовалось ежемесячно 50 тысяч пудов мяса. Однако нельзя сказать, чтобы в период власти Колчака существовал постоянный дефицит на продуктовые товары, в том числе и высокого качества. Это подтверждается хотя бы тем обстоятельством, что на рынках торговали мясом трех сортов: «хорошо упитанным, заливным» (по установлению Временного Сибирского правительства от 6 июля 1918 г. оно стоило 33 р. 80 к. за пуд), «средне упитанным, столовым» (28 р.) и «мясом тощим, колбасным» (21 р.). В 1920 г. советская новониколаевская газета «Красное знамя», где постоянно публиковались исключительно негативные, а подчас и бранные статьи и заметки об адмирале Колчаке и периоде его власти в Сибири, была вынуждена признать, что в период «колчакщины» заготовка продовольствия хотя и в небольшом количестве, но постоянно производилась, «а потому, следовательно, особенной остроты в продовольствии здесь

(в Новониколаевске. — Е. К.) не чувствовалось». Однако продовольствия все же постоянно не хватало.

В то время как горожане испытывали недостаток продовольствия и голодали, по железной дороге, мимо города, незаметно для обывателей проплывали таинственные составы со сказочным содержимым: красной икрой и солевой кетой, балыками и консервами, горбушей и кетовой тешкой, мясом и картофелем... Периодически подобные поезда задерживались «по военным обстоятельствам» на Омском участке Западно-Сибирской железной дороги. К примеру, в декабре 1918 г. в Омске задержали проехавший через Новониколаевск состав, который включал 19 вагонов красной икры, 4 вагона рыбных деликатесов, 30 вагонов картофеля (однако дряблого и проросшего) и другие продукты, значительная часть которых испортилась из-за задержек в пути.

В Новониколаевске возникали сложности при приеме и отправке продовольственных грузов по железной дороге: местный мясотдел не был обеспечен в полной мере весами, поэтому продовольственные грузы простаивали, усугубляя и без того тяжелое продовольственное положение. Однако в том же 1918 г. в Новониколаевске построили маслохранилище при мясозаготовительном пункте, что свидетельствует о том, что пищевая промышленность города хотя и с колоссальными перебоями, но функционировала.

Не только недостаток продовольствия, но и постоянный стремительный рост цен на мясо, хлеб, злаки и менее существенные продукты сказывался на покупательских способностях горожан и на возможностях реализации их пищевых потребностей. Правительство адмирала Колчака пыталось регулировать стоимость скота и мяса, устанавливая максимум цен по всей Сибири. Жесткие цены установили в июле 1918 г., но уже в сентябре управление чехословацкого корпуса требовало обратить внимание Министерства продовольствия на то, что базарные цены на

скот, мясо, хлеб и злаки «ничего общего с твердыми ценами не имеют». Многие горожане не имели средств на покупку необходимых продуктов питания. Поэтому, безусловно, от новой власти новониколаевцы ожидали улучшения продовольственной ситуации.

Хозяйственная разруха послевоенных лет сказалась на состоянии пищевой промышленности Новониколаевска, которая и до революции лишь частично обеспечивала питание населения. Однако пищевая промышленность в городе середины 1920-х гг., когда большинство предприятий других отраслей не действовали, была наиболее развитой. К середине 20-х гг. количество рабочих (416 человек), занятых в мукомольном производстве, уступало лишь числу рабочих, занятых в полиграфии (445 человек). В городе слабо, но функционировало пивоваренное, винокуренное, маслобойное и колбасное производство. С начала 20-х гг. в Новониколаевске существовали две кондитерские фабрики, дрожжевая фабрика и фабрика фруктовых вод с небольшим штатом рабочих из 15 человек.

В 1919–1920 гг. ситуация была катастрофической, общая продукция сельского хозяйства составляла на рынках Новониколаевска всего около половины довоенной. Нужно еще учесть, что в пору военного коммунизма большевики стремились вовсе избавиться от рынка, торговли и денег, вводя фиксированные натуральные эквиваленты на сельскохозяйственные продукты и промышленные товары. Однако вытеснить рынок совсем не получалось. После изгнания из Сибири Колчака большевики боялись делать «резкие движения»: Колчака еще совсем недавно поддерживали многие крестьяне, в том числе и зажиточные, за счет которых питался город. Крестьяне, пользуясь возможностями свободной торговли, завышали цены на продукцию сельскохозяйственного производства, которую везли на рынок, и неохотно участвовали в централизованных хлебозаготовках: сдавали недостаточное количество

хлеба в государственный фонд, хотя в Сибири, как в европейской части страны, не практиковалась продрозверстка. Крестьяне сдавали «излишки» хлеба «самотеком», то есть на основе купли-продажи, а «твердых заданий» в сибирских деревнях не было. По подсчетам А. Ю. Давыдова, рыночная торговля в России накануне введения нэпа занимала около 30 % в структуре источников снабжения населения. Попытка введения продрозверстки в Сибири и запрета на свободную торговлю была предпринята летом 1920 г., когда особенно обострился продовольственный кризис. Однако эти меры оказались малоэффективными и потому краткосрочными для Сибири, где лишь на половину выполнялись требования Совнаркома по изъятию «излишков», а крестьяне устраивали волнения. Поэтому уже в 1921 г. новониколаевские горожане, пережившие тяготы 1920 г., почувствовали оживление базарной торговли.

Продовольственная ситуация 1920 г., предшествовавшая курсу правительства на начало восстановления рынка в 1921 г., ознаменовалась для горожан многими проблемами. В то время как журналист Кашь из новониколаевской газеты «Красное знамя» желал под Новый год международной буржуазии «подавиться красным пирогом», этот самый пирог с новониколаевского базара для многих обывателей оставался несбыточной фантазией или, того хуже, причиной пищевого отравления. Пекли пирожок в антисанитарных условиях и зачастую безнаказанно начинали протухшим мясом, а то и падалью. Хозяйственная разруха существенно влияла на количество и качество потребляемых продуктов. Разруха усугубилась в 1920 г. неурожаем, охватившим всю Сибирь и ухудшившим и без того недостаточное питание горожан. На такие основные продукты питания, как пшеница, рожь, овес, ячмень, просо, мясо, устанавливались твердые рыночные цены, которыми постоянно пренебрегали городские спекулянты, ухитряясь

дешево покупать хлеб у крестьян на постоянных дворах и дорого сбывать на базаре. Спекулянты распускали слухи о том, что вскоре совершенно исчезнет базарная торговля и горожане останутся без продуктов питания. Ввиду того, что продовольствия не доставало, а присутствие смерти стало обычным явлением повседневной жизни, горожане покупались на подобные уловки, приобретая хлеб по спекулятивным ценам.

К весне 1920 г. подвоз продуктов стал возрастать, а цены несколько понизились, но эти обстоятельства не снимали остроты продовольственных проблем. Газетчики «Красного знамени» описали типичную для того времени ситуацию, когда горожане, не желавшие втридорога платить за хлеб на базаре, шли в хлебопекарни за более дешевым хлебом, но те оказывались закрытыми. Это подтверждалось и результатами ревизий пекарен, проводившихся Чрезвычайной комиссией по борьбе с тифом. К примеру, в марте 1920 г. пекарня на ул. Асинкритовской, 10 три дня не работала. Журналисты высказывали предположение, что спекулянты находятся в сговоре с хлебопеками, втихомолку снабжающими нарушителей закона хлебом. Кроме того, считалось, что некоторые спекулянты обзавелись своими тайными пекарнями и нелегально производят хлеб для незаконной продажи.

Многим горожанам были абсолютно недоступны те базарные продукты, на которые не устанавливались фиксированные цены: картофель, сало, сливочное масло, клюква, брусника и другие. Рост цен на базарах происходил постоянно. Цены повышали не только спекулянты, с каждым месяцем «твердые» цены также росли. В памятном невзгодами 1920-м году возникли, кроме всего прочего, и трудности с мясозаготовками. Газеты объясняли эту ситуацию тем, что крестьяне сдавали мало мяса по твердым ценам, предпочитая сбывать его на базарах по спекулятивным ценам.

Нередко в Новониколаевске того времени задерживали крупных спекулянтов, которые хранили значительные запасы ценных продуктов питания, предназначенных для нелегальной продажи. К примеру, спекулянт Айзик Левн укрывал конфеты-монпансье, Менделей Прупис прятал, помимо золота и серебра, чай, а некто Куляузников скрывал в сарае на улице Асинкритовской 17 бочонков масла. Безусловно, недоедание порождало хищения продовольствия. К примеру, в октябре 1920 г. газета «Дело революции» клеймила позором возчиков хлеба, которые были уличены в его систематических кражах.

В начале 1920 г. горожане, столкнувшиеся за время гражданской войны с голодом, получили надежду на справедливое распределение продовольствия путем введения карточной системы. В середине января в Новониколаевске началась продовольственная перепись населения, через месяц горожане получили карточки на муку, масло, рыбу, соль и спички. Карточки распределялись среди разных «категорий» населения. В соответствии с внутривнутриполитическим курсом советского правительства, в первую очередь обслуживались рабочие, а лишь потом все остальные.

Продовольственные привилегии имели также и врачи. Тяжелый 1920 год запомнился новониколаевцам смертоносной эпидемией тифа. Поэтому докторам, от самочувствия которых зависели жизни тысяч горожан и беженцев, полагалось ежедневно съедать два с половиной фунта белого хлеба, фунт мяса, по 12 золотников сахара и жиров, выпивать бутылку молока. Городские власти старались также поддержать тифозных больных и выздоравливающих обывателей. Поэтому, кофе и монпансье — калорийные и деликатесные по меркам 1920 г. продукты, легально получали только временные обитатели госпиталей, больниц и лазаретов. В условиях голода и отсутствия лекарств улучшенное питание считалось одним из важнейших факторов выздоровления. Поправлявшихся военных поили

даже пивом из стратегических запасов Красной армии. Хуже приходилось негоспитализированным больным. Многие пытались добыть врачебные рецепты, подтверждавшие необходимость для них полноценного питания из-за плохого состояния здоровья, однако даже по медицинским рецептам «лишними» продуктами обычно не отоваривали.

Различные социальные группы городского населения мучились от недоедания. Красноармейцев кормили скудно, часто недоброкачественной едой. На складах Военного городка хранились только самые необходимые продукты: мясо, рыба кета, сливочное масло, крупа, мука, картофель, чай, соль и лимонная кислота. Пища была крайне однообразной. Весь январь 1920 г. красноармейцам не давали каши, потчюя преимущественно наспех приготовленной пищей. Газеты свидетельствуют о том, что даже привилегированные рабочие часто были недовольны продовольственной ситуацией. «Обыватель охает, стонет, жалуется постоянно, нудно, озлобленно: «Голодно и холодно!» В каждом доме, в каждом учреждении можно слышать эту нудную, гнусавую до тошноты песню обывателя: «Голодно и холодно»», — возмущенно писал один из авторов газеты «Дело революции» в 1921 г. По городу ходил слух, будто хлеб где-то есть в достаточных количествах, лежит себе и даже гниет, но его все равно почему-то не выдают. Вскоре после введения карточек служащие Новониколаевска с огорчением узнали, что рыбу дают только рабочим. Какой-нибудь обыватель, пожелавший зимой-весной 1920 г. рыбы, наверняка оставался неудовлетворенным, так как по карточке этот продукт не выдавали, а на рынках рыба практически исчезла из-за скудных уловов. Хотя газеты и заявляли, что обслуживание населения по карточкам существенно облегчает продовольственную ситуацию, горожане были вынуждены, как и до введения карточек, идти за дорогими продуктами на базар.

Многие новониколаевцы голодали, но, к сожалению, это не означало, что каждая хлебная крошка в городе была на счету. Известны случаи халатного обращения с запасами продуктов. К примеру, той же злосчастной зимой 1920 г. на заводе «Вена» было обнаружено 1115 пудов гнилого мяса — этакий продовольственный припас, о котором попросту забыли.

За продуктами на нэповский базар

В 20-е годы XX века в Новониколаевске функционировали рынки в Центральной части города, в Закаменской и Ипподромской частях — то есть почти во всех районах. Базары росли вместе с молодым городом, население которого стало заметно прибывать с преодолением хозяйственной разрухи, тифозной эпидемии и других последствий гражданской войны. Огромный центральный базар неизменно привлекал толпы народа. С 1923 г. городские обыватели и приезжие получили возможность добираться от вокзала до Базарной площади на автобусе. Желающих воспользоваться этой услугой было много, но в автобус помещалось только 12 человек. Поэтому зачастую посадка в автобус превращалась в настоящую давку и в салон «набивалось» гораздо больше пассажиров, чем предполагалось по замыслу. Большинство же обывателей добирались до базара пешком, пешком потом и возвращались с тяжелой ношей.

Как известно, советская власть в Новониколаевске была восстановлена в декабре 1919 г. Снабжение горожан продуктами питания к этому моменту было затруднено, многие голодали. Основные продукты распределялись по продовольственным карточкам. Хотя газеты и заявляли, что обслуживание населения по карточкам существенно облегчает продовольственную ситуацию, горожане были вынуждены, как и до введения карточек, идти за дорогими

продуктами на базар. Голод, криминализация общества и нравственный кризис — именно на базаре все это становилось более чем очевидным. В период гражданской войны и в первые послевоенные годы посетители новониколаевских базаров наблюдали постоянный рост цен на товары и повсеместное нарушение «твердых» цен на основные продукты питания; сталкивались с частыми обманами торговцев, жульничеством, продажей недоброкачественных продуктов, воровством и хулиганскими выходками беспризорников, а главное — с хроническим недостатком продовольствия.

С началом нэпа в российских городах, в том числе и в Новониколаевске, резко оживилась торговля, в которую вовлекались различные слои населения. Государство стремилось к максимальному регулированию процессов развития торговли. На раннем этапе реализации новой экономической политики активность частных предпринимателей не вызывала серьезных опасений государства, которое уже через несколько лет начнет активно препятствовать развитию предпринимательства в СССР. Пока же предприимчивые частники, многие из которых прошли через «мешочничество» и «спекуляцию», помогали государству «накормить» измученное голодом и войной население. После отмены непродолжительной практики товарообмена между городом и селом крестьяне начали активно сбывать продукцию собственного производства в городах. Множество частных предпринимателей устремилось в деревни для скупки продуктов питания и их перепродажи в городе. Частники выступали посредниками между потребителями и государством, которое на первых этапах нэпа было занято в большей степени налаживанием заготовок продовольствия, промышленных товаров и оптовой торговли, нежели розничной. Поэтому частная торговля получила значительную свободу, частники стали играть решающую роль в снабжении городов продоволь-

ствием. В марте 1921 г. газета «Советская Сибирь» писала: «Свободная торговля. Она сейчас на языке и в мыслях самых широких, так называемых обывательских кругов, от нее ждут исцеления наших хозяйственно-экономических недугов».

Рынки существенно оживились в 1921 году. Новониколаевск, по сравнению со многими городами России, стал в это время относительно сытым городом. Сюда мигрировали из голодных районов. К 1924 г. розничная торговля в стране уже на 90 % находилась в руках частного капитала. А Новониколаевск, имевший мощные торговые функции и до революции, снова стал крупным центром предпринимательства. В городе находилась главная контора «Сибторга», который отвечал за реализацию промышленных товаров, поступавших в Сибирь, ведал заготовками хлеба, масла, жиров, скота, пушнины и золота. Поэтому город стал торговым центром общесибирского значения. Огромное значение обрела и товарная биржа в Новониколаевске, через которую проходили крупные сделки между государственными, кооперативными и частными торговыми предприятиями. Обороты новониколаевской биржи достигали трети общесибирского биржевого оборота. Промышленность Новониколаевска переживала далеко не самые лучшие времена, поэтому многие занимались торговлей.

Базар Новониколаевска времен нэпа — место людное, динамичное, привлекательное не только для продавцов и покупателей, но и для тех, кто просто желает развлечься, провести досуг. Неслучайно в ходу было слово «толкучка». Многие действительно шли на базар просто «потолкаться»: послушать слепых певцов и гармонистов, «поглазеть» на шарманщика с попугаем, вытягивающим из шляпы конвертики с предсказаниями судьбы, на мошенников, вовлекающих простодушных крестьян в сомнительные игры типа «веревочки»; начистить ботинки, заглянуть в пивную... Иные отпраплялись на базар, преследуя вполне серьезные

по меркам тех лет цели: сфотографироваться на фоне картонного моря или «озера с лебедями». Как базарную зеваку запомнил новосибирский писатель и актер И. М. Лавров свою знакомую Анну Григорьевну: «Мы с Давидом не раз видели, как она, размахивая руками среди толчеи базара, с упоением, долго рассказывала кому-нибудь об Украине — о полтавских подсолнухах и кавунах, стараясь посрамить Сибирь. А потом принималась честить спекулянтов за «грабегж трудового люда», а магазины — за то, что в них «хоть разбейся в лепешку, не найдешь бельевых веревок и банных веников».

Что же представлял собой новониколаевский базар нэповских лет? В 1920-е гг. сильно разросся Центральный базар. На нем постоянно сооружались «нахаловские» строения, нарушавшие порядок и загромаждавшие пространство, мешавшие проходу и сбивавшие с толку горожан. Самочинно возводимые на базарах харчевни и столовые становились «очагами пьянства и карточной игры», настоящей бедой для милиции и городской коммунальной службы. Существование подобных «клоак» считалось недопустимым и опасным, поэтому их сносили. Часть добротных торговых построек городские власти снесли в период разрухи, лес использовали по своему усмотрению. Часто торговля велась из палаток и с лотков.

Отправляясь на базар, обыватель должен был помнить и о собственной безопасности. Источники сохранили сведения о том, что после гражданской войны на рынках практически не было милиции. В начале 20-х гг. базарный смотритель просил прислать на Центральную базарную площадь четырех милиционеров, Ипподромскому базару требовалось два стража порядка. Из-за нехватки милиции и недосмотра санитарного надзора на рынках случались продажи неклеяменого мяса, других недоброкачественных продуктов, бывали недопустимые самовольные переходы торговцев с одного базара на другой, да и всяческие кражи,

грабежи и насилие не исключались. Частенько обыватели страдали от далеко не безобидных забав хулиганов и беспризорников, которые устраивали драки и «кучи малы», толкали покупателей в грязь, на бегу задирали подола женских юбок и выдумывали разные другие способы опозорить и унижить посетителей. Кроме того, базар вплоть до середины 1920-х представлял собой грязную, незамощенную площадь с навозными кучами, лужами и завалами мусора, способными одним своим видом вызвать отвращение посетителей.

Навести порядок на рынках было очень сложно. Мошенники, хулиганы, воры, спекулянты, антисанитария — все эти проблемы неизменно ассоциировались с базаром. В 1925 г. на Центральном базаре выросли настоящие обжорные ряды, весьма напоминающие описанную публицистом А. А. Бахтиаровым в знаменитом «Брюхе Петербурга» — «обжорку», где предприимчивые торговки прямо на грязных ящиках выставляли на продажу пищу, которую тут же и готовили: жареные пирожки, пельмени, прочую снедь. Здесь же кипели самовары и дымились закопченные сковородки, в которые летела площадная пыль и грязь. «Советская Сибирь» предупреждала горожан, что торговки пирожками имеют санитарные книжки и стоят на учете в саннадзоре, в то время как торговцы прочей снедью продают пищу без всякого разрешения. Здесь же, на территории рынка, располагались пивные и чайные, постоянными посетителями которых являлись городские торговцы, крестьяне, привозившие на базар сельскохозяйственную продукцию, и конечно, местные пьяницы. Близ базарных пивных даже днем прогуливались женщины легкого поведения, искавшие в толпе потенциальных клиентов.

На городских базарах можно было купить продукты и промышленные товары, другие предметы первой необходимости. Г. М. Кобзева, которая в 1922 г. девочкой переехала в

Новониколаевск с родителями, так вспоминает торговлю на рынке: «Самое центральное место занимала рыночная площадь, как раз там, где сейчас стоит Оперный театр. Богатая торговля была, бойкая. Мясо — тушами, гуси — возами, яйца — коробами. А в глубине базара кудахтали куры, кричали петухи, блеяли овечки, игогокали лошади — там продавалась всякая живность».

Судя по воспоминаниям старожилов, набор продуктов, предлагавшийся на рынках как в 1920-е, так и в 1930-е гг., не отличался особым разнообразием. Однако пища горожан была преимущественно натуральной. По списку продуктовых товаров, которые можно было купить на рынке в 1922 г., видно, что горожане потребляли хлеб, различные виды мяса (свинину, говядину, конину), домашнюю и дикую птицу (кур, гусей, индеек, уток, рябчиков, куропаток). Торговали на рынках зайчатиной и рыбой (осетрами, стерлядью, нельмой, язем, щуками и окунями, омулями и карасями). Можно было купить и деликатесы, вроде черной икры. Покупателям предлагались жиры, молочные продукты, яйца. В списке овощей приводятся капуста, картофель, свекла, морковь и лук. В продаже имелись товары, относящиеся к бакалейным: различные крупы (просо, манка, рис, горох), мука и пшеница, соль, приправы, сухофрукты (яблоки, сабза и урюк), ягоды (клюква, брусника, облепиха), кедровые орехи, мед, байховый и кирпичный чай, сушеные грибы.

Любопытно, что многие продукты ценились совсем иначе, нежели сейчас. К примеру, один гусь стоил более чем в семь раз дороже тушки зайца. Гусь стоил дороже даже одного фунта осетровой икры (приблизительно в 1,2 раза). А это значит, что гусь являлся праздничным и для многих горожан недоступным лакомством. Высокую цену имел урюк, фунт которого приравнялся к 6–7 фунтам грецких, или, как говорили в те годы, «кудрявых» орехов. Урюк был дефицитнее грецких орехов.

Продуктовые товары в начале 1920-х гг. были относительно разнообразными, но горожане все равно жили в ситуации продовольственного кризиса, ощущая недостаток самых необходимых продуктов. Безусловно, не все продукты были в равной степени доступны разным социальным слоям городского населения. Кроме того, в начале 1920-х гг. лавинообразно росли рыночные цены. «Советская Сибирь» каждый месяц осведомляла своих читателей о темпах роста цен на продукты питания, которые становились дороже с каждым днем. К примеру, если 5 июля 1923 г. стандартный «набор продуктов» в среднем оценивался в 823 р., то 8 августа его стоимость достигла 1759 р., а к 26 августа подскочила до 2082 р. Привозные товары могли стать недоступными по цене в считанные недели. В 1922 г. обыватель мог наблюдать неимоверные темпы повышения цены на байховый чай, который в середине мая горожане покупали по 5200 р. за пуд, в июне — по 6400, в июле — за 7200, в августе — за 12 тыс., в октябре — за 20 тыс. руб. А в январе 1923 г. байховый чай вовсе пропал с городских рынков, и поэтому чаепитие из повседневного занятия горожан стало превращаться в праздничное. Умереннее повышались цены на хлеб, мясо, основные овощи. К примеру, пуд мяса в мае 1922 г. стоил 1200 р., в июне даже подешевел на сотню, но в октябре достиг цены 2000–2500 р., в середине декабря — 3–4 тыс. руб.

Ассортимент базарных продовольственных товаров середины 20-х гг. практически не изменился по составу. Однако товаров стало больше. Теперь посетитель рынка мог выбирать: купить хлеб белый или ржаной, масло подсолнечное или конопляное, кету или селедку, кофе или байховый чай. Время от времени на базаре можно было приобрести и такие бакалейные товары, как грецкие орехи, фрукты, конфеты и т. д. Появлялись на городских рынках и продуктовые товары из числа особенно деликатесных, по нынешним критериям. К числу таких товаров

можно отнести пудовых осетров, которых ловили в Оби местные рыбаки.

Выбор горожанами продуктов питания зависел от цены и социального происхождения покупателей. Разные городские слои традиционно по-разному питались. Базарные цены на продукты, как правило, превышали цены, установленные на предприятиях государственной и кооперативной торговли. Например, в марте 1926 г. самое дешевое масло продавалось на рынке, однако молоко, творог и сахар стоили гораздо дешевле в магазинах Центральной рабочей кооперации и в «Сибторге». Если на рынке фунт мяса в июле 1925 г. стоил около 23 копеек, то в магазине «Губторга» № 1 фунт мяса первого сорта обыватель покупал за 19 копеек. Мясо второго сорта отпускали по 13 коп., третьего сорта — по 11 коп. И все же горожане неизменно толпились на рынках, где выбор товаров был богаче.

Наиболее людным являлся Центральный базар. На Закаменском базаре не было такой же бойкой торговли, поэтому многие закаменцы предпочитали посещать базар в центре города. Цены на продукты существенно варьировались, что было связано не только с экономической ситуацией в стране, но и с сезонными и иными обстоятельствами. Приведем некоторые примеры. В период с 1924 по 1925 г. горожанин покупал картофель то по 17 коп., то по 32 коп. за пуд; цены на молоко колебались между 44 и 82 коп. за ведро, на говядину — варьировались от 3 до 5,8 руб. за пуд, на горох — от 65 коп. до 1,34 руб. за пуд. Однако цены на «огородные» овощи, хотя и колебались, все же оставались низкими, поэтому морковь, свекла, капуста, репчатый лук стабильно раскупались и потреблялись городским населением.

В 20-е гг. потребность населения в пище удовлетворялась неодинаково даже в разное время года. Так, в марте 1926 г. крестьяне особенно активно везли продукты на рынки, желая сбыть до начала полевых работ остатки

урожая, что, безусловно, благоприятно сказывалось на питании горожан. В апреле подвозу продовольствия в города мешала весенняя распутица, поэтому продукты на городские рынки поставляли преимущественно крестьяне пригородных селений. Горожане чувствовали недостаток продовольствия. Во второй половине апреля поставкам продуктов из сельской местности мешало начало полевых работ. С установлением дорог новосибирский рынок начал оживать, хотя предложение хлеба пока не удовлетворяло потребностям горожан. В мае из-за полевых работ, достигших пика, сельскохозяйственная торговля в городе почти замирала. Кроме того, разлив рек ухудшал сообщение между городом и селом. В начале июня заканчивались полевые работы, устанавливались летние дороги. А это означало, что для городских обывателей ситуация с продовольствием улучшалась. Еще дожди не давали крестьянам выехать в поле, поэтому они, не теряя времени, отправлялись на базар. Оживление рынка привело к снижению цен на хлеб. Июльский сенокос вновь отвлекал крестьян от торговли, «все население в поле уехало». Влиял сенокос и на поставки определенных продуктов: овощей и муки везли в город больше. Августовская страда приводила к затишью рынков. Зато в сентябре новониколаевские базары несколько оживлялись — крестьяне продавали свежий урожай. К зиме базары разворачивались в полную силу, ведь крестьян не отвлекали полевые работы и они сбывали продукты, произведенные летом.

В зависимости от сезона варьировался и ассортимент продуктовых товаров. В начале лета крестьяне продавали много помидорной и капустной рассады. В начале лета на рынке появлялись первые помидоры — овощи дорогие, экзотические, по сибирским меркам 20-х годов. Их продавали поштучно по 15–25 коп., в зависимости от размеров. К середине лета возрастал подвоз на рынки города рыбы: стерляди, окуней, язей, карасей, щук. В июле горожане

покупали на базарах грибы: свежие (корзинами) и соленые — фунтами (белые, рыжики, маслята и др.). К концу июля можно было купить баклажаны по 7–9 коп. за штуку. Безусловно, летом базар был полон зелени и огурцов. В конце августа огурцы сильно дешевели. Новониколаевская домохозяйка могла купить сотню огурцов всего за 40–50 коп. При этом за десяток деликатесных помидоров она выкладывала ту же цену при самом удачном стечении обстоятельств. Продавались на базаре и более привычные для сибиряков овощи — скажем, свекла по 3 коп. за крупный корнеплод размером с кулак. В конце лета на базаре торговали молодым картофелем, цены на который падали с каждым днем. В августе горожанин мог купить пока еще дорогой кочан скороспелой капусты, на рынке появлялась даже цветная капуста. Кроме того, конец лета знаменовался торговлей арбузами, дынями, яблоками, грушами и ягодами. С середины августа базарный арбуз, в зависимости от веса, стоил от рубля до двух с половиной (пудовый арбуз). Эта цена являлась достаточно высокой: за 5 руб. в Новониколаевске можно было месяц снимать квартиру. Однако имелась статистика, согласно которой за лето один новосибирец съедал в среднем по три арбуза и ежедневно потреблял два-три мелких яблока. На августовском базаре появлялся в середине 20-х гг. и виноград, который тоже стоил дорого. Зато сравнительно дешевыми были ягоды: брусника, княженика, голубика, садовая и лесная малина. Зимой на рынках появлялись такие сезонные товары, как замороженное кругами молоко, мороженая клюква, мороженые яблоки, квашеная капуста, соленые грибы.

Продукты на городские рынки поставлялись не только крестьянами. Горожане могли купить на базаре и импортные товары. Примечательно, что в середине 20-х гг. дорого стоили некоторые импортные продукты, не отличавшиеся высоким качеством. В апреле 1926 г. новосибирский обыва-

тель платил частным торговцам за 1 кг китайского байхового чая низшего сорта 6,75 руб. (больше, чем за пуд мяса), а за фунт молотого кофе — 3,4 руб. (немного меньше, чем за пуд мяса). Килограмм кирпичного чая стоил 3,75 руб. Безусловно, такие продукты были доступны не всем горожанам и посещавшим базары сельчанам. Для многих горожан и сахар являлся продуктом праздничным. Диковинная сахарная голова, связанная с глубокими впечатлениями из детства, нередко фигурирует в воспоминаниях старожилов Новосибирска.

При всех своих особенностях и недостатках базарная торговля в годы нэпа была для измученных социально-политическими передрыгами обывателей чем-то вроде глотка свежего воздуха между тяжелым периодом гражданской войны и начавшейся коллективизацией. Горожанин, идущий в те годы за покупками на базар, обычно приобретал из продуктов только самое необходимое, изредка балуя себя и близких деликатесами и, если повезет, то какой-нибудь незамысловатой обновкой вроде галстука, стелек для ботинок, валенок или поношенной вещи с «буржуйского» плеча.

«Великий перелом» и городские рынки

Характер базарной торговли меняется к концу 1920-х гг. На закате нэпа со страниц местных газет начинаются обвинения «кулаков» в том, что цены на продукты высоки. Газеты сообщают, что государство ведет борьбу за снижение цен, за вытеснение капитала с рынка, старается препятствовать жажде накопления, свойственной «кулакам». Такова была официальная версия начавшихся проблем с продовольствием.

В конце 20-х гг. государство пыталось противостоять росту цен. В 1928 г., как реакция на наметившуюся инфляцию, вышло совместное постановление правительства

страны и ЦК ВКП (б) о снижении цен на товары массового потребления. Однако многие частные торговцы, в том числе и в Сибири, не желали снижать цены, что приводило как к затягиванию исполнения постановления, так и к дефициту самых необходимых товаров. Если цены все-таки снижались, горожане быстро раскупали подешевевшие продукты. Кампания по снижению цен провалилась, обернувшись огромными очередями за товарами первой необходимости и карточной системой распределения продуктов в городах.

С началом сплошной коллективизации резко изменилась картина базарной торговли в Новосибирске, которую теперь с большой натяжкой можно было назвать бойкой. Весной 1929 г. из-за начавшейся коллективизации резко сократился крестьянский подвоз муки, овса, мяса всех сортов, масла, овощей и молока. В наиболее проблемные дни горожане вовсе не могли купить мясо, даже на базаре. По слухам, обыватели были вынуждены покупать мясо «по квартирам», «по предложению, по знакомству». В середине марта на рынке появились заветренные бараньи туши. Это мясо старого убоя нельзя было больше хранить, поэтому его выставили на продажу. Горожане довольствовались некачественными мясными продуктами, но даже их далеко не всегда можно было свободно купить. В это же время, чтобы хоть как-то обеспечить горожан мясом, в деревнях забивали молочный скот. Естественно, возникала проблема со снабжением горожан молочными продуктами. Молочный рынок находился целиком во власти базарной стихии. Цены на дефицитное молоко неуклонно повышались, а сливочное масло являлось, наряду с яйцами, самым ходовым товаром спекулятивной торговли. Торговля овощами находилась целиком в руках частников, поэтому базарные цены на картофель, капусту, лук и морковь не позволяли обывателям покупать и эти простейшие продукты в достаточном количестве.

В 1930 г. цены на рынках Сибири подпрыгнули сразу в три раза по сравнению с 1929 г. Это значило, что для многих горожан они стали недоступными. Но покупателей, каждый день хотевших есть, ничто не могло остановить. Хотя базарные цены неуклонно росли в темпе «бешеной спекулятивной горячки», как выражались советские экономисты, горожане были готовы платить по 40 копеек за один базарный огурец в июле против 50 копеек, установленных ЦРК за десяток мелких огурцов. И вовсе не потому, что базарный огурец был лучше. Просто в кооперативных магазинах овощи даже в летнее время являлись дефицитом. Официально, в магазине ЦРК пучок редиски стоил 2 коп., но обыватель покупал этот овощ на базаре по 19 коп. — на прилавках торговых точек ЦРК редиски чаще всего просто не было. Даже на базаре продукты сельскохозяйственного производства становились дефицитными. Как и прежде, на предложении и цене продуктов сказывались сезонные обстоятельства. В период забоя скота дешевело мясо, летом дорожали масло и рыба, появлялись в продаже свежие овощи — все, как в нэповские годы. По-прежнему в середине апреля бездорожье мешало приехать крестьянам на базар; как и раньше, посевная и страда являлись причинами вялой торговли, которая традиционно активизировалась в хорошую погоду и по субботам. Как и при царе, базар пустел на Пасху и в последующие дни, когда крестьяне и горожане «восстанавливали силы» после праздника. По итогам торгового дня, следовавшего за Пасхой, в характеристике рынка записано: «Ничтожный подвоз из-за Пасхи. Очередь за водкой не уменьшается, а обыватель еще празднует».

Но товаров на базаре стало гораздо меньше. Кроме того, строгие ограничения, налагавшиеся на частную торговлю, приводили к росту цен, который казался совершенно неоправданным: дорого стоило все, начиная с пучка зелени и заканчивая сахаром, базарные цены на который

являлись произвольными. Но сладкого хотелось, и горожане покупали дорогой базарный сахар. Из-за коллективизации крестьяне избавлялись от «излишков» — кололи скот и спешили дешево сбыть мясо в городе. Впрочем, для властей такая тактика поведения крестьян была выгодна: можно было заявлять со страниц газет, что государству удастся сдерживать рост базарных цен на мясные продукты, в приобретении которых заинтересовано большинство горожан. Однако в этот период обыватели оставались хронически недовольными продовольственной ситуацией. Рост цен опережал рост заработных плат, хлеб раскупался молниеносно, бакалейные товары, даже самые скверные, оставались подчас несбыточной мечтой. Уж куда хуже? Каких-либо проявлений народных волнений в Новосибирске в этот период не наблюдалось, потому что часть населения все-таки верила в «светлое будущее» и непогрешимость советского правительства, другая же часть новосибирцев боялась репрессий.

«Центральный рынок за последние два года совершенно изменил свою физиономию», — писала «Советская Сибирь» в 1930 г. С базара исчезли лавки частных фирм, на корпусах появились вывески государственных торговых организаций: «ЦРК», «Акорт», «Сибторг», «Инвалидная кооперация». Количество частных торговцев резко сократилось, частник «измельчал», превратился в бабу, торгующую капустой с телеги, да в мужичонку с лотком, на котором выкладывались дрожжи или сладости. Писатель И. М. Лавров вспоминает, как его сосед, частный торговец Солдатов, не выдержав налогового давления со стороны государства, закрыл свою лавочку и умер на другой день от разрыва сердца. Если в 1925–1926 гг. для частных торговцев сложились благоприятные условия в результате подъема сельского хозяйства и оживления промышленности, то уже в 1927 г. для этих же частных торговцев наступили черные времена. Им было запрещено продавать хлеб, масло, кожи,

пушнину. А подоходные налоги, налоги на сверхприбыль и обложения в местный бюджет достигали 70 % всех доходов частников.

Анализ характера и условий базарной торговли в Ново-николаевске-Новосибирске периода нэпа, попытка взглянуть на новониколаевский базар обывательскими глазами приводят нас к следующим выводам. В короткий период между волнами социально-политических потрясений и больших экономических проблем население провинциального, но быстро растущего города, который еще до революции заявил о себе как о крупном торговом центре, получило возможность относительно качественной реализации потребности в питании. Значительную роль в питании горожан играли продукты, купленные на базаре. Смена политических и социально-экономических ориентиров в конце 1930-х гг. нанесла ощутимый удар по повседневному укладу обывателей Новосибирска.

Колхозная торговля в Новосибирске 1930-х годов

Согласно справочной книге «Весь Новосибирск» 1931 года, в городе продолжал функционировать Центральный базар, где торговали продуктами питания, и была запрещена торговля сеном и дровами. Зато именно как сенной базар помнят старожилы Ипподромский рынок. В справочнике 1931 г. он назван «базарной площадью с барахолкой». Велся торг и на Закаменской базарной площади. Небольшой базарчик располагался на Кузнецкой улице. К середине 1930-х гг. горожане могли посещать шесть колхозных рынков в разных районах Новосибирска: Ипподромский, Октябрьский, Центральный, Кировский, базар около станции Эйхе и Сибмашстроевский базар. Жители левобережной части города и района Эйхе (современный Первомайский район) получили возможность вскоре после основания самих районов посещать базары,

располагавшиеся недалеко от дома. Это было очень важно, ведь общественный транспорт функционировал в городе с огромными затруднениями, и посещение базаров в центре города становилось для обывателей с окраин хлопотным делом. Типична для тех лет картина, когда неуклюжая, нагруженная поклажей с продуктами горожанка пытается забраться в переполненный автобус. Завязывается скандал между женщиной и водителем — мол, с живым гусем, торчащим из вашей корзины, в транспорте ехать нельзя, он щипается...

С 1932 г. новосибирцы стали посещать колхозные рынки, продукты оттуда служили существенным подспорьем в питании горожан. Колхозная торговля 30-х гг. организационно уже отличалась от базарной торговли прошлых лет. Государство не справлялось с задачей полноценного продовольственного снабжения горожан, поэтому было вынуждено сохранять элементы частной торговли. Однако теперь на базаре организовано сбывали «излишки» сельскохозяйственного производства преимущественно колхозы, единоличные же крупные частные торговцы исчезли с базаров.

Появление организованной колхозной торговли способствовало разрешению многих проблем, связанных с покупкой продуктов питания. Ассортимент продуктовых товаров на колхозных рынках был более или менее стабильным. На колхозные базары города обыватели шли за парным мясом: говядиной, свиной, бараниной и телятиной. При этом говядина традиционно пользовалась значительно более высоким спросом. Так, в 1937 г. говядина составляла 63,4 % всего реализованного за год мяса, а в 1939 г. — 61,4 %; свинина составляла, соответственно, 30,7 и 33,0 %. Непопулярной среди городского населения была баранина, составлявшая 5,9 и 5,3 %. Телятина предлагалась горожанам на колхозных рынках только в 1938 г., и ее продажи составили всего 11 % от общего объема проданного

за год мяса. Горожане покупали на колхозных рынках масло, сало, яйца, картофель, молоко, творог, сметану, хлебопродукты, огородные овощи, рыбу. Однако даже при большом желании на колхозных рынках Новосибирска горожанин не нашел бы фруктов, которые считались в тяжелые 30-е гг. редким и дорогим лакомством. В памяти писателя И. М. Лаврова сохранились частные базарные лавочки 20-х гг., благоухавшие ароматами свежих арбузов, дынь, яблок и урюка. Теперь не стало ни дынь, ни арбузов, ни самих лавочек.

В сравнении с другими городами СССР, в Новосибирске второй половины 30-х гг. хорошо раскупались мясо и картофель, в средних количествах продавалось молоко и яйца, в малых количествах — масло, продажи которого постепенно снижались. В Новосибирске наблюдался постоянный рост реализации большинства основных продуктов. Однако перед войной отмечалось снижение реализации картофеля, моркови, свеклы, капусты, сливочного масла. В предвоенные годы в широкое потребление входили помидоры, которые все чаще можно было встретить на колхозных рынках. Помидоры было крайне трудно «поймать» в магазинах города, однако на базаре эти овощи обычно продавались свободно. Время от времени на колхозном рынке можно было купить дичь.

Осенью-зимой в Новосибирске открывалась межрайонная колхозная ярмарка, куда колхозники привозили мясо, картофель, овощи, масло и прочие продукты. Для колхозников здесь продавались промышленные товары. К примеру, ярмарка 1936 г. открылась 2 января и продолжалась 12 дней. На ярмарке торговали крестьяне из 22 районов. Они активно подвозили мясо и овощи. При этом ярмарочные цены, скажем на капусту, лук и картофель, были ниже, чем в государственных магазинах.

Хотя вопросы «здорового питания» еще не стали актуальными для горожан 30-х гг., колхозные рынки все-таки

привлекали обывателей качественными деревенскими продуктами. С другой стороны, базары по-прежнему отталкивали покупателей высокими ценами. Горожанин вставал перед выбором: купить 1 кг парной говядины на колхозном рынке за 12 р. (данные июля 1939 г.) или отправиться за говядиной худшего качества по 7 р. 20 к. в государственный магазин, где мясо нужно было «ловить» и, «поймав», выставлять за ним длинную очередь. В отчетной документации по ценам часто фиксировалась ситуация, когда стоимость продуктов на колхозных рынках города совпадала в начале и конце года с государственной, однако в середине года была значительно выше и возрастала к весне следующего года. Основной тенденцией являлось неуклонное, год от года, возрастание цен. Их пытались сбить, но общая тенденция роста цен практически на все товары была неизменной и очевидной для покупателей. За один 1939 г. цены на молоко возросли на 20,0 %, на яйца — на 27,3 %, на картофель — на 66,9 %. При этом темпы повышения заработных плат не соответствовали темпам роста стоимости основных продуктов питания.

Несмотря на высокие базарные цены, горожане постоянно посещали колхозный рынок, поскольку государство не справлялось с задачей полноценного продовольственного снабжения населения страны. Однако колхозная торговля играла лишь вспомогательную роль в снабжении города продуктами питания. В среднем по городам страны в 1938–1940 гг. реализация продуктов в рамках колхозной торговли составляла лишь 13,3 % всей реализации. Трудно делать однозначные выводы о развитии колхозной торговли по отношению к государственной в Новосибирске, ведь мы располагаем данными лишь за 1935 г. Из них видно, что значение привоза разных продуктов на колхозные рынки города в этом году было неодинаковым. Подчас объемы продаж колхозной торговли существенно превышали объемы продаж государственной торговли, но

это касалось лишь пшеничной муки и сливочного масла. К примеру, привоз пшеничной муки значительно рос с каждым кварталом и составлял от 44,8 до 71,1 % всего привоза. В четвертом квартале 1935 г. объемы подвоза сливочного масла составили 80,6 % всего подвоза. А вот объемы подвоза говядины составляли в среднем 22,5 %, картофеля — 5,9 %, молока — 5,2 %. В разные годы отмечаются разные объемы подвоза разных продуктов, но очевидно, что объем подвоза и продаж продуктов на колхозных рынках Новосибирска имел тенденцию абсолютного и относительного роста.

Условия торговли на новосибирских базарах 30-х гг. не отличались удобством для покупателей и продавцов. В 1930-х гг. по-прежнему существовала проблема санитарного состояния базаров. «Советская Сибирь» писала, что колхозники привозят в Новосибирск для продажи излишки продуктов сельского хозяйства, однако приходится везти меньше, чем они планируют, поскольку хранить продукты фактически негде. Кроме того, плохо оборудованные мясные ларьки стояли открытыми и грязными. Колхозникам, привозившим на рынок товар, негде было перекусить, выпить стакан чая, негде было оставить свою лошадь. Базарам 30-х гг. не хватало былой самоорганизации. Городские власти не были заинтересованы в благоустройстве рынков — это дело было затратным, а городской бюджет и так испытывал дефицит. Предприниматели же нэповских времен, которые получали выгоду от устройства харчевен, «обжорок» и т. п., потеряли возможность зарабатывать деньги таким способом и занялись, скорее всего, тем, что могло приносить выгоду в новых условиях, например, спекуляцией.

Советская урбанизация набирала обороты, Новосибирск рос, как на дрожжах. На рубеже 20–30-х гг. в советские города хлынули крестьяне, боявшиеся «раскулачивания», что вызывало повсеместную нехватку продовольствия.

Однако взаимодействие города Новосибирска с селом в эти годы характеризовалось не только этой общероссийской тенденцией. Именно в 1929–1930 гг. существенно расширилась городская черта Новосибирска за счет присоединения к городу нескольких сел и деревень. Население вчерашних сел и деревень посещало рынки города скорее не с целью купить, а желая сбыть сельскохозяйственную продукцию. Эта категория населения питалась преимущественно тем, что давало их собственное хозяйство. Более консервативным было старшее поколение жителей окраин, предпочитавшее жить традиционным крестьянским трудом. Из продуктов питания старожилы покупали в городе преимущественно лакомства — орехи, пряники, яблоки и пр. Эта категория населения, судя по воспоминаниям, в 20–30-е гг. не испытывала недостатка в питании. Бывшие деревенские семьи обычно имели разные источники доходов: молодые люди устраивались на городскую работу в сфере обслуживания и на производство, старшее поколение занималось крестьянским трудом. Этим людям почти не коснулось «раскулачивание», хотя, конечно, некоторые семьи пострадали от репрессий.

В исторической памяти горожан этот период сопряжен с многочисленными повседневными сложностями, к числу которых, безусловно, относилось недоедание и отсутствие в продаже даже самых простых продуктов.

«По ордерам, по ордерам, по заборным книжкам...»

Итак, в 1929 году в повседневную жизнь новосибирцев вернулись продовольственные карточки. Карточная система просуществовала вплоть до 1935 года. С устранением нэпа постепенно исчезала и частная торговля, сокращалось число торговых точек. Но карточная система оказалась несостоятельной: у государства не хватало ресурсов для обеспечения населения огромной страны даже простей-

шими продуктами питания, поэтому в 1932 г. возродили базарную торговлю в виде колхозных рынков, ведь тенденция ухудшения ситуации с продовольствием в 1929–1932 гг. была общей для всех советских городов. Потребление городским населением страны мяса и сала в 1932 г. снизилось на треть по сравнению с 1928 г., потребление хлеба снизилось за тот же период приблизительно вдвое. В повседневном пищевом рационе горожан не доставало мясных, молочных продуктов и фруктов.

Каким же был минимум продуктового снабжения по карточкам? В 30-е гг. использовались так называемые «заборные книжки», которые выдавали кооперативные организации своим членам. По этим книжкам члены кооперативов получали определенное количество товаров. Были и привычные населению еще со времен гражданской войны карточки и ордера. Существовали также и «книжки пайщиков» — документы на выдачу продуктов пайщикам Центральной Рабочей Кооперации. Такие книжки были разными для рабочих первой и второй категории. Дети отоваривались по специальным «детским книжкам». В 1931 г. государство признало родство «заборных книжек» и карточек, введя единую систему снабжения по «заборным книжкам».

Такая путаная, постоянно меняющаяся документация осложняла снабжение по карточкам, только раздражая обывателей. После сытых нэповских лет возвращение к карточному распределению продуктов было для горожан более чем неприятным. Однако мошенники и пройдохи умудрялись спекулировать и наживаться на карточном снабжении. Даже в самые тяжелые годы в Новосибирске, как и по всей стране, находились люди, умевшие извлекать выгоду из казалось бы совершенно невыгодной ситуации. Продовольственная карточка для тех лет являлась большой ценностью, поэтому кражи, перепродажи и подделывания карточек приносили хороший «барыш». Мошенники

делали «затирки», «подчистки», оформляли карточки на несуществующих едоков. Карточная система начала 30-х гг. была строго иерархичной. Многие, особенно непролетарские, слои населения были сильно ограничены в получении по карточкам основных продуктов питания. Ежемесячно появлялись новые нормы выдачи продуктов для разных категорий населения. Горожане не знали, чего ждать от грядущего месяца, зачастую готовились к худшему. Беспокойство порождало слухи. В июне 1930 г. «Советская Сибирь» была вынуждена развеивать слух о том, что, якобы, скоро вторая категория населения будет снята с хлебного довольствия.

Впрочем, эти опасения отнюдь не являлись беспочвенными. Продуктовое снабжение было каждый месяц разным. К примеру, в январе 1930 г. по «заборным книжкам» снабжали сахаром, крупой, растительным маслом и чаем. Если рабочие первой категории получали от 800 г сахара до 1 кг (в зависимости от того, являлся ли рабочий пайщиком ЦРК), то рабочие второй категории (не пайщики ЦРК) получали от 400 до 800 г сахара на месяц. Крупы (гречки, овсянки, ячменя, пшенки или перловки) выдавали по 250 г рабочим первой категории и по 150 г рабочим второй категории, вне зависимости от того, являлись ли они пайщиками ЦРК. Чай получали только пайщики ЦРК по 50 граммов, вне зависимости от категории. Дети находились в более выгодном положении, чем их взрослые родители. Сахара по детской книжке можно было получить 1 кг, крупы — 700 г, масла — 0,5 л, чай детям не полагался. Ежедневно горожане покупали по карточкам хлеб. Зимой 1930 г. максимальной нормой дневной выдачи хлеба являлось 700 г для рабочих первой категории. Наверняка кого-то немного радовало то, что с 15 января можно было отовариться хлебом на 3 дня вперед. В августе 1930 г. стали снабжать мукой, сахаром, крупой, рыбой, мясом и чаем. Рабочим Новосибирска выдавали муку вместо хлеба.

Сахара выдавали от 700 г до 1 кг рабочим, от 200 до 400 г служащим (в зависимости от того, являлись ли они пайщиками), детям давали по 700 г сахара и по 500 г карамели. Крупу получали только грузчики, водники и строители Сибкомбайна. Эта же категория населения обеспечивалась мясом, которого можно было купить до 2250 г на месяц. Рыбу и чай получали только рабочие высшей категории, да и то в незначительных количествах.

Такие ущербные нормы выдачи продуктов, безусловно, возмущали обывателей, однако открыто выступать было рискованно. Если городское население преимущественно неплохо питалось в годы нэпа, то теперь настало время менять свои повседневные привычки, связанные с питанием: отказаться от чаепития, забыть вкус сахара, варить кашу на воде, а не на молоке, начать самостоятельно печь хлеб и т. д. Благодаря системе карточного распределения продуктов, рабочие стали питаться лучше, чем служащие, хотя в 20-е гг. ситуация была обратной. Ради лишнего куса хлеба было резонно сменить профессию, чтобы зачислиться в первую категорию рабочих. Однако в 30-е гг. найти работу было не так уж и просто. Многие шли на махинации с карточками, пытались зачислиться в первую категорию обманом. Нереализованность потребности в полноценном питании толкала людей на преступления.

Отдельного внимания заслуживает ситуация со снабжением новосибирцев молоком. Этот продукт полагалось потреблять только детям, которые, как и их родители, вплоть до весны 1930 г., делились «по категориям». Имеющихся запасов молока не хватало. В 1930 г. в городе насчитывалось около 36 тыс. детей до 12 лет. Количество молока, поступившего в продажу в феврале, было рассчитано только на 15–16 тыс. детей. Это означало, что даже наличие молочной карточки не гарантировало родителям покупку молока, за которым приходилось отстаивать в длинных очередях. До

отмены деления детей по «категориям» получалось, что у малышей из семьи чернорабочих было больше шансов выпить стакан молока, нежели, скажем, у ребенка одинокой учительницы. С отменой пресловутого деления шансы уравнились и понизились.

Выдача продуктов по «заборным книжкам» неизменно сопровождалась очередями, в которых простаивало до полутора тысяч человек, волокитой, ошибками при выдаче продуктов, спекуляцией дефицитными товарами, всевозможными получениями карточек на «мертвые души» и прочими возмутительными для честных обывателей обстоятельствами. То и дело газеты были вынуждены констатировать неготовность магазинов к раздаче продуктов, факты срывов рабочего снабжения и махинаций с карточками. Все это вызывало недовольство, всплески возмущения и озлобленный кухонный шепот обывателя, который, как известно из стихотворения С. Черного, «просто жить хочет». Старожил Новосибирска А. С. Токарева рассказывала: «На одну карточку давали полкило хлеба; кроме хлеба, по карточкам можно было купить сахар, соль, жиры. В магазинах ничего нельзя было купить, а на базаре продукты продавали по очень высоким ценам». Писатель И. М. Лавров вспоминал, как в детстве бегал за хлебом по сорокаградусному морозу, как ему было «противно торчать в этих чертовых очередях», как мало давали хлеба по карточкам: «выданный троим на весь день хлеб я мог сразу съесть один».

«Сибторг», «Губторг», «Акорт», «Торгсин»...

Продукты питания горожане могли купить не только на базаре, но и в магазинах. В советское время магазины нашего города национализировали, многие из них закрылись еще в годы революции и гражданской войны. После гражданской войны торговля в Новониколаевске создава-

лась заново. С периодом нэпа связано развитие потребительской кооперации, поощряемой государством.

В 20–30-е гг. в Новосибирске функционировали сети следующих акционерных торговых предприятий: «Сибторг» (1922–1923 гг.), «Губторг» (1922–1925) и «Акорт» (1926–1928). «Сибторг» появился в результате преобразования торгового отдела при управлении снабжения и являлся одной из первых крупных коммерческих организаций, которые занимались реализацией различных продуктовых товаров, поступавших в Сибирь. Среди этих товаров значительное место занимало сливочное масло, кондитерские и бакалейные товары. Кроме того, в магазинах «Сибторга» и «Губторга» продавались бакалейно-колониальные и винно-гастрономические товары. Неизменным спросом пользовались мука и другие продукты питания из числа основных. К примеру, на торговые точки «Сибторга» и «Губторга», начиная с 1923 г., поступала продукция «Мясохладобойни». Известно, что это предприятие в 20–30-е гг. занималось, помимо заготовок мяса (говядины, свинины и баранины), производством колбас, ливерных и печеночно-почечных пирожков,пельменей, котлет и других полуфабрикатов. Уровень производственных технологий на предприятии в 30-е гг. вырос в сравнении с дореволюционным периодом, хотя и несущественно: в процессе производства стали использовать приспособления для консервирования, мельницу для помола перца, который прежде мололи вручную; начали применять новые средства, позволявшие экономить воду, энергию и спирт. Однако процесс производства осложнялся отсутствием достаточного количества квалифицированного персонала, а это сказывалось на качестве готовых продуктов. Кроме того, влияло на качество продуктов антисанитарное состояние производственных цехов и холодильников.

В продуктовых магазинах горожане могли купить не только основные продовольственные товары, но и лаком-

ства: выбрать печенье, конфеты местного и московского производства, сухофрукты широкого потребления — урюк, сабзу и бадану. «Сибторг» и «Губторг» заботились о поставках импортных продуктовых товаров, поэтому посетители магазинов могли приобрести чай, сахар, рис, сельди, кофе, пряности (были широко распространены перец горошком и лавровый лист), орехи и миндаль, лимоны и апельсины. «Губторг» часто давал рекламу своих товаров в местных газетах: сообщал о подвозе консервированных омаров, паюсной икры и прочих деликатесов.

Как правило, на прилавках залеживались дорогие деликатесные товары, рекламой которых магазины пытались завлечь покупателей, но которые не пользовались спросом: балыки, семга, икра, астраханская сельдь, вина, ликеры, наливки... Не пользовались спросом и хлеба «высших сортов». Вообще, в торговле хлебом существовали некоторые сложности. В 1924 г. отмечалось, что мукомольная промышленность находится «в хаотическом состоянии» и многие хлебозаготовки внеплановы, существовали проблемы в своевременном снабжении мельниц зерном и в сбыте готовой продукции.

«Акорт» — акционерное общество, занимавшееся розничной торговлей товарами широкого потребления на территории Сибирского края — имело сеть продуктовых торговых точек и в Новосибирске, число которых, по данным 1927–1928 гг., колебалось от пяти до четырнадцати. В их числе имелись универсальные магазины, магазины под названием «Бакалея и хлебопродукты», обычные бакалейные магазины, винно-гастрономические магазины, магазины, торговавшие мясом, рыбой и овощами, существовали ларьки и «лавки на окраине». Лучшие торговые точки «Акорта» располагались в центре города, мелкие же размещались на окраинах, в незначительном количестве. Жители отдаленных районов не были в полной мере обеспечены даже хлеботорговыми точкам, которые местами

вовсе отсутствовали. В «акортовских» продуктовых магазинах новосибирцы покупали муку, крупы, бобовые, хлебобулочные изделия, животное масло, яйца, рыбу разных сортов, фрукты, бахчевые, сахар, консервы, кондитерские изделия, соль, спиртные напитки, овощи (картофель, капусту, свеклу, морковь, лук, огурцы, помидоры). Для «Акорта» больше всего из овощей заготавливалось капусты, которая, видимо, пользовалась наибольшим спросом. Второе место по объему заготовок занимали свекла и морковь, третье — картофель. Меньше всего заготавливали лука и помидоров, которые только входили в пищевой рацион новосибирцев, особенно жителей окраин. Есть сведения, что для торговых предприятий «Акорта» выращивали также и арбузы.

О, арбузы! Розовая мечта, которая влекла инюшенских хулиганов в таинственный Туркестан, но жестоко обманывала, оборачиваясь затяжной дизентерией и досадным возвращением в родительский дом, где поджидал злоеущий батюшкин ремень... Арбузы, несомненно, являлись лакомством.

Новосибирцы, посещавшие магазины города в 20-е гг., сталкивались с обычными для того времени проблемами. Магазины не могли похвастаться достойным уровнем сервиса. Простаивая в нескончаемых очередях, посетители магазинов теряли много времени и испытывали раздражение. Нередко случалось, что покупатели, «простояв в очереди и потеряв последнее терпение, уходят из магазина». В 20-е гг. стабильно не хватало продавцов, или, как тогда говорили, «приказчиков». К тому же многие приказчики не обладали хорошими манерами: грубили покупателями и нерасторопно их обслуживали.

Магазин провинциального довоенного Новосибирска являлся одним из тех мест, где трудился неквалифицированный, малообразованный маргинальный люд. Мальчишки на побегушках в магазинах, бочкомой и чаномой на

винном производстве, номерщицы в банях — обычные для 20-х гг. профессии. Специфический кадровый состав торговых предприятий подчас порождал казусные ситуации. Например, в 1923 г. магазин в бывшем доме Ежова на Красном проспекте стал закрываться на обед. Сотрудники магазина расходились и разъезжались по домам и, как правило, не успевали вернуться к концу обеда, что нарушало обычный рабочий ритм. Пришлось отказаться от обеденного перерыва. Сотрудники вновь «целый день сидели голодом».

Безусловно, обычный график работы магазинов — только до 17–18 часов — был неудобным. Работавшие допоздна горожане не всегда успевали зайти за продуктами. В 1923 г. новониколаевцы получили возможность посещать дежурный ночной магазин, где продавались гастрономические бакалейные и кондитерские товары, а также вина. «Ночной» магазин был единственным на весь город и работал только до полуночи. Этот же магазин обслуживал покупателей в праздничные дни. Очевидно, услуги такого магазина были очень востребованными — предприятие делало существенные товарообороты. В 1926 г. горожанам предлагалась еще одна интересная услуга — продажа тортов, пирожных и печенья с доставкой на дом. Но эта услуга широкого распространения не получила.

В начале 1920-х гг. во многих магазинах отсутствовало электрическое освещение, что, безусловно, особенно в зимнее время, осложняло выбор продуктов. Однако отсутствие электричества еще не воспринималась обывателями как катастрофа: к повсеместному и бесперебойному электрическому освещению еще не все привыкли. По всей видимости, распорядок дня подчинялся естественному освещению. Стоит упомянуть и о том, что покупатели не были застрахованы от приобретения недоброкачественных продуктов питания — такие случаи нередко фиксирова-

лись. Например, в 1927 г. на протяжении двух недель в магазине № 1 торговой сети «Акорт» торговали заплесневевшей кетой. Несомненно, порче продуктов способствовало характерное для многих магазинов антисанитарное состояние складов и других служебных помещений, где хранились продукты.

В 1930-е гг. частная торговля постепенно была ликвидирована, советская торговля осуществлялась государственными торговыми предприятиями и кооперацией (продолжали работать магазины торговой сети «Акорт», «Сибторг» и «ЦРК»), которая полностью подчинялась государству. В общем, самодеятельность в торговле практически исключалась, что делало питание населения более «усредненным».

В 1930 гг., когда в стране уже сменились социально-экономические ориентиры, в городе существовало всего 36 магазинов, которые размещались преимущественно в центре города. Кроме того, существовало и 93 продовольственных киоска, разбросанных по всему городу. Однако ассортимент продукции в киосках был очень ограниченным. Стоит помнить, что население Новосибирска в 30-е гг. существенно возросло, а число продуктовых магазинов по сравнению с дореволюционным периодом снизилось. Это было связано с системой закрытого карточного распределения основных продуктов и устранением частных торговых точек.

С отменой карточек в середине 30-х гг. настало время «свободной торговли», и число торговых точек резко возросло, достигнув 577. Горожане получили возможность посещать три новых больших универмага и 20 крупных специализированных магазинов. С 1932 по 1935 гг. в Новосибирске работал «Торгсин» — предприятие государственной торговли с иностранцами. Однако с ужесточением тоталитарного режима в стране «Торгсин» закрылся. Перед войной произошло некоторое расширение сети торговых

предприятий. В 1940 г. в городе функционировало даже 9 специализированных овощных магазинов.

Ассортимент продуктов, продававшиеся в магазинах города, не особенно отличался от ассортимента 20-х гг. Но населению Новосибирска явно не хватало товаров, выставившихся на прилавках магазинов, хотя цены в 1930 г. подскочили вдвое, а основные продукты распределялись по карточкам. Типичным был случай, имевший место в одном из магазинов «Акорта»: магазин получил на реализацию кету, но фактически не справился с реализацией. Продажи осуществлялись только по заборным книжкам. Изначально продавали по 4 кг на руки, вскоре этот объем продажи пришлось сократить из-за наплыва покупателей. Очередь превратилась в давку, давка — в битву и дикий скандал. Часто случалось, что в овощных магазинах отсутствовали основные овощи: картофель, капуста, лук, соленые огурцы. Газеты объясняли отсутствие овощей провалами планов заготовок или вредительством. Однако едва ли обывателей удовлетворяли такие объяснения. Среди дефицитных, лакомых товаров, которые особенно рекламировались в 30-е гг., фигурировали фрукты. В 1937 г. «Советская Сибирь» давала рекламу продажи по сниженным ценам арбузов, дынь и яблок в магазинах «Новосибторга». Рекламировались в газетах и испанские апельсины. В канун нового 1938 года обыватели могли порадовать себя и своих детишек еще одним, редким по тем временам лакомством — грузинскими мандаринами, которые реализовывались в магазинах города поштучно. За экзотический фрукт приходилось выкладывать довольно большую сумму: маленькая мандаринка стоила 25 коп., средняя — 45 коп., большая — 65 коп. Мандаринка могла стать вполне достойным новогодним подарком для малыша. Старожил Новосибирска Т. Р. Дугалюкова вспоминает, что на доверенных школьных елках Дед Мороз делал детворе скромные подарочки — кому яблочко, кому булочку, кому конфетку,

и дети обычно оставались вполне довольными. Вообще же новосибирцы в конце 1930-х гг. перед праздниками, судя по рекламе, имели возможность купить дефицитные, деликатесные продукты: фрукты, колбасы, кондитерские изделия, виноградные вина. Другое дело, что стоило все это очень дорого и покупка таких товаров всегда сопровождалась очередями. Кроме того, не все слои населения покупали такие «изысканные» продукты. Для многих они являлись не только недоступными, но и непривычными. Судя по воспоминаниям, даже на свадебном торжестве горожане из простой рабочей среды обходились зачастую самогоном и незамысловатой закуской.

Вообще, привлекательная реклама продуктов в газетах 30-х гг., похоже, была подобна очагу папы Карло из сказки про Буратино — яркой картинке, намалеванной на куске старого холста. Реклама создавала иллюзию благополучия и сытости. Старожилы вспоминали чаепитие своего детства, когда кусочек сахара употреблялся «вприглядку» — выкладывался на середину стола, чтобы украсить нищенскую «самобранку» 30-х гг., но есть его было запрещено, ведь он был единственным и приберегался для «особого» случая.

Сказкой, по меркам 30-х гг., являлся «Торгсин», отличавшийся фантастическим предложением продуктов питания, которые, однако, в основном были не доступны основной массе горожан. Реализация товаров «Торгсина» производилась только за валюту, золото или серебро. Естественно, круг посетителей этого магазина был узок. Однако в голодные времена горожане все-таки шли в «Торгсин» и в обмен на золото покупали продукты, в которых нуждались. Немногочисленные покупатели «Торгсина» могли выбирать из большого разнообразия видов бакалейных товаров — импортных и местного производства, среди которых имелось множество видов консервов из самых разных рыб и овощей (включая даже цветную капусту и фасоль); несколько видов соленой икры, лапша, верми-

шель, различные колбасы и сосиски (от салями до охотничьих колбасок); сливочные сырки, плиточный шоколад (в том числе и знаменитый «Миньон»); фрукты и ягоды в шоколаде, трюфели и грильяж, фисташки и маслины, кофе, какао, изысканные специи, вина, ликеры и водки невиданных сортов, которые выставлялись только в «Торгсине». Многие товары (карамель, какао, шоколад, водки, коньяки, виноградные вина, рыбные консервы, сельди, грецкие орехи и пр.) оказывались неходовым товаром и залеживались на прилавках — планы по продажам не выполнялись. Это обстоятельство явилось одной из причин быстрого сокращения сети магазинов в Сибири. Однако стоит отметить, что новосибирский «Торгсин» в 1934 г. перевыполнил план (выполнение плана составило 115,9 %). Этот магазин продолжал функционировать вплоть до закрытия в 1935 году по всей стране сети торговых предприятий «Торгсин».

Обычные магазины государственной торговли в 30-е гг. неизменно привлекали покупателей. Цены там были средними между ценами на продукты по карточкам и рыночными. Но для покупателей существовали значительные количественные ограничения на приобретение продуктов. Поэтому те, кто хотел купить больше, были вынуждены идти на колхозный базар. Хотя ассортимент продуктов, выставлявшихся в магазинах, был скудным, он, как свидетельствуют воспоминания старожилы, приблизительно соответствовал продовольственным запросам обычных обывателей, которые привыкли к недоеданию и к простой, грубой пище. В воспоминаниях фиксируется и тот факт, что в первой половине 30-х было крайне трудно купить многие продукты, но перед войной магазины неожиданно начали наполняться товарами. Е. А. Карымова вспоминала: «Перед войной откуда только что появилось. В магазинах появилось неожиданно очень много того, чего прежде мы не видели». К примеру, в 1940 году существенно расширился ассортимент хлебных продуктов, производив-

шихся в Новосибирске. Горожане могли выбрать торт из 24 предлагавшихся видов этой продукции: «Трюфель», «Мокко», «Большой театр», «Миньон», «Абрикотин»... В Новосибирске пекли 18 видов кексов, различные батоны, калачи, сайки, русские и польские булки, сухари, несколько видов печенья, в том числе и диетического, сухие завтраки, сахарные коржики, вафли, пышки, пирожки с повидлом, с джемом, с рисом и яйцами и многое другое.

Появились во второй половине 30-х и различные, новые для новосибирцев, синтезированные продукты: вкусовые экстракты (сливовый, яблочный, вишневый), фруктовые эссенции, пищевые красители, сухие кисели, супы-концентраты, сухой морс, фруктовые сиропы, кетчуп и соевый соус. Но эти продукты тогда были доступны скорее представителям партийной элиты, нежели простым горожанам.

«Встретились мы в баре ресторана...»

Современная городская инфраструктура немислима без столовых, кафе и ресторанов, где обыватели не только едят, но и общаются, проводят досуг. Столовые, кафе и рестораны межвоенного периода существенно отличались от современных заведений подобного рода и по количеству, и по своему значению в структуре городской повседневности.

Безусловно, с приходом советской власти в городе угас некогда хорошо развитый трактирный промысел. И хотя советская власть занималась решением проблем общественного питания еще с ноября 1917 г., эта сфера экономики в 20–30-е гг. развивалась медленно и не особенно успешно. Приведем для сравнения некоторые данные дореволюционной статистики. В 1904 г. в городе имелось 21 трактирное заведение, на один трактир приходился 1251 житель. В 1910 г. в городе существовало всего 87 трактирных заве-

дений (из них собственно трактиров и ресторанов — 12), 50 пивных лавок и винниц, 3 заведения, подпадавшие под категорию «харчевни, закусовые, столовые, чайные», 2 буфета. На один трактир приходилось 606 горожан. Даже не располагая статистикой начала 20-х гг., можно с уверенностью сказать, что количество подобных заведений в это время существенно сократилось. Случайному человеку, не приписанному к определенной столовой и не знающему местонахождения частных кафе, было крайне трудно добыть горячую еду в Новониколаевске. Эта проблема остро стояла на вокзале, на пристани и в некоторых других людных местах. В период же расцвета нэпа на вокзале и на пристани появилось немало торговцев пирожками, семечками и прочей снедью. На обской пристани открывались частновладельческие лавочки, бойко торговавшие едой.

В годы нэпа в нашем городе альтернативу общественным столовым составляли частновладельческие кафе и харчевни, отрывочные сведения о которых мы находим в газетах того времени. В первой половине 20-х гг. частных предприятий общественного питания в городе было значительно больше, чем в последующий период. Нам известно, что в 1922–1923 гг. обыватель мог выбирать, пойти ему отужинать в частновладельческое кафе «Аполло» или в кафе-трактир «Звезда», которое, впрочем, попало на газетную полосу благодаря грубости его персонала. Летом новониколаевские «толстосумы» (преимущественно нэпманы) любили посещать сад «Юпитер» с рестораном, где до глубокой ночи публика весело кутила. В 1925 г. «Юпитер» закрылся. Сразу же ему на смену в 1925 г. распахнул двери «Летний павильон» кавказской кухни, где с 10 утра до 2 часов ночи жарили шашлыки из баранины, телятины, говяжьего филе и предлагали посетителям отведать приготовленных на вертеле цыпленка или рыбу. Гости «Павильона» угощались пивом, виноградными винами и наливками разных фирм, слушали живую музыку и веселились.

При входе в дорогое кафе, к примеру «Де Пари», настроенные на праздник посетители могли купить мороженое у опрятных уличных мороженщиков, в то время как в более людных и «простых» местах руки и фартуки мороженщиков отнюдь не сияли белизной. В нэповские годы новониколаевцы имели возможность посетить и рестораны высокого класса, скажем, «Свет» или «Ренессанс», открывшийся в 1922 г., где устраивались обеды и ужины «à la carte», подавали какао и кофе, и где посетителей развлекало концертное трио. Люди с менее взыскательным вкусом выбирали кафе «Биржа» на Центральном базаре.

Несомненно, что грязные харчевни на Закаменском базаре привлекали прежде всего городских пьяниц, которые искали возможности «угоститься» там самогоном. Впрочем, в новониколаевских газетах мы находим намек на то, что эти заведения представляли собой отнюдь не единственный пример «харчевочек», где собиралась не самая пристойная публика и рекой лился самогон, с производителями и продавцами которого власти вели борьбу. «Сколько в Новониколаевске пивных? Десятка три, если не больше», — вел подсчет журналист «Советской Сибири» Г. Андреевич осенью 1925 г.

В городских пивных нередко происходили неприятные инциденты, которые могли весьма драматично закончиться. Так, в феврале 1925 г. в частной столовой гражданина Алимпиева на ул. Межениновской завязалась отчаянная драка между хозяином заведения и сильно пьяными посетителями, «инвалидами-неврастениками», как уточнялось в репортаже газеты «Советская Сибирь», где была описана эта история. «Инвалиды-неврастеники» не желали платить по счету за выпитое пиво. За хозяина вступились некоторые посетители. Драчуны жестоко били друг друга, и не только кулаками. В ход пошли пустые и полные бутылки, прочая посуда и даже железная мешалка. Драка лишь тогда прекратилась, когда ясно стало, что до

смерти забит посетитель Фомичев. Случались дебоши и в «приличных» ресторанах. К примеру, в ресторане «Россия», который любили посещать актеры и циркачи, однажды вышел следующий конфуз: подвыпивший клоун Серж из местного цирка хулиганил до двух часов ночи, не хотел уходить после закрытия заведения и, «геройствуя» перед дамами, кидался с ножом на милиционера.

И. М. Лавров вспоминал, что напротив его дома, на улице Бийской, угрюмый нэпман Быков держал пивную. «В пивной толклись пьяные, орущие людишки. Постоянно возникали драки. Иногда дрались топорами. В ход пускали камни, дубинки, ножи» — такие страшные картины навсегда остались в памяти Ильи Михайловича, на глазах у которого только в этой пивной произошло два убийства.

Конец нэпа привел к закрытию частных ресторанов, кафе и трактиров и к появлению государственных кафе и ресторанов, входивших в сеть общепита. Если новониколаевские нэпманы предпочитали кафе и рестораны, то рабочие и служащие отправлялись обедать в общественные столовые. Но в первой половине 20-х гг. для Сибири в целом было характерно отставание развития общественного питания от общероссийских показателей. Ведь Сибирь активно помогала голодающим Поволжья, что приводило к малой мощности предприятий общественного питания, недостатку продуктов, приготовлению блюд низкого качества и завышению столовских цен.

В 1921 г. столовые по всей стране были сняты с централизованного государственного снабжения и переданы в ведение потребительской кооперации, переведены на хозрасчет и самоокупаемость. В столовых перестали практиковать бесплатное питание для рабочих, которые теперь платили за обед в столовой по месту работы. Общественные столовые создавались преимущественно на предприятиях и в государственных конторах, но далеко не каждое предприятие и учреждение могло себе позволить открытие

столовой — на это требовались существенные финансовые затраты.

Предприятий общественного питания, открытых для всех желающих, в Новониколаевске было мало. К их числу относилась единственная чайная на вокзале, начавшая работу в 1920 г. Создание первых советских столовых для рабочих и детей относится к началу 20-х гг. К примеру, известно, что весной 1920 г. открылась столовая для рабочих сапожных и обмундировочных мастерских Губсовнархоза. Открытие первых небольших, плохо оборудованных столовых пресса преподносила как эпохальные события, явно преувеличивая их роль в питании горожан. Кроме того, в послевоенном Новониколаевске ситуативно открывались столовые для обслуживания вполне определенного, ограниченного контингента. Так в январе 1920 г. была временно организована бесплатная столовая для проезжающих русских пленных из Германии и Австрии. Для служащих отдельных контор и предприятий устраивались коллективные обеды по спискам. Рабочих и служащих советских учреждений «прикрепляли» к новым столовым, которых насчитывалось всего пять-шесть на весь город.

Столовые обычно не вызывали энтузиазма посещавших их немногочисленных рабочих, которые жаловались на грязь, «дурное приготовление обедов», невымытые и нечищенные продукты и грубость столовского персонала. Типичный столовский натюрморт тех лет: тарелка с подобием супа из нечищенной картошки, холодное и совершенно неаппетитное второе блюдо на грязном столе. Весной 1921 г. пресса была вынуждена констатировать, что с общественным питанием «дело обстоит хуже некуда»: не хватало продуктов, нормальных помещений, посуды, рабочих рук. Да и работники общепита не всегда были в восторге от тех, кто у них «столовался». Конфликт поваров и посетителей мог привести к таким эксцессам, как исключение на месяц

из детской столовой хулиганов за сквернословие, «курение табаку и ругань служащих столовой».

В 30-е гг. были устранены частновладельческие кафе и рестораны. В 1931 г. рабочие посещали столовые с закрытым обслуживанием (для железнодорожников, строителей, грузчиков, рабочих Кожкомбината, завода «Труд», Мылзавода, «Холодильника», мельницы, винзавода и др.). В городе функционировала пара общегражданских столовых, две военных, четыре студенческих и столовая Крайисполкома. Также в городе работали кооперативные столовые, находившиеся в ведении «Акорта» и «ЦРК». Очевидно, далеко не на всех предприятиях были столовые. Видно, что в Новосибирске было немного мест, где можно было быстро пообедать. Однако их число постепенно прибывало. К 1935 г. столовых насчитывалось уже 124. Они ежедневно отпускали 133 тыс. блюд. В 1937 г. был организован Новосибирский городской трест столовых, ресторанов и кафе. В трест вошло 104 предприятия: 18 столовых, 61 буфет, 19 закусовых павильонов, 1 продуктовый киоск, 5 заведений типа «кафе-ресторан». Сеть предприятий постепенно разрасталась. В 1938 г. насчитывалось 151 предприятие треста на 5935 посадочных мест, в 1939 г. — 182 предприятия на 6710 мест, в 1940 г. — 210 на 8461 место, в 1941 г. насчитывалось 255 предприятий. Показательно, что число столовых и буфетов, размещавшихся, как правило, на базе промышленных предприятий, учебных заведений и административных учреждений, стабильно прирастало, а число городских кафе и ресторанов варьировалось от двух до пяти. Лучшие рестораны размещались в Городском корпусе и в доме «Динамо». Уютное теплое кафе с гардеробом и белоснежными, накрахмаленными скатертями, где приносят горячие кушанья и играет оркестр, — картина исключительная для Новосибирска 30-х гг. Это, скорее, мечта и недостижимый идеал новой эстетики, нежели реальность. Летом горожане могли посидеть в уличных ресторанчиках, которых, собственно говоря, в городе насчитывалось, по

данным 1938 г., только шесть. «Сидели» там, соответственно, немногие. В Новосибирске не было вегетарианских и диетических столовых, а это свидетельство того, что предприятия треста не могли удовлетворить пищевые потребности всех горожан.

Согласно бухгалтерскому отчету за 1937 г., работа треста была «явно неудовлетворительной». Но стоит помнить, что речь идет о периоде жестоких репрессий, который не мог не сказываться на оценке работы треста. По «стандарту» того времени, в растратах, хищениях и прочих недостатках работы заведений общественного питания обвинялись вредители и враги народа. Известно, что в 1937 г. трест отпустил 2034 первых блюда, 3748 вторых, 509 холодных и 2278 сладких. Простой арифметический подсчет показывает, что в среднем, на все 104 предприятия приходилось всего 5,6 отпущенных за день первых блюд, 10 вторых блюд, 1,3 холодных и 6,2 сладких. Очевидно, что предприятия треста не играли сколько-нибудь существенной роли в питании горожан, и лозунг «Долой кухонное рабство!» оставался броской, но пустой фразой. Эту мысль подтверждают и газеты, согласно которым питание в столовых города является далеко не удовлетворительным: их посетители неустанно жалуются на качество пищи и антисанитарию.

В прессе отмечалась плохая работа летних кафе и ресторанов, которые постоянно стояли закрытыми, и киосков с прохладительными напитками, где очень быстро заканчивалась продукция. В газетах писали, что завод «Вена» выпускает слишком мало напитков, и летом обычные фруктовые воды становятся дефицитом. В 1938 г. открылось 67 школьных буфетов, однако при буфетах не было кухонь, и школьники не могли получить горячий завтрак и обед. Число отпускаемых блюд росло с каждым годом, но не настолько, чтобы роль столовых в питании новосибирцев существенно повысилась.

Судя по тому, какие продукты поступали на предприятия общественного питания, можно сделать вывод, что горожанам предлагалась обыкновенная, незамысловатая пища. Для приготовления различных блюд в столовых использовали разнообразные овощи: капусту, в том числе и цветную, картофель, морковь, свеклу, огурцы, лук, салат, начинали использовать помидоры. Горожане могли отобедать мясным или рыбным блюдом, но рыбных блюд готовили значительно меньше, чем мясных. Посетители столовых могли также выпить чаю или компота с жареными или печеными пирожками, бутербродами, булочками или ватрушками.

В газетах постоянно печатались курьезные заметки об общепитовском обслуживании: как в столовой «Акорта» кормили подгнившими овощами, давали две рыбки на порцию — одну свежую, другую — тухлую; как шикарное меню оказывалось фиктивным, потому что этих самых «шикарных» блюд готовили «показухи ради» порции по три... Вкусовые качества блюд оставляли желать лучшего, санитария предприятий общественного питания — тоже. Предприятиям общественного питания хронически не хватало средств и продуктов. И если верить отчетной документации, продукты постоянно расхищались из столовых поварами, нередко обнаруживаясь на базарах у спекулянтов.

В буфетах продавали мороженое, кондитерские изделия, пиво (на новосибирском заводе «Вена» варили «Жигулевское», «Русское», «Украинское», «Мартовское» и «Бархатное»), «Медок» (в просторечии «брага») и безалкогольные напитки (квас, крушон, фруктовые соки, содовая вода). Посетители ресторанов имели возможность отведать более изысканные блюда, чем в столовых, к примеру, из грибов и мяса диких животных, съесть ягодный десерт, выпить вина или водки. Кстати сказать, в 30-е гг. в Новосибирске выпускалась сорокаградусная «Московская»

водка, пятидесяти- и пятидесятишестиградусная «Русская» водка, голландский джин, «Хинная», «Померанцевая» водка, горькая вишневая, лимонная, тминная, анисовая, мятная, «Английская горькая», «Горный дубняк», «Перцовая», «Зверобой», водка «Ерофеич» и «Киршвассер». Выпускались в городе и сладкие спиртные напитки: «Спотыкач», «Запеканка», «Сливянка», ягодные и яблочные настойки, «Доппель-Кюммель».

Однако не стоит переоценивать «кулинарные изыски», подававшиеся в ресторанах. Старожил нашего города Галина Телегина вспоминала, что в шикарном по меркам второй половины 1930-х гг. ресторане «Инснаб» гостей потчевали яичницей, которая, однако, подавалась на стол на жаровне с раскаленными углями. С 1937 г. в газетах, которые читали жители нашего города, появилась реклама нового продукта — кетчупа, который должен стоять «на каждом столике ресторана», ведь это — «самая приятная, острая и ароматная приправа к мясным, рыбным, овощным и мучнистым блюдам».

В довоенный период в рестораны ходили немногие горожане. Посещение ресторана — редкий мемуарный сюжет. По воспоминаниям Г. Телегиной можно судить о публике, собиравшейся в «Инснабе», и об атмосфере этого ресторана. Женщина отмечает, что «Инснаб» был не просто местом, где можно вкусно поесть и выпить. Это был своеобразный клуб, где собиралась творческая и техническая интеллигенция, иностранцы, работавшие в Новосибирске. Вообще, рестораны, «возродившиеся» в СССР во второй половине 30-х, посещались в основном новой советской элитой. Вход в это заведение был по специальным пропускам, именно этим и определялась постоянная публика. «Инснаб» являлся местом культурного отдыха: здесь играл джазовый оркестр — явление исключительное для 30-х гг., посетители ресторана танцевали под живую музыку.

«Город-огород»

Упомянем, наконец, и о приусадебных хозяйствах, урожай с которых служил значительным подспорьем в питании горожан на протяжении всего рассматриваемого периода. Поэтесса Нина Изонги назвала в 1925 г. Новониколаевск «городом-огородом». Этот образ становится понятным даже при беглом взгляде на городскую среду тех лет. В 1917 г. в Новониколаевске имелось 54 хозяйства с посевом, содержалось 7949 голов скота, притом, что в городе насчитывалось 4802 двора (на 100 усадеб приходилось 166 голов). Однако в соседних, маленьких, «захолустных» городах, таких как Камень или Колывань, эти показатели были еще выше. В 1920 г. в Вокзальной части города переписали весь скот. Оказалось, что практически на каждом из 775 дворов была корова, а то и две. Дворы, где не было ни коров, ни телят, можно было пересчитать по пальцам одной руки. В 1923 г. вышло даже постановление городских властей, запрещавшее выпускать скот на улицы и площади города.

В период 1920–1930-х гг. приусадебные хозяйства оставались характерными для городской среды, однако с наплывом населения на усадьбах строились дополнительные дома, из-за которых уплотнялась застройка, и вытеснялись огороды. Почти не было огородов в беднейших частях города, таких как Малая Нахаловка, в местах, которые застраивались многоквартирными бараками. Не занимались огородничеством и представители отдельных «прибыльных» профессий, к примеру, железнодорожники.

В начале 30-х гг. одним из путей решения продовольственных проблем городские власти Новосибирска видели развитие «коллективного огородничества», которое стало распространенным видом сельскохозяйственной деятельности горожан. В эти годы создавались огородные товарищества (кооперативы), где распределялись участки для

выращивания овощей и картофеля; отводились для этих же целей загородные земли. Воспоминания старожиллов пестрят сюжетами об огородах.

Старожил Георгий Крылов пишет: «Он (город) был преимущественно деревянным, возле каждого дома — приусадебные участки, заборчики, калиточки, в глубине дворов — сараи и стайки, в которых мычала, бляела, хрюкала, кукарекала всякая живность. Подсобных хозяйств не было только на Красном проспекте. Хотя и там частных домишек было достаточно...». Новосибирец Алексей Тростнецкий вспоминал: «При каждом доме — огород, все держали скотину: коров, кабанчиков, птицу». (Описан район Железнодорожной Нахаловки 30-х гг.)

Таков был современный центр города. Что же говорить об окраинах?! Иван Сушков вспоминал: «Вот стоит огромная, в четыре этажа деревянная мельница Вертковская... А рядом — большой пруд. В нем плещутся гуси и утки. Приволье им тут!.. Был еще Китай-город. Находился он в устье реки Тулы. Обитали здесь китайцы, которые возделывали овощные плантации на плодородных пойменных землях. Они гнули спины от зари до зари, причем работали в поле в основном мужчины. Но и урожаи у них были — что-то потрясающее!» Нелишне отметить, что огороды в местах, где прежде размещались села и деревни, по сей день используются их владельцами с теми же целями, что и в далекие довоенные годы.

Небывалый тупик в жилищном вопросе

1920-е гг. горожане Новониколаевска-Новосибирска жили в частных, коммунальных (государственных и муниципализированных) и кооперативных домах. Временное жилье: квартиру, комнату или угол обыватель мог снять за плату у частного владельца. Кроме того, временно можно было поселиться в коммунальной гостинице или на частном постоялом дворе (в годы нэпа).

Жилищный фонд города в период разрухи был недостаточным для полноценной реализации потребностей горожан. В период гражданской войны строительство на городской территории практически прекратилось. Многие люди, лишившиеся крова в результате разразившейся в стране гуманитарной катастрофы, ютились в землянках, сараях, вагонах и в прочих, не пригодных по санитарным нормам жилищах. Однако в силу особенностей своего географического положения, административного и экономического значения, Новониколаевск быстро увеличивался по демографическим показателям, и уже в начале 20-х гг. стала заметна тенденция роста числа частных жилых строений.

Горожане брали в аренду земельные участки в селитебной городской черте и в зависимости от своих материальных возможностей строили избы, бараки или землянки. В начале 20-х гг. советская власть принялась за муниципализацию крупных домов с целью устройства в них общежитий. Домовладения «капиталистов» экспроприировались государством и передавались горсовету, который уже по своему усмотрению заселял эти дома пролетариями и служащими различных государственных учреждений. Однако уже в начале 20-х гг. коммунальщики отмечали, что муниципализация «буржуазных владений» не дала ожидаемых результатов — лучшие дома отходили военным

штабам, лазаретам, воинским частям и советским учреждениям. Лишь во вторую очередь в бывших домах буржуазии давали жилье нуждавшимся бедным горожанам. Система вселения при этом не была отлажена: чрезвычайные жилищные комиссии, создававшиеся горсоветом, «вселяли и выселяли без конца, жилец чувствовал себя перелетной птицей». Показательно, что число муниципализированных жилых домов в Новосибирске было незначительным по сравнению с другими сибирскими городами, составляя только 4,4 % всех жилых домов.

В начале 20-х гг. государство в большей степени занимало вопросы реконструкции промышленности и аграрной сферы экономики, нежели проблемы восстановления и развития коммунального и жилищного хозяйства, поэтому в «Сибирском Чикаго», который рос феноменально быстрыми темпами, жилищный кризис ощущался очень остро. И это притом, что десятилетний период с 1920 по конец 1929 г. в Новониколаевске-Новосибирске добавилось 295 тыс. кв. м новой жилой площади (преимущественно частной). Получалось, за десятилетний период жилая площадь в Новониколаевске выросла в 2 раза, а численность населения увеличилась в 2,1 раза. Однако эта видимая гармоничность пропорции между ростом численности населения и ростом жилой площади вовсе не свидетельствовала о достаточной обеспеченности горожан жильем. При более пристальном взгляде становятся очевидными проблемы, которыми сопровождалось обеспечение новониколаевцев крышей над головой.

В 1925 г. в Новониколаевске возникли государственные строительные организации, жилищно-арендные и жилищно-строительные кооперативные товарищества (ЖАКТы и ЖСКТы), деятельность которых была направлена на расширение жилищного фонда и обеспечение нуждавшегося городского населения жильем. Но жилищная кооперация не получила широкого распространения

в Новониколаевске-Новосибирске 1920-х гг. В 1926 г. в городе существовало 26 жилищно-арендных кооперативов, в которых состоял 901 человек; при статистическом подсчете выяснялось, что в кооперативных домах арендует жилье только 2,1 % городского населения. Эта цифра снизилась к 1929 г. до 1,3 %. Население Новосибирска быстро возрастало, чего не скажешь о темпах развития жилищной кооперации. Кооперативное жилье было доступно далеко не всем социальным группам горожан. Лишь те, кто обладал гражданскими правами, могли рассчитывать на кооперативное жилье, поэтому небольшие, тесные кооперативные домики заселяли рабочие и служащие, участие которых в кооперации было преобладающим.

Новониколаевские служащие, судя по питанию, одежде и условиям проживания, находились в более выгодном положении, чем рабочие, повседневная жизнь которых была тяжелее и скромнее. Жилищная кооперация не являлась популярной еще и по причине ее относительной дороговизны в сравнении с частным строительством. Частное жилищное строительство предполагало, в отличие от кооперативного, полную и быструю реализацию вложенного капитала; кроме того, горожане выбирали частное строительство и на том основании, что частный дом можно построить по своему вкусу — сказывалась привычка к «индивидуальному быту».

Кроме того, строительством жилых домов занимался городской совет и некоторые государственные учреждения. Распределял жилье в таких домах преимущественно горкомхоз — служба городского коммунального хозяйства. Доля таких домов в Новосибирске была небольшой.

Город быстро рос по демографическим показателям, а строительная база в Новониколаевске оставалась крайне неразвитой. Поэтому с 1922 по 1929 г. жилая площадь в городе увеличилась приблизительно в 2 раза. В начале 1920-х гг. газеты постоянно писали о том, что жилищный

вопрос обостряется буквально с каждым днем. Жилищный фонд города оставался скудным еще с дореволюционных времен. Многим новониколаевцам, особенно недавно приехавшим в город (а таких с каждым днем становилось все больше), негде было жить. Государство не располагало достаточными средствами, чтобы быстро обеспечить горожан качественным жильем. В 1924 г. домовладения оставались преимущественно частновладельческими. Частных квартир в городе насчитывалось 8427, и проживало в них огромное количество жильцов — 75275 человек. Простой арифметический подсчет показывает, что на одно домовладение приходилось 9 человек. Частное жилье в те годы — это, как правило, небольшой и неблагоустроенный домик, избушка. Многие горожане жили в тесноте. Домовладений, принадлежавших государственным учреждениям, было в Новониколаевске всего 473 и проживало в них только 11 633 человека, то есть 24–25 обитателей на одно домовладение. Слишком многие в Новониколаевске претендовали на государственное жилье, поэтому и «плотность населения» в таких домах была крайне высокой. Меньше всего обывателей жило в муниципализированных домовладениях — по данным 1924 г., 9316 человек на 587 домовладений, то есть 15–16 человек на один дом. Домовладения, чаще государственные и муниципальные, нежели частные, делились на квартиры. Получалось, что в одной квартире в среднем обитало от 6 до 10 человек. Подавляющее большинство квартир являлись однокомнатными (72,5 %). Даже 6 человек на одну комнату, очевидно, много. Однако у горожан не было выбора. В таких квартирах обычно имелась кухня, но в 3,79 % случаев квартира состояла только из жилой комнаты. Сегодня проживание десяти человек в одной неблагоустроенной комнате кажется немыслимым. Но для тех лет подобная ситуация была более привычной и даже сносной по сравнению с перспективой вообще остаться без крова.

Пресса постоянно извещала об усугублении квартирного кризиса. Осенью 1923 г. из-за отсутствия свободного жилья вышел конфуз: не нашлось временного пристанища для гастролировавших столичных артистов, которых заранее приглашали в Новониколаевск. Ежедневная новониколаевская газета «Трудовой путь» предупреждала в 1922 г. нуждавшихся в жилье горожан о том, что жилищный отдел Горкомхоза, который утопает в заявлениях и требованиях на квартиры, комнаты и углы, совершенно не имеет таковых в распоряжении. Когда кому-либо удавалось снять комнату, жильцы держались за нее, даже если жилье было плохим, или не складывались отношения с соседями. «Куда пойдешь в нашем городе?» — задавала со страниц газеты риторический вопрос квартирантка, сильно конфликтовавшая с соседями. Между тем, в Новониколаевске на съемных квартирах за плату проживала треть населения. Зачастую неугодных квартирантов было очень трудно выселить. Случалось, что квартиранты заявляли, будто «хозяева» требуют с них завышенную плату, что «нетрудовые элементы» вообще не нуждаются в плате за предоставляемое бедным рабочим жилье. Все заканчивалось скандалами, а нередко и рукоприкладством. Получить жилье было трудно, поэтому обыватели искали обходные пути: заводили полезные знакомства или старались дать взятку за ордер на комнату, скажем, распределявшему жилье сотруднику Губсоюза.

Летом можно было поселиться на каком-нибудь сеновале или в холодной клетушке, зимой же многим приезжим некуда было податься. Городские власти, как могли, пытались решать проблему жилья. К примеру, уже в июне того же 1922 г. 1735 человек въехало в 421 новую квартиру, 1441 человек занял 531 комнату, в 493 углах приютилось свыше 1036 нуждавшихся. Каковы были условия жизни в этих самых углах, можно только с ужасом догадываться, тем более что к тесноте в начале 20-х гг. добавился еще

и суровый дровяной кризис: было тесно и бесконечно холодно.

В 1925 г. решения жилищного вопроса даже в обозримой перспективе не предвиделось. «Небывалый тупик в жилищном вопросе» — вот диагноз, вынесенный жилищному фонду Новониколаевска газетой «Советская Сибирь». В сто семнадцать новых жилых домов, которые предполагалось сдать осенью, власти планировали заселить более тысячи человек. Однако в этом же 1925 г. совершенно вышло из строя 10 жилых домов, и отмечалось, что около 70 % муниципальных домов находятся практически в аварийном состоянии и вскоре совсем «развалятся», если не начать срочный ремонт, на который нет средств. Не случайно поэтесса Лариса Крымская писала в 1926 г.: «А по углам глухих проулков / Коптятся старые хрычи — / Хибарки, ветер бьет их гулко, / Никто не хочет их лечить». Это — пейзаж с натуры.

Мало того, что многие новониколаевцы жили скученно, часто качество жилья было плохим. К примеру, в газете железнодорожников «Сибирский гудок» отмечалось, что жилье, которое дают представителям этой профессии, очень тесное и холодное из-за отсутствия сеней. Зимой обитатели таких домов часто простывали и жаловались, хотя и тщетно. Важно и то, что с притоком населения в Новониколаевск средняя жилищная площадь на человека сокращалась: если в 1923 г. на одного горожанина приходилось 4,3 кв. м., то в 1926 — 4,2 кв. м., что составляло лишь половину минимальной санитарной нормы.

Когда умы столичных архитекторов, градостроителей и идеологов новой эпохи были заняты спорами об идеальном советском городе, велись дискуссии о должном облике города-сада, пока размышляли о том, как создать новый быт в доме-коммуне, пока решался вопрос, имеют ли право на жизнь идеи урбанизма и дезурбанизма, пока чертились проекты будущих соцгородов, Новоникола-

евск-Новосибирск зарастал «нахаловками», а его население довольствовалось условиями, которые едва ли можно назвать комфортными. «Нахаловка» была столь характерна для 20–30-х гг., что писатель Николай Самохин называл свое довоенное детство в городе-саде Новокузнецке «эпохой бурного образования «шанхаев» и «нахаловок»». Если для Петрограда-Ленинграда приметой того времени являются первые коммуналки, то для Новониколаевска, безусловно, — «нахаловки». Газеты часто сообщали о самовольной застройке города. Пожалуй, чаще, чем в 20-е гг., пресса рассказывала читателям об этой проблеме только до революции, когда возникли и разрослись целые нахаловские районы. В июне 1927 г. «Советская Сибирь» писала, что в Новосибирске особенно много самозастройщиков. «Все спешат обзавестись собственным уголком. Они захватывают все более или менее свободные клочки земли, буквально задавили Каменку, изрыли все ее берега и полезли в гору. Застройщики теснятся, загораживают себе проезды и проходы», — сообщала газета. Далее говорилось, что 103 домовладельца прислали в горкомхоз заявления с просьбой утвердить их в правах домовладения. Однако прогноз газеты был неутешительным: постройки скорее всего снесут, освобождая земли под новую застройку. Немало подобных заявлений поступило в апреле 1927 г. от застройщиков Ельцовской слободы. Только в апреле поступило 1460 заявлений об отводе и закреплении земельных участков.

Во всех районах и особенно в окраинных «слободках» Новосибирска постоянно возникали самовольные, «нахаловские» строения, несмотря на противодействия милиции и Земельно-лесного отдела Губкоммунотдела. По мнению доктора архитектуры Б. И. Оглы, рост «нахаловок» в 20-е годы был обусловлен стремлением народа получить пусть и плохое, но отдельное жилье. Это стремление, по его мнению, было формой противостояния людей обобщест-

влению быта и жизнью коммуной. На наш взгляд, «коммуналкой», в столичном понимании этого слова, жителей Новониколаевска 20-х едва ли можно было напугать. Конечно, случаи выселения «буржуев» из многокомнатных квартир и просторных домов были в Новониколаевске нередки, но этот способ разрешения жилищного вопроса не имел больших перспектив. В городе было крайне мало каменной, многоэтажной жилой застройки и домов с многокомнатными квартирами. Что касается коммун, то они появлялись в начале 20-х все в тех же «нахаловских», а значит дискомфортных, неблагоустроенных и антисанитарных условиях. Об этом говорит, в частности, существование коммуны на ул. Енисейской, 58 (в Вокзальной части, застроенной обычными рублеными избами), где в 1920 году поселилось 45 коммунаров.

«Нахаловцами» становились люди разного социального происхождения и уровня материального благосостояния. К примеру, на Старой Кирпичной улице в пойме Каменки, в одном из очагов «нахаловского» строительства, проживал следующий разношерстный контингент: бедный одинокий инвалид, сапожник, грузчик, бедная вдова, плотник, извозчик, чернорабочий, мелкий спекулянт... Имущих и состоятельных жильцов на этой улице было немного: мелкий торговец да зажиточный мельник-промышленник Ваганов. И рабочие, на которых не хватило «законного» жилья, и классовые враги пролетариев шли на самовольное строительство, не желая остаться без крыши над головой.

«Нахаловцу» стоило значительных усилий построить дом: он не располагал достаточным временем («Нахаловка — горе Новосибирска. Они вырастают за одну ночь в овраге, где свалки и сточные воды», — писал один из авторов московского журнала «Огонек»); «нахаловец» не располагал необходимыми строительными материалами, инструментами и, что самое важное, разрешением на

строительство и проектом будущего дома. По этой причине очень многие брались за рытье землянок, которые, как грибы после дождя, росли и на таких ставших традиционными местах, как пойма Каменки, и на заново «осваиваемых» территориях. По воспоминаниям старожила Новосибирска В. Г. Дугалюкова, застройщики Большой Нахаловки воровали лес, который сплавлялся по Оби, и из него строили избушки. Однако в дело шли и куда менее благородные материалы: фанера и ящики, бидоны из-под керосина и даже распоротые консервные банки... Достать хорошие строительные материалы в Новониколаевске было не просто. Широко использовались бывшие в употреблении строительные материалы. В местных газетах появлялись объявления типа: «Продается старый годный кирпич от разобранного здания». Жители таких районов, где активно велась самовольная застройка, привыкли к скученности домишек, сараев, углярок, уборных, дровенников и прочих сооружений, где, кстати, тоже можно было жить.

Как свидетельствуют источники, богатая городская усадьба до начала индустриализации часто больше напоминала деревенскую. В наспех застроенных «нахаловках» практически не было огородов. Это касалось, в частности, Малой Нахаловки. При описи имущества ее населения было зафиксировано отсутствие на этой территории огородов и даже дворов. Однако огородами пользовались жители каждой усадьбы Большой Нахаловки. Новосибирские нахаловки отличались: в более старых и крупных люди жили богаче, во многом за счет огородов. Сами по себе «нахаловки» с ростом многих российских городов становятся их особой приметой.

Совершить подвиг — самовольно построить дом — было недостаточно. Необходимо было еще пройти через испытание, которое состояло в утверждении прав на владение данным строением. «Нахаловцы» пытались

прикрыться незнанием закона; говорили, что место, на котором они построили дом, все равно пустовало (для заявлений типична формулировка: «Построенный мной домик на свободном месте...»); рассказывали представителям Горкомхоза жалостливые истории типа: дом купили, а уж потом узнали, что построен он самовольно; либо «вешали всех собак» на Колчака, настаивая на том, что в период его власти не требовалось разрешения на строительство, а их дом появился именно тогда. Некоторые формулировки были особенно нахальными с юридической точки зрения и напоминали скорее высказывания крестьян пореформенной эпохи: «Земля — ничья, Божья, вот и строимся». Если горе-застройщики не могли убедить милицию и Земельно-лесной отдел в своей невинности, им либо отказывали в праве арендовать собственный дом, передавая его другим лицам, либо вовсе сносили самочинные постройки. «Нахаловское» движение было массовым. Только в 1923 году в дело о самовольной застройке подшито 84 листа.

В 1927 г. по факту самовольной застройки было рассмотрено около 500 судебных дел, еще около двухсот на рубеже 1927–1928 гг. находилось в процессе рассмотрения. Многие постройки сносили по решению суда, поскольку они не вписывались ни в какой план. 4/5 новосибирских домов этого периода строилось самовольно. Если по плану прирост жилых домов за три года составлял приблизительно 51 %, то прирост нахаловских строений за три года составлял почти 286 %. Лидировали по темпам самовольной застройки Ельцовский район, «по реке Каменке», Большая Нахаловка и Карьерная слобода.

Фортуна была благосклонна далеко не ко всем «нахаловцам». Обратимся к некоторым примерам, касающимся отдельных персонажей, которые по разным причинам лишились плодов своего труда. Граждан Утюмову, Мельникова, Власова и других постигла сия печальная участь.

При распланировании участков на берегах Каменки «были включены в число плановых» и те участки, где эти граждане возвели свои постройки. «Вместо того, чтобы утвердить указанных граждан на введенных в план участках, Горкомхоз по причинам формального порядка договора с фактическими владельцами этих участков не заключил, а передает их другим лицам», — написано в заведенном деле. Кроме того, Горкомхоз предложил снести эти постройки, а участки передать другим лицам. Утюмовой, которая отстроилась на злосчастном участке № 13 тридцать четвертого квартала, сослужило плохую службу ее социальное положение. Ей отказали в закреплении на участке по той причине, что Утюмова «собирает тряпье и торгует им на базаре». Утюмова — бывшая крупная домовладелица из Перми, имевшая две мельницы и ломовую баржу, как-то оказалась в Новониколаевске, в то время как ее муж-контрреволюционер уехал в Харбин, где занялся торговлей. Можно ли было с такой характеристикой рассчитывать на утверждение прав владения домом? Утюмовой не повезло, ее не признали владелицей участка и построек.

Больше повезло гражданину Власову. На участок к этому домовладельцу, невзирая на протест Власова, подселили «совладельца» Олина. Постройки гражданина Олина оказались стоящими прямо на вновь запроектированной улице. Поэтому ему и велели перебираться со всем своим скарбом на огород к соседу Власову. Не повезло и гражданину Мельникову. Его «нахаловское» строение в Татарской слободе, находившееся в марте в зародышевой стадии строительства, обнаружила милиция. К осени дом был построен. А в сентябре его уже не существовало. По результатам обследования дома милиция заключила, что это строение «не соответствует требованиям инструкции НКВД от 24 августа 1925 года», а значит, подлежит сносу. Из всех жалобщиков, которые протестовали против решения Горкомхоза, судьба благоволила лишь гражданке Крю-

ковой, чьи права владения на «нахаловское» строение были признаны.

Самовольщики часто стремились быстрее избавиться от наспех построенного домика в Нахаловке. Боясь сноса, нахаловцы быстро продавали за 300–500 руб. свое строение, чтобы сколотить где-нибудь на окраине новое. Случаи сноса самовольных строений принимали подчас особенно скандальный характер. В 1927 г. на Ельцовке около сухарного завода лесник Пожаринский самовольно построил дом, который вскоре снесли как «нахаловское» строение. Вскоре дом лесника возник на прежнем месте. Снос и восстановление происходило трижды, пока милиционеры демонстративно и прилюдно не столкнули дом в реку.

Отчасти росту нахаловок способствовало и качество работы Горкомхоза. В докладной записке ОГПУ о работе Горкомхоза значилось следующее: «Наблюдения за свободными селитебными землями нет никакого, благодаря чему земли захватываются самовольными застройщиками, которые строят самые разные постройки без всякого плана, в результате чего создается пожарная опасность. Борьбы с самовольной застройкой Горкомхоз не ведет никакой, если не считать его обращения по отдельным случаям в суд. Суд в большинстве случаев в иске отказывает, а если Горкомхозу иногда удается получить исполнительные листы о постройках, то не всегда они приводятся в исполнение».

Безусловно, далеко не все население Новониколаевска-Новосибирска ютилось по «нахаловкам» и углам. Конечно, застройка была преимущественно деревянной (в 1927 г. в Новосибирске деревянных жилых строений было 78,9 % от общего числа жилых построек). Конечно, на более чем стодвадцатитысячное население города приходилось только 8423 зарегистрированных жилых строения (по данным того же 1927 г.) Конечно, среднестатистические данные о жилом метраже, которым располагал в 1929 г. среднестатистичес-

кий горожанин, крайне скромны — 4,5 кв. м против девяти, положенных по санитарным меркам. Однако же в Ново-николаевске-Новосибирске предпринимались попытки улучшения быта, строительства новых благоустроенных домов для рабочих и служащих.

К примеру, на углу Каинской и Красного проспекта в 1926 г. построили жилой дом (общежитие) на 18 квартир площадью по 55 кв. м каждая. В 1927 г. построили четырехэтажный благоустроенный дом с 25 трехкомнатными квартирами на углу улиц Урицкого и Трудовой. Однако каменные многоквартирные дома представляли собой точечную застройку в 1920-е годы. В середине 20-х гг. отмечался временный всплеск государственного жилищного строительства: из-за перевода в Новосибирск краевых учреждений потребовалось срочное обеспечение квартирами служащих этих учреждений. Однако вскоре всплеск государственного строительства сошел на нет.

Изучение статистических сведений об экономическом состоянии городских домовладений за 1928 год показало следующее. Не только дома, находившиеся во владении частных лиц, но и практически все дома, которыми владели жилищно-арендные кооперативные товарищества («Новый быт», «Кооператив Сибмедторга», «Красный октябрь», «Искра», «Первомайский», «Пионер», «Тополь» и др.) в центре, в Вокзальном районе и в Закаменке были деревянными, одноэтажными или двухэтажными. Примечательно, что при домах ЖАКТов имелось много надворных построек и почти не было огородов. Вероятно, это было связано с тем, что с наплывом населения на усадьбах строились дополнительные дома, которые занимали огороды и уплотняли застройку. Такая застройка оставалась характерной для города и на протяжении третьего десятилетия XX в. Лишь кое-где в центральной части города появлялась в 20-е годы капитальная каменная застройка. В это время в центре строили дома-коммуны и жилкомбинаты.

В 20-е гг. появилось такое понятие, как «подселение», обычно вызывавшее серьезные проблемы во взаимоотношениях людей, вынужденных жить под одной крышей. К примеру, на Красной горке было всего два больших добротных дома, которые ярко выделялись на фоне бедных маленьких халуп. Эти дома принадлежали бывшим предпринимателям — кожевнику и мыловару. Советская власть устроила в домах предпринимателей общежития СибВО. Старые хозяева переселились на первые этажи. Супруга бывшего заводчика Сажина открыто брала советскую власть и новых соседей, а сам «буржуй» вынашивал план «вытряхивания» из дома военных под видом открытия мыловаренной артели. О наиболее громких скандалах подобного рода даже рассказывалось в газетах, где описывались сцены с угрозами кухонным ножом, обливанием горячими щами, избиением соседа поварешкой; смаковались сюжеты пьяных потасовок.

С середины 20-х гг. в газетах начинают довольно часто встречаться объявления о продаже домов, в том числе и особняков. К примеру, в сентябре 1925 г. некто продавал особняк на ул. Бийской. Мелькали в прессе и объявления об обмене жилья: как правило, меняли комнаты в разных районах города.

Несомненно, строились в городе и дома для элиты. Примером может служить жилой дом для работников Госбанка на ул. Урицкого, построенный по проекту А. Д. Крячкова. Как об элитном вспоминает о доме своего детства старожил нашего города Е. А. Баранова. Этот дом располагался на пересечении ул. Ядринцевской и Мичурина. Деревянный двухэтажный восьмиквартирный дом был построен кооперативом «Просвещенец», пайщиками которого являлись преимущественно представители городской интеллигенции. Дом не отличался особенным комфортом: «удобства» располагались на улице, отопление было печным. Водопровод и домашние туалеты появились в этом доме лишь в 30-е гг.

«Нахаловка» и «генеральский» дом

В 30-е гг. XX в. в Новосибирске были те же проблемы с жильем, что и в предыдущем десятилетии. Однако по идеологическим соображениям в эти годы больше говорили об успехах развития жилищного строительства, нежели о его недостатках. В эти годы сохранялась проблема слабого развития жилищной кооперации, которую вовсе устранили в 1937 г. Жилищная застройка оставалась преимущественно частной. Не утратила актуальности проблема дороговизны съемных квартир. На деньги, которые съемщик в течение года платил за временное жилье, можно было купить собственное — небольшой барак. Не исчезла и проблема самовольной застройки, являвшаяся изнаночной стороной процесса урбанизации. Новосибирск застраивался активнее других крупных городов Сибири, таких как Омск, Томск, Барнаул. По темпам роста жилищного строительства Новосибирск уступал лишь г. Сталину в Донбассе, но многим новосибирцам по-прежнему негде было жить.

Индустриализация и коллективизация 30-х гг. сопровождались колоссальным притоком крестьянства в города. Новосибирск, как краевой центр, являлся одним из крупнейших в стране городских центров притяжения крестьянства. Наплыв крестьян, бежавших от коллективизации в начале 30-х гг., сильно обострял ситуацию с нехваткой жилья в Новосибирске. Одни беженцы решались на самовольную застройку, другие искали съемные квартиры. Мытарства семьи Л. Г. Швецовой, оказавшейся в Новосибирске в 1932 г., — характерный для тех лет вариант закрепления в городе. Л. Г. Швецова вспоминает: «Жили сначала «на квартире» на улице Дуси Ковальчук, где у сестры Евфросиньи Павловны — тети Нюры — снимали комнату в бараке. Было нас в этом бараке, как вшей в загнилке. Потом сняли мы своей семьей флигелек на ул. Калинина и прожили в нем полтора года. А затем купили на той же улице свой бара-

чок. Он был из лиственницы. И столбы из лиственницы, они даже не сгнили. А стены — колья, заплетенные лозой и забитые глиной... А внутри барачок состоял из одной комнаты...». Семья М. П. Ивановой, тайно бежавшая в Новосибирск от коллективизации, жила в бане. Через некоторое время получила разрешение на строительство барака, однако такого маленького и тесного, что мемуаристке негде было спать, и она ночевала все в той же бане.

Практически все воспоминания новосибирцев, приехавших в наш город из деревень в 30-е гг., содержат сюжеты о разнообразных проблемах с жильем. Горожане по-прежнему были вынуждены заботиться о том, чтобы протопить свой дом. Многие вспоминают, что уголь дорого стоил. Маргиналы, влачившие в Новосибирске полунищенское существование, из-за нехватки средств были вынуждены топить печку мусором. «Мы с братом часто ходили по улицам, чтоб найти какие-нибудь дрова, иногда ходили на железнодорожную станцию собирать уголь», — вспоминает Анна Токарева, семья которой переехала в 1927 г. из деревни в Новосибирск.

Однако многие новосибирцы, особенно те, кто здесь родился, с теплом вспоминают дом своего детства — в центре города или где-нибудь на окраине. Это время дружных дворов и улиц, когда летом до позднего вечера звучала гитара и гармонь, молодежь устраивала танцы и «все соседи на улице были как родные» — теснота, свойственный времени коллективизм, недавнее крестьянское прошлое создавали такую среду и такие ощущения. «Дом наш был деревянный, двухэтажный... семиподъездный... Двор большой, в центре — клумбы с цветами» — подобные эстетичные описания дома детства нередки для воспоминаний новосибирцев 30-х гг. Как показывает анализ мемуаров новосибирских старожилов, горожане, имевшие собственное, более или менее благоустроенное жилье: частный дом, квартиру или комнату — обычно довольствовались

своими жилищными условиями. К примеру, семья из четырех человек, в которой рос один из наших информаторов В. Г. Дугалюков, жила в небольшой однокомнатной квартире дома железнодорожников на ул. Железнодорожной и считала подобные жилищные условия более чем хорошими. Родителям Дугалюкова было с чем сравнить свое жилье: его отец родился и вырос в Нахаловке, где остались жить его престарелые родители, к которым он «даже не хаживал», а мать прежде жила в Барабинске, где была вынуждена вести хозяйство деревенского типа.

В начале 30-х гг. сообщалось, что в ближайшие 30 лет запланировано застроить Центральный район полностью капитальными каменными зданиями. Конечно, этот план был утопическим. В Центральном районе, к слову, по сей день сохранилось немало старых деревянных частных домов. Чего только стоит застройка улицы Семьи Шамшиных! Открывая калитку типичной новониколаевской усадьбы середины 20-х гг., к примеру, на четырнадцатом участке шестидесятого квартала на углу улиц Каменской и Каинской, посетитель попадал в дощатую ограду, видел жилой одноэтажный дом на деревянных обвязках и столбах. Приглядываясь к дому, он мог отметить, что стены постройки тоже дощатые, а крыша железная. Рядом с домом располагался бревенчатый склад и бревенчатый сарай с навесом. Изучение статистических сведений об экономическом состоянии городских домовладений за 1928 год показало следующее. Не только дома, находившиеся во владении частных лиц, но и практически все дома, которыми владели ЖАКТы («Новый быт», «Кооператив Сибмедторга», «Красный октябрь», «Искра», «Первомайский», «Пионер», «Тополь» и др.) в центре, в Вокзальном районе и Закаменке были деревянными, одно- или двухэтажными. Примечательно, что при домах ЖАКТов имелось много надворных построек и почти не было огородов. Такая застройка оставалась характерной для города и на

протяжении третьего десятилетия XX в. Лишь кое-где в центральной части города появлялась в 30-е годы капитальная каменная застройка. В это время в центре строили дома-коммуны и жилкомбинаты. К примеру, постройки 1930-31 годов возводились кооперативами «Рабочая пятилетка», «Красный кожевник», «Химик».

В 30-х гг. по всей стране прокатилась волна строительства соцгородков для рабочих. Курс на строительство соцгородков, где планировалось создать комфортные условия жизни и «новый быт», коснулся и градостроительной практики Новосибирска. В 1930 г. Гипрогор (центральная организация, занимавшаяся планировкой советских городов) составил проект планировки новосибирского левобережья, которое мыслилось как соцгород на 150 тысяч человек. На левом берегу Оби строился завод «Сибкомбайн», и в начале 1930 г. там уже появился временный рабочий городок, жители которого селились во всевозможные временки — зимние и летние бараки; для строителей завода открылась столовая; планировалось строительство универсама, бани, амбулатории, больницы и почты. В мартовском номере журнала «За индустриализацию Сибири» говорилось, что в этом поселке должна разместиться большая часть строителей предприятия. По подсчетам руководства завода, до 30 % всего рабочего состава должно было жить в городе на правом берегу Оби. Около 15 % рабочих, считалось, составят крестьяне из левобережных деревень, которые как раз в этом году присоединили к городу. Что касается капитального строительства, то по данным автора этой статьи, инженера Рукавицина, к концу марта 1930 г. заканчивалась разработка проекта первого дома-коммуны на 1000 человек.

Вокруг проектирования и строительства соцгорода не утихали споры архитекторов и градостроителей. До обывателей доходили лишь отголоски этих споров. М. С. Богуславский, занимавшийся пропагандой соцгорода, открыто говорил о том, что рабочие не всегда правильно пони-

мают идею социалистического города, которая постепенно обрастает слухами типа «в социалистическом городе будут хлебать щи из одной чашки», «детей отберут у родителей» и т. п. Подобные слухи порождались идеями нового и обобщественного быта. Богуславский говорил и о психологической неготовности рабочих к новому образу жизни. Он считал, что справиться с этой проблемой должна помочь пресса, которая проведет разъяснительную работу. Собственно, идея активного подключения прессы к строительству принадлежит не Богуславскому. От лица власти журнал «За социалистическую реконструкцию городов» неоднократно призывал прессу публиковать материалы о социалистическом строительстве, анализировал работу региональных газет и журналов, объяснял, как велика роль пропаганды в строительстве городов нового типа.

В «Советской Сибири» в 1930 г. часто появлялись заметки о строительстве соцгорода. 13 октября 1930 года в газете рассказывалось о том, что на левом берегу Оби строится завод комбайнов и льночесальная фабрика, вскоре появятся и другие промышленные предприятия: хлопчатобумажный комбинат, теплоэлектроцентраль, автосборочный завод. Для обслуживания всех этих предприятий потребуется до сорока тысяч человек. Всех этих людей необходимо обеспечить жильем. Поэтому здесь и строится специальный город социалистического типа. В этом городе будет обобществлен быт. Но притом, что два здания города уже практически построены, до сих пор нет четкого плана застройки. Говорилось, что в следующем 1931 году построят еще восемь зданий.

Уже в следующем номере газеты появилась статья «Как планировать соцгород», где говорилось, что предполагается жилое строительство на 120–150 тысяч человек. Из первых же газетных публикаций видно, что у строителей не было четкого представления, на какое количество населения рассчитывается соцгород. В статье рассказывалось о плане Зайцева и Богуславского, говорилось о перспективах стро-

ительства. Новая заметка «Как строится социалистический городок» появилась уже 24 октября. В ней говорилось, что строительство идет медленными темпами, потому что нет единого строительного плана. В следующей заметке, опубликованной через несколько дней, говорилось, что рабочие не знают, как будет выглядеть социалистический город. Поэтому автор заметки освещал некоторые подробности плана, оговариваясь, что реально не существует четкого плана развития промышленности в Заобском районе. Репортеры информировали жителей города о состоянии стройки. Так в № 177 «Советской Сибири» рассказывалось о предполагаемых расходах на стройку, ближайших планах и первых результатах строительства.

Стоит заметить, что строительство соцгорода в Новосибирске шло не совсем гладко. В столичном журнале «За социалистическую реконструкцию городов» говорилось, что в 1932 году в новосибирском соцгороде построили только полтора десятка домов нового типа. Зато у самых стен завода бурно растет «самострой». Мало того, руководство завода способствуют этой застройке.

Соцгород в новосибирском Левобережье — это пример того, как в начале 1930-х гг. пытались улучшить быт рабочего населения. Безусловно, идеалистические планы и проекты соцгорода во многом остались не реализованы, однако значительное число рабочих, стоявших у истоков завода «Сибсельмаш», все же получили новое жилье, переехавшие из бараков и лачуг.

Строились в городе и дома для элиты. Знаменитый стоквартирный дом, построенный по проекту архитектора Крячкова, «генеральский» дом на Красном проспекте — яркие примеры элитного жилья в довоенном Новосибирске. Застройка центра города отличалась от застройки окраин, однако деревянная изба и в центре оставалась наиболее распространенным типом жилого строения. Раиса Бриллиантова так вспоминала усадьбу своего детства: «Наша

простая, огороженная высоким забором усадьба стоит на углу Фрунзе и Советской. Здесь много строений: хозяйский, огромный, на десять комнат дом, трехкомнатный флигель, наш шестнадцатиметровый домишко — бывшая баня, а еще — погреб-ледник, амбар, сеновал, коровник, конюшня, курятник, сад-огород и наша ограда». Новые дома в конструктивистском стиле на Красном проспекте, улицах Ленина и Серебренниковской были недостижимой мечтой для большинства горожан.

Районы, возникавшие на бывших деревенских землях, отличались низкой плотностью застройки. Жилищный фонд в бывших деревнях, которые в 1929-30 гг. вошли в городскую черту, долго оставался неизменным. Начало 30-х гг. — это время контрастов: в городе одновременно уживались пруды с гусями и утками и немыслимые по тем временам стройки, которые, однако, только начинались. Дзержинский район Новосибирска на заре его существования старожил А. А. Пятков (1935 года рождения) запомнил таким: «Дзержинский появился сразу как новый городской район, строился он на голом месте. Вдоль по проспекту Дзержинского тянулись деревянные бараки. Здесь же было озеро, из-за которого бараки часто затапливало. Эти постройки окружал сосновый лес...»

Новосибирск, «Сиб. Чик», как иронично называли его в 30-е годы жители нашего города, стал во второй половине предвоенного десятилетия объектом пристального внимания столичных журналистов. О высоких темпах роста Новосибирска говорилось с похвалой в журнале «За социалистическую реконструкцию городов»: «Раньше он напоминал деревню: почти весь одноэтажный, деревянный, без какого-либо коммунального благоустройства. Сейчас Новосибирск — один из красивейших и наиболее благоустроенных городов на востоке Советского Союза. Там, где были пустыри и хибарки, высятся сотни многоэтажных, красочных домов... Город постоянно строится, облик его меняется

с каждым днем». Автор статьи приводил данные, что уже в 1932 году в Новосибирске было более 50 многоэтажных и 704 двухэтажных дома. Конечно, сегодня эти цифры не впечатляют. Удобно было, говоря о Новосибирске, разоблачать вредителей и высказывать жесткую критику. В статье Ф. Попова «Улучшить строительство в городах Западной Сибири» говорилось, что строительные планы в Новосибирске из года в год не выполняются. Автор характеризовал деятельность строителей в Новосибирске как безответственную, вредительскую и бесхозяйственную. Он говорил, что в Новосибирске крайне слабо используются новые строительные механизмы. Неудовлетворительной являлась и тенденция быстрого строительства промышленных предприятий и очень медленного решения жилищных вопросов. Несмотря на то, что Совнарком СССР официально запретил строить в крупных городах дома ниже 4 этажей, в Новосибирске повсюду строились одноэтажные дома. Их в нашем городе было 96,3 % в 1935 году. Критиковал автор статьи и строительство соцгорода, застройку Красного проспекта, которая велась стихийно, не составляла единого, гармоничного ансамбля.

Перед началом войны Новосибирск напоминал ребенка-акселерата, который стремительно вырос из детских штанишек: население все прибывало, а жилья не хватало. Идеологически и практически новые формы решения жилищного вопроса не могли на данном этапе обеспечить квартирами всех нуждавшихся. По качеству жилья можно было судить о социальном расслоении: кто-то въезжал в роскошный генеральский дом, другие по-прежнему ютились в землянках по правому берегу Каменки.

«Поедмте в номера!»

В начале 1920-х приезжающие в Новониколаевск люди могли остановиться на постоянных дворах. Значительное число постояльцев составляли крестьяне, приехавшие на

базар. Мест на постоянных дворах было немного, и условия проживания оставляли желать лучшего. Постоялые дворы привлекали мошенников, втягивавших временных жильцов этих заведений в азартные игры, и спекулянтов, желавших дешево купить у крестьян товары и подороже сбыть на городских базарах.

На исходе 1922 г. на Томской улице был открыт ночлежный дом. Там могли временно остановиться одинокие безработные, зарегистрировавшиеся на бирже труда и не имевшие жилья люди. Постояльцы могли жить в ночлежном доме до устройства на работу и вволю пользоваться предлагавшимся им удобством — «горячим кипятком», который, если верить газетной рекламе, всегда в «ночдоме» имелся.

В годы нэпа в нашем городе были открыты и дорогие «номера», как скажем, «Нэпо» на Михайловской улице, где сервис и обстановка отвечали вкусам «нэпачей». К числу дорогих гостиниц относился и «Метрополь» на ул. Коммунистической, где посетителям предоставлялись «все удобства» и «точное выполнение всех поручений». В 1927-1928 гг. в городе строилась гостиница «Доходный дом», которым гордились городские власти. Кроме того, в эти годы работала гостиница «Центральная», «Сибирь», «Коммунальные номера» на Омской улице. Известен ряд частновладельческих гостиниц. На ул. Коммунистической, 94 работали номера «Европа», на Семипалатинской, 48 размещался «Дом крестьянина», на Томской, 16 находились «Меблированные комнаты», на Томской, 5 — номера «Москва», на Барнаульской, 56 имелись номера «Свет», на Красноярской, 5 были номера «Урал», на Рабочей, 27 располагалась небольшая гостиница «Номера», на Горького, 89 был «Постоялый двор». Посетители частных новосибирских гостиниц конца 20-х гг. обычно попадали в небольшой дом, где имелась либо одна общая спальня для постояльцев, либо несколько номеров (обычно 6, 12 или 14). В некоторых гостиницах оставить вещи и багаж можно было в специально отве-

денной для этого комнате, в других предлагалось повесить пальто прямо на кухне, где топилась печь, готовился обед и кипели самовары. Условия проживания были разными. В некоторых гостиницах каждый номер был снабжен умывальником, в других умывальник являлся общим. Многие гостиницы требовали ремонта. К примеру, постояльцы «Дома крестьянина» созерцали давно небеленые потолки и испытывали дискомфорт от духоты и пыли.

Пользуясь склонностью некоторых приезжих к приключениям, на некоторых постоянных дворах несанкционированно торговали водкой и самогоном. Кроме того, в ночное время сюда нередко наведывались «Нюси» и «Лари» — девицы легкого поведения, искавшие встреч с постояльцами.

Характер новосибирских гостиниц в 30-е гг. несколько изменился. В городе перестали существовать частные постоялые дворы. В 1932 г. в Новосибирске насчитывалось пять государственных гостиниц. А уже через год их количество сократилось до четырех. Однако в 1933 г. считалось, что четыре гостиницы на 400 номеров не удовлетворяют потребностям растущего города, которому было нужно, как минимум, восемь гостиниц на 1700 мест. В середине 30-х гг. постояльцев принимали такие гостиницы, как «Советская Сибирь», «Метрополь», «Деловой двор». В 1937 году в городе существовало пять гостиниц. А к 1939 г. в городе осталось лишь три гостиницы всего на 645 мест. Существовал и Дом колхозника — гостиница для приезжавших в город крестьян.

Вообще в то время имелись определенные сложности с заселением в гостиницу. Принимали только командированных. Случалось, что в Новосибирск приезжали, скажем, на лечение из других городов — этим людям обычно отказывали в заселении. Количество мест в гостиницах было крайне ограниченным, поэтому и принимали в гостиницы только ограниченный контингент приезжих. Те, кому отказывали

в ночлеге, были вынуждены ночевать на вокзале или искать частную квартиру, что было не так-то просто в перенаселенном городе. Те же, кто все-таки вселялся в гостиницу, были обязаны пройти санобработку — процедуру, по мнению посетителей, унижительную. Не нравился посетителям и грубый персонал, который то по-хамски разговаривал, то неделями отказывался менять постельное белье.

Те, кто останавливался в «Центральной», попадали в одну из 116 комнат, обставленных лучшей дубовой мебелью московских и ленинградских фабрик. В этой гостинице можно было не только переночевать, там же можно было воспользоваться одной из четырех ваннных комнат (неудобно по современным стандартам, но шикарно по меркам довоенного Новосибирска). Кроме того, можно было сходить в буфет и заглянуть на досуге в читальню. Конечно, пожить в такой гостинице считалось шиком.

Те, кто вселялся в небольшую гостиницу «Сибирь» на сорок номеров, попадал в менее комфортные условия. Посетители довольствовались комнатами, которые требовали основательного ремонта и были обставлены старой, не всегда исправной мебелью. Ваннных комнат, буфета и прочих дополнительных удобств в этой гостинице не было так же, как и в «Коммунальных номерах». В 1935 году состояние новосибирских гостиниц было признано неудовлетворительным. Белье и обстановка, которой пользовались постояльцы, сильно износились. В «Советской Сибири» испортилось водоснабжение, «Деловой двор» закрыли на ремонт, гостиница «Метрополь» ждала своей очереди. Однако уже в 1938 г. во всех гостиницах города посетители пользовались водопроводной водой, ваннными комнатами и парикмахерскими. Постояльцы «Центральной» гостиницы могли отужинать в ресторане. Новосибирские гостиницы принимали не только временных постояльцев. По данным на 1 января 1939 г., 21 номер занимали постоянные жильцы.

Самые глобальные вопросы коммунальные

За годы гражданской войны городское хозяйство Новониколаевска пришло в полнейший упадок. Та среда, в которой жили горожане, представляла собой ужасающую картину. Новониколаевск и до революции не отличался высокими показателями развития городского хозяйства, чистотой и благоустроенностью, ведь город рос очень быстро и бесконечное строительство в сочетании с постоянным, значительным притоком населения приводило к антисанитарии. В условиях гражданской войны жители вынуждены были мириться с бытовой неустроенностью и царившим вокруг хаосом. Грязь, мусор и навоз были повсюду. Обыватели донельзя замусорили прежние владения бывших «хозяев». Эти владения муниципализировали, но использовали не сразу. Дома и дворы приходили в запустение, превращались в места свалок. Очистка производилась лишь тогда, когда городские власти начинали эксплуатацию муниципализированных владений. Например, из двора госпиталя, расположившегося в здании бывшего ресторана «Универсаль», при уборке вывезли более 800 возов мусора и навоза.

«Советская Сибирь» «прорабатывала» несознательных загрязнителей и нерях: «Вот, обыватель везет воз вонючих нечистот и как бы незаметно для других старается проделать в санях дыру и просыпать, и пролить по дороге нечистоты, пока приедет к свалке, полвоза уже нет и лошади легче! А посмотрите, где он сваливает нечистоты? Там, где на столбе написано: «Строго воспрещается свалка нечистот!» Наконец, за загрязнение улиц горожан стали штрафовать, в том числе и несправедливо. Выходили конфузы. К примеру, за навозные отвалы оштрафовали жителей Трудовой улицы, однако скоро выяснилось, что навоз вываливался из ворот тюрьмы и равномерно распреде-

лялся «аккуратными» дворниками по улице. Весна всегда являлась критическим с санитарной точки зрения временем года, когда не только оттаивала уличная грязь, но и активно засорялись источники водоснабжения — реки Каменка и Обь, в которые постоянно сваливали навоз.

Зимой 1920 г. более серьезную проблему, чем стихийные свалки, представляли собой незахороненные трупы. Власть в Новониколаевске менялась отнюдь не бескровно. В воспоминаниях старожилов до сих пор живы страшные картины гражданской войны. К примеру, Н. Ф. Бартош так передает рассказ своей матери, жившей в нашем городе: «Когда по Новониколаевску красные гнали белых, мама рассказывала, что весь народ прятался по домам. Стрельба, кровь, крики. Мама говорила, что никогда не забудет, как с еще теплых убитых белых солдат красные снимали сапоги... Для нее, маленькой девочки, это было страшное время. От тифа умер ее отец; немного пожив после смерти мужа, умерла мама от чахотки в 28 лет». А одним из ярчайших детских впечатлений новосибирского писателя И. М. Лаврова стал рассказ отца: «Отец рассказывал о том, как обочины дорог были усеяны стылыми трупами — беженцев косил тиф, как мобилизованные возчики складывали эти трупы в большие поленницы и отламывали у покойников пальцы, если на них были кольца».

Смерть подстерегала городского обывателя темным вечером в переулке (в городе обострилась криминальная обстановка), приходила в тифозном обличии, напоминала о себе безымянными, припорошенными снежком трупами на улицах. Тысячи мертвецов не были погребены и, словно навоз, валялись во дворах, на улицах, в переулках. Мертвецкие и ледянки переполнились покойниками. В госпиталях, лазаретах и жилых помещениях скапливалось такое количество трупов, что санитары не успевали избавлять живых горожан от присутствия умерших. Эта ситуация являлась не только опасной с санитарной точки

зрения, но и совершенно безнравственной. Хотя, конечно, в те страшные месяцы вопросы нравственности решались совсем не так, как в более благополучное время. Обыватели, пережившие ужасающие события предыдущих лет, зачастую пускались в «загулы» и пьянство. Городские власти и газетчики сокрушались, как можно ходить по вечеркам, когда город завален мертвецами и дух смерти витает в воздухе. Однако измученные люди массово принимали алкоголь, как «эликсир забвения» и не спешили на очистку города. Так было легче переживать ужас постигшей страну и город катастрофы. Многие не спешили даже написать адресованное Чека-тифу заявление об уборке с улиц обнаруженных трупов — такое безразличие вполне объяснимо с психологической точки зрения. Желание не замечать проблему или бежать от нее, заливая горе алкогольными суррогатами, стало массовым. Пережив множество психотравмирующих ситуаций, нажив невроты, горожане не могли конструктивно справляться с хаосом, творившимся как в их духовном, внутреннем, так и в окружавшем мире. Многие быстро спивались. Однако даже в те дни, когда обыватели, казалось, привыкли к самым невероятным ужасам и потрясениям, в сердцах новониколаевцев все же оставалось место для сострадания: в начале марта 1920 г. в газете «Красное знамя» опубликовали полную жалости заметку о двух, якобы брошенных беженцами и замерзших на улице малышах.

Сколько захороненных мертвецов было в Новониколаевске зимой 1920 г.? Создается впечатление, что их никто уже не считал. Для врачей и сотрудников Чека-тифа избавление от покойников было одним из самых больших вопросов: не хватало подвод для транспортировки умерших, не хватало санитаров, медперсонал страдал от тифозной инфекции. А тем временем часовня на Николаевском проспекте, символизирующая центр Российской Империи, превратилась в морг. Туда свозились трупы

из различных лазаретов. Часовня была до крыши наполнена мертвецами, вокруг нее валялось еще около двухсот покойников — центр бывшей империи вымирал, о чем красноречиво свидетельствовал вид часовни. Мертвецами были завалены железнодорожные пути. Ежедневно с путей убирали до 170 трупов. Это обстоятельство также должно было восприниматься как крушение мифа о богатом и благополучном Новониколаевске — городе, стоящем на пересечении великих путей. Именно на поездах в город приезжала смерть вместе с заразными беженцами, ранеными и погибшими в боях. Хотя администрация железной дороги и следила за распространением инфекций в поездах, устраивая теплушки-изоляторы и отправляя заразившихся в специальные изоляторы на станциях, откуда инфицированные поступали в городские больницы, случаи смертей в пути были очень частыми. В санитарных вагонах станции Новониколаевск находилось около пяти тысяч мертвецов — бывших колчаковцев, там же стояло 20 вагонов тифозных трупов. В Новониколаевск свозили трупы, обнаруженные вдоль линии железной дороги. Полторы тысячи трупов скопилось на близкой к городу станции Кривошеково, и они стали разлагаться с наступлением оттепели в феврале.

Сверх того, около трех тысяч не погребенных скопилось на новом кладбище, еще около 12 тысяч было обнаружено в Военном городке. Трупы «лежали кучами на открытом воздухе» среди мусора и нечистот. Требовалось не менее 100 подвод для того, чтобы все это убрать. Покойники валялись даже на центральной городской площади, и крысы объедали их. Десятки подвод для вывоза трупов ежедневно отправлялись в лечебные учреждения города. К примеру, 23 января 1920 г. пять подвод отбыли во второй новониколаевский госпиталь для выздоравливающих, через два дня 4 подводы потребовалось остановочному пункту № 3 и 3 подводы во второй эпидемический городской

лазарет. Одновременно шесть подвод отправили во второй новониколаевский эпидемический госпиталь для перевозки 30 трупов к братским могилам. 30 января госпиталь приемника эвакопункта нуждался в 12 подводах для вывоза 110 умерших и т. д. Всю зиму и всю весну, изо дня в день, лечебные учреждения заваливали Чека-тиф и транспортный отдел Горкомхоза заявлениями с просьбой о высылке подвод для транспортировки трупов. Даже 16 апреля 1920 г. на улицах Новониколаевска было обнаружено 50 подвод с человеческими останками.

Вышло так, что в 1920 году новониколаевский обыватель был свидетелем страшных трансформаций привычных объектов городской среды: часовня, святое место, превратилась в отвратительную заразную ледянку; знакомый по дореволюционным временам хороший ресторан сделался лазаретом, откуда многие не возвращались; женская гимназия, где еще недавно звучал детский смех, стала мрачным госпиталем, а безобидный кирпичный завод — крематорием, последним пристанищем жертв войны и тифа. В городе создали два крематория. На кирпичном заводе по договору с отделом здравоохранения оборудовали крематорий для сжигания инфицированных трупов, в первую очередь тех, что находились на станции Новониколаевск. Затем установили Гофмановские печи, оборудовали пять камер для кремации. В первый же день работы было кремировано 42 трупа. Всю весну крематорий утилизировал до 80 трупов в сутки. В этом импровизированном, наспех оборудованном крематории трудились рабочие завода, которые нарушали правила кремации, одновременно сжигали большее количество трупов, чем полагалось по инструкции. В итоге в крематории создалась антисанитарная обстановка, и весной 1920 г. его ликвидировали. Немало потрудились рабочие завода, чтобы убрать копать и остатки человеческих костей из цеха. Вскоре крематорий вновь переоборудовали в кирпичный завод.

Часть неизвестных мертвецов предали земле. В конце марта 1920 г. на Закаменском кладбище санитарями было захоронено 4599 жертв политической борьбы, инфекций и голода. Почти столько же мертвецов ожидало захоронение в братских могилах. Стоит отметить, что похоронное дело тех лет не отличалось упорядоченностью, не было четко оговорено, какая организация будет заниматься этим делом, остро стоял вопрос санитарного состояния кладбищ, которые содержались крайне небрежно.

В городе-саде не продохнуть...

В более благополучные нэповские годы новониколаевцы уже не голодали, страшные эпидемии смертельных болезней остались в прошлом, вопросы жилья и одежды худо-бедно решались, однако проблемы санитарии, городского благоустройства и коммунального хозяйства оставались по-прежнему весьма болезненными.

Пока автомобили не вытеснили лошадей, проблема стихийных навозных отвалов продолжала мучить сотрудников городского коммунального хозяйства и простых обывателей. Горкомхоз установил официальные места отвалов: за городским санным складом в левой стороне от Каменской дороги; за военным городком на расстоянии? версты влево от него и Гусинской дороги; на льду реки Оби: у ее левого берега, вблизи Яренского острова и в середине реки, ниже водокачки. Но обыватели зачастую пренебрегали установлениями Горкомхоза. Мощение улиц могло частично решить проблему загрязнения городской среды. Но в начале 20-х было не до мощения дорог. Благоустройство улиц по большей части сводилось к засыпке ям, заравниванию дорог и срытию ухабов. Мощение улиц велось очень вяло. К примеру, в 1922 году замостили улицу Рабочую. Мощение дорог распространялось далеко не на все городские улицы — замощены были преимущест-

венно центральные. Согласно инструкции по устройству и содержанию тротуаров в городе на 1926 год, все его улицы делились на три группы по характеру содержания тротуаров. Только асфальт или тесаный камень в сочетании с цементными плитами предполагалось класть на группе центральных улиц, в которую входили Кузнецкая, Красный проспект (от Колыванской до Ядринцевской), наиболее людные участки Советской, Сибревкома, Михайловской, Телеграфной, Барнаульской, Бийской, Семипалатинской, Серебренниковской, Свердлова. Класть деревянные тротуары решили на менее оживленных частях Телеграфной, Красного проспекта, Урицкого, Советской, Рабочей, Коммунистической, Серебренниковской, Логовской, Горького, Межениновской, Большевистской. Кроме того, соорудить деревянные тротуары решили на улицах Фабричной, Спартака, Бийской, Семипалатинской, Трудовой, Ядринцевской, Вагановской, Гоголя, Обском проспекте, Переселенческой, Вокзальной, Томской, Дуси Ковальчук. Наконец, к третьей группе относились те улицы, которые решили благоустроить с помощью шлаковых и земляных тротуаров. Такое «счастье» выпадало на долю практически всего Ипподромского района. Земляной тротуар устраивался незатейливо: между досками, поставленными на ребро, засыпался строительный мусор, песок, земля и глина. Можно только представить, во что превращался такой тротуар после первого же дождя.

Городской воздух тоже нельзя было назвать чистым. Несмотря на популярность в 20-е гг. идеи города-сада, новониколаевские обыватели испытывали дискомфорт в летнюю пору, когда улицы становились очень пыльными: зеленых насаждений было недостаточно для очистки воздуха. В 1920 г. разработали правила об охране зеленой площади, садов, парков, лесов и других зеленых насаждений и наложили запрет на их самовольную вырубку. Однако она не прекращалась. В дело о самовольной порубке зеленых

насаждений за 1923 год подшито 487 листов. Лес рубили разные люди для разных нужд. К примеру, рядом с городом «нарубили дров» (молодой сосняк) красноармейцы. В городе существовали старые сады и парки, постепенно создавались новые: в парках обычным явлением было столпотворение народа. Жителям окраин дышалось все же полегче, чем жителям городского центра: там, куда не добрались коммунальщики, к примеру, до Большой Нахаловки, Ельцовской окраины или тихих улочек Ипподромского района, сама собой росла сорная трава, обыватели по старинке садили возле домов черемуху и яблони, занимались огородничеством. Все это как-то скрашивало уже тогда наметившееся неблагоприятное экологическое положение в городе.

Если я заболею...

В годы нэпа эпидемии перестали представлять для горожан такую серьезную проблему, как в начале 20-х гг. Однако известно, что окончание весны и наступление лета в 1923 г. вызвало небывалую вспышку малярии. В округе Новониколаевска располагалось много низких лугов, которые с таянием снега превращались в болота, где обитали многочисленные полчища малярийных комаров. Новониколаевцы особенно рисковали заразиться малярией в июне. По подсчетам медиков, летом 1923 г. из 10 тыс. горожан малярией болело 705 человек. У многих после лечения случались рецидивы. Трудно сказать, почему именно в 1923 г. произошел всплеск этого заболевания в Новониколаевске. Врачи считали, что и в предыдущие годы горожане тоже часто заражались малярией, однако случаев заболевания фиксировалось меньше по причине сокращения в начале 20-х гг. числа медицинских учреждений, отсутствия хинина и, как следствие, редких обращений за помощью к докторам.

В 1925 г. врачи города немало сил положили на борьбу со скарлатиной, которой за год переболело 4756 новониколаевцев. В 20-е гг. многие новосибирцы умирали и от туберкулеза. Это заболевание стало в 1925 г. причиной смерти 264 человек, по большей части мужчин 20–35 лет. Здоровью детей особенно угрожала корь, от которой часто умирали малыши до четырех лет. Очень распространены в 20-е гг. были заболевания пищеварительной системы, органов дыхания и нервной системы. В 1927 г. отмечался рост заболеваемости сыпным тифом, скарлатиной и трахомой; к сожалению, санитарная обстановка в городе и гигиена горожан оставляли желать лучшего. Зато меньше горожане стали страдать коклюшем, малярией, дизентерией, оспой и сифилисом, т. е. теми заболеваниями, над искоренением которых работали специально организованные комиссии.

По данным 1924 г., здоровье горожан, особенно рабочих, едва ли можно было назвать удовлетворительным. Врачи считали, что новониколаевские рабочие вынуждены трудиться в условиях, способствующих развитию болезней. Летом 1924 г. по инициативе «Избтруда» провели медицинское освидетельствование всех рабочих крупных предприятий Новониколаевска. Выяснилось, что наиболее подвержены заболеваниям рабочие кожевенного и полиграфического производства. Условия труда на этих предприятиях способствовали развитию заболеваний органов дыхания. Кроме того, выяснилось, что среди рабочих распространены нервные заболевания, несколько меньшее количество рабочих страдало заболеваниями системы кровообращения и пищеварения. При опросе 24 % рабочих признались, что страдают венерическими заболеваниями. Стоит сказать, что данное обследование проводилось при использовании крайне нехитрых методов диагностики. Даже не проводилось лабораторных исследований анализов, многое записывалось лишь со слов обследовавшихся.

Однако даже приблизительные данные медицинского обследования рабочих свидетельствуют о том, что очень многие рабочие Новониколаевска серьезно болели и часто преждевременно умирали, не получая должной помощи.

Медицинское обслуживание Новониколаевска представляло собой значительную проблему. По данным 1921 г., в Новониколаевске имелась хирургическая больница на 125 коек (из них 25 глазных и 15 женских), терапевтическая больница на 100 мест, больница переселенческого пункта с таким же количеством кроватей, небольшая кожно-венерическая больница, детская и детская заразная больницы, родильный приют. Располагавшиеся преимущественно в тесных, не подходящих для подобных учреждений помещениях, больницы постоянно переполнялись. Известно, что в 20-х гг. больницы имелись во всех частях города и население приписывалось к одному из пяти врачебных участков. Теоретически все население охватывалось медицинской помощью в случае необходимости. На деле же амбулатории и больницы не справлялись с наплывом пациентов.

Заболевший горожанин обращался за помощью в амбулаторию по месту жительства и буквально на пороге сталкивался с грубой регистраторшей, которая была вынуждена несчетное количество раз за день объяснять больным правила работы амбулатории и записи к врачу и отказывать тем, кто стремился нарушить эти правила. Далее пациент по обыкновению попадал в тесную, пыльную ожидальню, где толпился народ, были навалены шубы за неимением гардероба, кто-то курил за отсутствием курильни, кто-то пытался нарушить бесконечную очередь. На малярийной станции в период эпидемии больные не только толпились в ожидальне, но и наводняли весь двор. Многие из-за постоянных очередей не заканчивали лечения, не приходили на контрольный осмотр. Врач часто не успевал до конца рабочего дня принять всех желающих, и разъяренный больной, случалось, потратив половину дня на посещение

амбулатории, уходил ни с чем. Во время эпидемии малярии до 50–60 человек в день не могли попасть на прием к врачу. Часто время приема докторов было неудобным для пациентов. К примеру, в амбулатории на Обском проспекте врачи по внутренним, женским и детским болезням принимали только утром, а хирург и дантист — только вечером. Более удобным для посетителей был график венерического диспансера: там первая смена длилась с 9 до 14 ч., вторая — с 17 до 22 ч. Такой график был рассчитан на работающее население города.

Все-таки попав в кабинет врача, пациент едва мог рассчитывать на тщательное обследование и пристальное внимание. В период эпидемии малярии о необходимом бактериологическом обследовании не было и речи. Из-за наплыва людей врач мог принимать одновременно женщин и мужчин, что противоречило всяким представлениям о приличии. Некоторые болезни нигде в городе вовсе не лечили. К их числу относился костный туберкулез. Известен случай, когда родители заболевшего мальчика тщетно пытались найти врача для лечения этого заболевания.

Случалось, что в результате переполнения больниц во время эпидемий врачи вставали перед нелегким выбором: кого из больных госпитализировать, а кого выписать из больницы раньше срока недолеченным. К примеру, в октябре 1925 г. в заразной больнице не хватало мест из-за эпидемии скарлатины, поэтому администрация отказалась от госпитализации тех, кто был болен корью и дифтеритом. Из-за переполнения туберкулезной больницы намеренно был усложнен порядок поступления в стационар. Больной должен был через амбулаторию получить направление в туберкулезный диспансер, где решалось, нужно ли помещать больного в стационар. Пациент выстаивал очередь и в конечном итоге мог не дожидаться госпитализации.

В середине 20-х гг. в городе существовало несколько специализированных больниц. Помимо эпидемических,

к числу таковых относились кожно-венерическая больница на ул. Михайловской, 13; зубоврачебная клиника и 8 государственных стоматологических кабинетов; туберкулезный диспансер и туберкулезная больница; имелись гинекологические больницы, а в 1927 г. открылась физиотерапевтическая лечебница. Железнодорожники и военные лечились соответственно в железнодорожной больнице и в военном госпитале.

В Новониколаевске-Новосибирске тех лет не существовало специализированной психиатрической больницы. Случалось, что некоторые обыватели вынужденно терпели присутствие в своем доме невменяемых родственников. Два года одна из малоимущих горожанок не могла добиться госпитализации буйно помешанного супруга, которого постоянно приходилось связывать.

Горожане в случае необходимости могли вызвать на дом разъездного врача или скорую помощь. Однако неожиданно заболеть в Новониколаевске вовсе не означало получить быструю и квалифицированную медицинскую помощь. По постановлению городского совета, скорую помощь имело смысл ждать только, если обыватель поранился, пострадал от перелома, сильно обжегся, отравился, обморозился, захлебнулся, пострадал от электричества, получил солнечный удар, потерял сознание в результате ушиба головы, продолжительно находился в обморочном состоянии, внезапно сошел с ума; если у обывателя началось неожиданное кровотечение, и если у женщины на улице начались роды. В иных случаях на вызов скорая помощь не приезжала. Случалось, что люди погибали. Зимой 1928 г. от сердечной недостаточности скончался студент сельскохозяйственного техникума; скорая не приехала к умиравшей от высокой температуры женщине из Большой Нахаловки; отказали в вызове и женщине, чьи малолетние дети умирали от лихорадки; не выезжала скорая помощь к тем, кто болел тифом и скарлатиной...

Все достаточно легко объяснялось: на вызовах в 1928 г. работало всего от двух до пяти врачей, которые физически не успевали оказать помощь всем нуждавшимся. За одни сутки скорую помощь горожане обычно вызывали 35–45 раз, но случалось, и более пятидесяти, тогда рассчитывать на то, что врач приедет, было бесполезно.

В конце 20-х гг. бывали случаи злоупотребления служебным положением крупных начальников и сотрудников ГПУ. Однажды некто из их числа угрозами заставил врача скорой помощи выехать на вызов, хотя причина вызова не входила в предписание городского совета, да еще и отчитал доктора за медлительность.

Надеяться на визит разъездного врача также далеко не всегда было разумно. Газета «Хозяин города» писала в январе 1928 г.: «Разъездная помощь не принимает вызовов круглые сутки. В городе развита частная практика врачей, а между тем качество помощи в амбулаториях далеко не удовлетворительно».

Разъездных врачей было недостаточно. К примеру, в штате амбулатории на Обском проспекте числилось всего 2 разъездных врача, которые по правилам должны были за день посетить 10 больных (в период эпидемии — 12), но вызывали их до тридцати раз в день. Части больным отказывали в вызове врача. Особенно трудно было добиться визита разъездного врача тем, кто жил на закаменской окраине.

Почувствовав недуг, обыватель мог обратиться и к врачу, занимавшемуся частной практикой. В местных газетах постоянно размещались соответствующие объявления. «Советская Сибирь» содержала в себе, кроме всего прочего, «Врачебный указатель», используя который, горожане могли узнать адрес и часы приема нужных специалистов: по легочным заболеваниям, «внутренним болезням», женским, кожно-венерическим и зубным — таковы были самые востребованные медицинские специалисты того времени.

В 1926 г. в Новониколаевске насчитывался 21 частный стоматологический кабинет.

При наличии государственных медицинских учреждений и частных врачей обыватель, которому экстренно требовалась медицинская помощь, зачастую попадал в беду. Взволнованный муж мог часами бегать по неосвещенным и опасным улицам окраины ночного Новониколаевска, отыскивая дом акушерки, на котором не было даже таблички, в то время как жена мучилась от родовых схваток. Диагнозы зачастую выносились неверные, и больных лечили вовсе не от тех болезней, от которых следовало. Достать лекарства, особенно в срочном порядке, тоже было непросто. Аптек в городе было мало, круглосуточные аптеки отсутствовали вовсе. Особенно актуален был аптечный вопрос для городских окраин.

Не удивительно, что в Новониколаевске 20-х гг. обыватели повсеместно применяли народные средства лечения: в городе жили и занимались лечением и целительством всевозможные «бабки», знахари и знахарки. Это было связано с недостатком квалифицированной медицинской помощи горожанам. Была и более глубокая причина культурного характера, состоявшая в том, что за годы гражданской войны существенно пошатнулись некрепкие устои европеизированного городского варианта культуры. Из Новониколаевска уехали многие интеллигенты и предприниматели, всегда выбиравшие между «бабкой» и врачом второй вариант. Демографический рост Новониколаевска обеспечивался преимущественно за счет крестьян. Кроме того, обострившееся за годы гражданской войны и разрухи желание выжить заставляло народ обращаться к более доступным народным методам лечения. Распространенность знахарства и народной медицины в городе — одно из свидетельств тенденции рурализации в нашем городе 20-х гг. Несомненно, народная медицина помогала многим горожанам справиться с недугами, однако случалось, что

обращение к подобным методам лечения заканчивалось трагично.

Журналист, подписывавшийся псевдонимом «Серп», передавал в статье о жизни Каменки услышанный им разговор женщин, полоскавших белье, одна из которых делилась опытом со своими товарками: «А штоб лихоманка не трепала, нужно сто поклон класть и свечу Николаю угоднику поставить, а как догорать будет — съест, как рукой снимет». Разговор продолжился обсуждением того, как некая знахарка Михеиха «заморила» больного соседского ребенка, который «сох». Михеиха замотала ребенка в тесто «как окорок» и засунула в остывшую печь на некоторое время, после чего младенец умер. А сколько горожанок погибло в результате криминальных абортов, производившихся «бабками»! О некоторых, особенно скандальных случаях писали газеты. К примеру, в ноябре 1925 г. некая Евдокия Ишимцева произвела аборт гражданке Суходоевой, в результате чего последняя погибла. Некто Карпухина неоднократно производила аборты знакомым женщинам в домашних условиях, пока одна из ее пациенток чуть было не скончалась от потери крови — вовремя спасли врачи. В мае 1927 г. судили «бабку» Фролову, повинную в аналогичном преступлении; в августе, произведя «криминальный аборт» ржавой иглой, умертвила свою клиентку «бабка» Лихоносова. За подобное злодеяние села в тюрьму в январе 1928 г. и некто Котович. И это только некоторые примеры «неудачных» абортов.

За фасадом пропаганды здорового образа жизни

При знакомстве с историческими свидетельствами заметно, что, по сравнению с предыдущим периодом, в 1930-е гг. происходил некоторый прогресс в области медицинского обслуживания новосибирцев. Этому способствовало расширение сети медицинских учреждений города и

открытие в 1931 г. первого медицинского училища. Новосибирск начал подготовку собственных медицинских кадров. Однако развитие медицины шло тернистым путем. Хотя в городе росло количество лечебных учреждений и можно было говорить о некотором повышении качества медицинского обслуживания, эти процессы сопровождались общей для Новосибирска проблемой недостаточно высоких темпов развития городской инфраструктуры по отношению к демографическим показателям.

Заболев, новосибирцы 30-х гг. обращались в поликлиники по месту жительства, в амбулатории, большая часть из которых являлись ведомственными и имели закрытый характер. Для невропсихиатрических, венерических и туберкулезных больных в городе работали специализированные диспансеры. Имелся и наркологический диспансер. За женским здоровьем и физическим развитием детей к 1935 г. следило шесть специализированных консультаций.

В начале 30-х гг., в соответствии с господствовавшей тогда правительственной концепцией социалистического города, актуальной проблемой развития инфраструктуры городов считалось улучшение качества жизни населения окраин и промышленных районов. Концепция социалистического города отразилась и на развитии медицинского обслуживания в Новосибирске. Для жителей городских окраин посещение врача связывалось с меньшими проблемами, чем прежде. К началу 1930-х гг. в нашем городе уже имелись Ельцовская и Ипподромская амбулатории, а это значит, что вопрос об улучшении медицинского обслуживания городских окраин постепенно решался. Летом 1930 г. в новосибирском Левобережье, на самой отдаленной окраине, появилась своя амбулатория и больница при строящемся заводе «Сибкомбайн».

Наиболее густонаселенные районы, например, Центральный и Закаменский (Октябрьский), также нуждались в новых медицинских учреждениях. Поэтому в середине

декабря 1929 г. открылась Центральная поликлиника (поликлиника № 1), следом за ней образовался единый диспансер на базе Октябрьской (Закаменской) амбулатории, который в 1935 г. был преобразован в поликлинику № 4. В 1935 г. город обслуживали уже четыре районные поликлиники. Помимо Центральной и Октябрьской, открылась Кировская и Дзержинская. Кроме того, в 1931 г. была организована амбулатория при железнодорожной больнице, а через несколько лет — детская поликлиника для подраставшего поколения семей железнодорожников. К 1935 г. уже имелась 21 амбулатория в разных районах города. Двенадцать амбулаторий являлись ведомственными и состояли из небольшого количества кабинетов. Жители разных районов могли в случае необходимости посетить поликлинику или амбулаторию, находившуюся неподалеку. Данное обстоятельство существенно облегчало жизнь обитателям окраин, ведь Новосибирск 1930-х гг., гигантская территория в 35 156,2 га, это — плохое уличное благоустройство и крайне слабо развитая транспортная сеть.

В третьем десятилетии XX столетия в городе возросло число новых диспансеров, повысился статус некоторых старых. К примеру, в 1931 г. открыли нервно-психологический диспансер, а в 1935 г. от поликлиники № 1 отделился туберкулезный диспансер. Показательно, что в этом же году на газетной полосе отмечалось: Новосибирск особенно отстал в развертывании сети противотуберкулезных лечебных учреждений. Этот недостаток пытались хотя бы частично устранить, организовав новый диспансер. В 1938 г. кожно-венерологический диспансер расширился и обрел статус областного. Постепенно возрастало количество врачей, работавших в диспансерах, консультациях и зубных кабинетах. В 1930 г. насчитывалось только 153 сотрудника подобных учреждений. В 1934 г. их численность достигла 279. Город очень быстро рос, и увеличение числа врачей являлось более чем оправданным.

Появление новых поликлиник и амбулаторий обычно являлось важным событием для новосибирцев. Жители городского центра ждали открытия первой поликлиники. В 1930 г. даже в детском журнале «Товарищ» опубликовали актуальный для того времени рисунок пионера Коли Петрова, на котором изображалось строительство этого учреждения. Просторное, удобное здание центральной поликлиники отвечало всем последним санитарным требованиям и архитектурной моде. Горожане, посещавшие это новое, роскошное по тем временам заведение, должны были, согласно идеологическим установкам эпохи, ощущать благодарность вождю за заботу о здоровье пролетариев и гордость за успехи своей страны в развитии социальной сферы. Приходя в поликлинику, горожане, привыкшие ждать своей очереди в душном маленьком, часто прокуренном коридоре, попадали в большой холл с высоким потолком, пахнувший ремонтом и лекарствами. Здесь даже время в очереди летело быстрее — посетители меньше утомлялись, ведь привычная толчея, теснота и духота практически отсутствовали. Поликлиника № 1 представляла собой парадный островок благоустроенности и первозданной чистоты на болоте новосибирских коммунальных неурядиц 30-х гг.

Во второй половине 1930-х гг. в газетах появлялись хвалебно-рекламные и идеологически обусловленные статьи о некоторых диспансерах и поликлиниках. К примеру, отмечалась успешная работа детской консультации № 3, принимавшей ежедневно до 60 детей. Но содержание газетной статьи наводит на мысль о том, что далеко не все новосибирские родители представляли, зачем, собственно говоря, показывать врачу здоровых детей. Сегодня трудно сказать, до какого предела терпели недомогание и болезненное состояние горожане 30-х гг., прежде чем пойти к врачу, и обращались ли вообще к доктору в целях профилактики. Все-таки старые амбулатории оставались

тесными, часто антисанитарными и плохо оснащенными медицинским оборудованием. В коридорах неизменно толпились очереди, врачи были перегружены работой. Все эти обстоятельства делали посещение врача делом хлопотным и неприятным.

Многие пациенты не долечивались или занимались самолечением. Знахари, «бабки», повитухи и «абортмахи», как и прежде, не столько помогали горожанам справляться с физическими недугами, сколько зачастую вредили здоровью людей. К примеру, в сентябре 1930 г. была осуждена на пять лет лишения свободы повитуха П. Баурина — за непреднамеренное убийство в результате произведенного в домашних условиях аборта. Она ввела обратившейся к ней за помощью женщине несколько ртутных инъекций, после чего та скончалась. Услуги таких «специалистов» были востребованы не только из-за ущербности государственных амбулаторий и больниц. Сказывалось влияние традиции, ведь в Новосибирск этих лет переселялось очень много крестьян, привыкших к народной медицине. Имел существенное значение и запрет на аборт 1936 г., в результате которого многие женщины шли на нелегальное прерывание беременности. А это часто приводило к кровотечениям, заражениям крови, летальным исходам.

Нельзя сказать, что здоровье горожан было безразлично властям: они не только выделяли средства на развитие медицинских учреждений, но и разрабатывали программы по улучшению здоровья горожан. В 30-е гг. большое внимание уделялось пропаганде здорового образа жизни, что связывалось с критической демографической ситуацией: уровень смертности в некоторых регионах превышал уровень рождаемости, значительная часть горожан не доживала до зрелого возраста. В Новосибирске устраивались различные физкультурные мероприятия, которые выполняли еще и функции досуга. В 1930 г. был введен принцип

единой диспансеризации населения — практиковалось активное динамическое наблюдение за состоянием здоровья всех групп населения, как здоровых, так и больных, проводились санитарно-гигиенические, профилактические и лечебно-оздоровительные мероприятия. В диспансеризации участвовали все медицинские учреждения города, поэтому теоретически здоровье новосибирцев находилось под пристальным вниманием медиков, выражавших интересы государства. Другое дело, что в 30-е гг. мало кто задумывался о нормальном медицинском обслуживании и диспансеризации социальной группы лишенцев. Им был закрыт свободный доступ к обслуживанию в поликлиниках и амбулаториях по причине незастрахованности.

В соответствии с правительственным курсом на уничтожение частного предпринимательства в стране, окрздрав (отдел здравоохранения исполнительного комитета Новосибирского окружного Совета депутатов) в 30-х гг. распорядился о ликвидации практики частных врачей на территории всего округа. 1 апреля 1930 г. с газетной полосы «Советской Сибири» исчезли объявления о приеме частных врачей, поскольку их кабинеты закрылись. Но буквально в первые же дни после закрытия частных врачебных кабинетов выяснилось, что их услугами пользовалось значительное число горожан. К их числу относились бывшие нэпманы и «кулаки», которым было отказано в медицинском страховании и приеме у врачей государственных медицинских учреждений. Выяснилось, что за деньги предпочитали лечиться и многие застрахованные лица — рабочие. Оказалось, что до 10 % застрахованных горожан выбирали не толчею в коридоре бесплатной амбулатории, а более внимательное отношение врача, лечащего в частном кабинете за плату. Внезапное закрытие частных врачебных кабинетов привело к неожиданному наплыву населения в государственные амбулатории и поликлиники, которые не могли обслужить такое число желающих. Ежедневно

в приеме стали отказывать более чем двумстам больным, служба скорой помощи оказалась неимоверно перегружена работой.

Итак, в городе не была подготовлена достаточная база для ликвидации платной медицины в лице частных докторов. Поэтому через несколько дней практика частных врачей в Новосибирске была восстановлена. В 1930 г. продолжали принимать врачи-частники Полянский, Шлиман, Брандт и др. Судя по газетной рекламе, особенно востребованы были дантисты, венерологи, специалисты по гинекологическим и ЛОР болезням. В 1932 г. работала даже платная амбулатория врачей-специалистов — доцентов и профессоров всех специальностей. Только к середине 30-х гг. в Новосибирске частные врачи прекратили вести прием.

В 30-е гг. возрастало количество больниц. К 1935 г. построили пять корпусов городской клинической больницы № 1, открыли ряд инфекционных больниц, потребность в которых ощущалась наиболее остро. Кроме того, была построена больница на станции Эйхе (Инская), больницы при крупных промышленных предприятиях — на «Сибмашстрое» и «Сибметаллстрое». Вообще в этот период в городе имелось 15 больниц и 3 станции скорой помощи. Число коек и количество врачей в больницах постепенно возрастало. В 1930 г. в больницах города насчитывалось только 670 лечебных мест, в 1935 г. число коек достигло 1805.

Однако для «сибирского Чикаго» такие темпы роста больничной сети не были достаточными. В начале 1930-х гг., когда Советский Союз корректировал свой экономический и политический курс, система медицинского обслуживания в Новосибирске переживала не лучшие времена. Причины этого были разнообразны. Начало коллективизации и индустриализации привело к притоку в краевой центр массы новых людей, которые, естественно,

болели и на которых не было рассчитано имевшееся число больничных коек. Известно: там, где переселенцы, там и эпидемии.

В начале 30-х, как и в период гражданской войны, горожане рисковали заразиться сыпным тифом. Ситуация с нехваткой больничных коек осложнялась тем, что в Новосибирске лечились не только местные, но и приезжие, ведь город являлся краевым центром. Резкий всплеск заболеваемости новосибирцев сыпным тифом наблюдался в марте 1933 г. Тогда был создан еще один госпиталь на 170 коек в непригодном для медицинских целей здании института потребительской кооперации. Тифозных больных начали размещать и в лечебницах неинфекционного профиля: в больнице скорой помощи, в туберкулезном диспансере и даже в физиолечебнице. Можно только вообразить, какой беспорядок в работу этих учреждений вносило появление заразных больных, угрожавшее распространением инфекции. Места в больнице скорой помощи предоставлялись тифозным, а это означало отказ в госпитализации тем, кто нуждался в экстренной помощи. Данная ситуация напоминает проблемы десятилетней давности (начала 1920-х гг.), когда число эпидемических больных значительно превышало количество больничных коек, создавались импровизированные госпитали и лазареты, где смешивался контингент пациентов, страдавших разными болезнями.

Несмотря на явные минусы в организационных вопросах медицинского обслуживания новосибирцев, качество медицинского обслуживания улучшалось по таким критериям, как развитие науки и технологии. В медицинских учреждениях появлялось новое оборудование, развивалась материальная база. С 1930 г. в городе начали функционировать два рентгеновских кабинета, работа которых значительно облегчала диагностику заболеваний. Хотя все население города вплоть до войны обслуживало только три

дежурных врачей и пять карет скорой помощи, в больницах появлялись бактериологические лаборатории и новое физиотерапевтическое оборудование. Конечно, эти нововведения не могли компенсировать всех проблем и недостатков системы здравоохранения горожан Новосибирска 30-х гг., которые явно нуждались в лучшем медицинском обслуживании. Что и говорить, двух рентгеновских кабинетов для большого города было слишком мало.

Тяжелые для страны годы третьего десятилетия XX века — 1930, 1932–1933, ознаменованные голодом, сопровождались еще и всплеском инфекционных болезней, которые легко поражали ослабленных людей и приводили к высокой смертности городского населения. Горожанам делали прививки от оспы и брюшного тифа, чтобы предотвратить распространение инфекций. Но заразные болезни в 1930-х гг. все еще имели место. Брюшной тиф, паратиф, скарлатина, дифтерия, коклюш, корь, малярия, туберкулез постоянно подкашивали новосибирцев всех возрастов. По мнению историка В. А. Исупова, к началу 1940-х гг. в стране «был накоплен мощный потенциал по предотвращению преждевременных смертей», но использовался он крайне слабо — сталинский режим резко снизил ценность человеческой жизни, а уровень эффективности здравоохранения в СССР оставлял желать лучшего. Новосибирск не относился в 30-е гг. к числу тех городов, где смертность превышала рождаемость, но лечиться и в нашем городе было проблематично. Естественная потребность человека быть здоровым реализовывалась в Новосибирске 30-х гг. далеко не лучшим образом.

Городские аптеки 30-х годов: всегда в продаже валерианка

История советского аптечного дела в Сибири изучена слабо, но значимость аптеки в повседневной жизни горожан несомненна. Ведь именно туда они идут, чтобы выкупить при необходимости лекарства по рецептам и приобрести некоторые лекарственные и косметические средства, продававшиеся без рецептов. Но в начале 30-х гг. в аптечном деле имелись существенные проблемы. Количество аптек не удовлетворяло потребностям горожан — за лекарствами приходилось ехать в центр города. Для жителя городской окраины не представлялось возможным срочно купить неожиданно, скажем, в ночное время, потребовавшееся лекарство. К 1935 г. в Новосибирске имелось только 8 аптек. Новосибирским аптекам не хватало фармацевтов. Это сказывалось на качестве обслуживания покупателей. К негодованию людей, ждавших изготовления лекарств по рецептам, обычным делом была задержка выдачи готового препарата, а то и внезапный отказ по причине недостатка нужных медикаментов. Все эти недостатки работы аптек вызывали раздражение у горожан и толкали их на самолечение, а то и отказ от приема лекарств.

Хотя в середине 30-х и прекратились перебои с такими примитивными препаратами, как перекись водорода, валерианка и цинковая мазь, ситуация недоснабжения горожан аптечными товарами была привычной и для второй половины 30-х гг. К примеру, в 1936 г. было сорвано снабжение горожан очками. Люди, имевшие проблемы со зрением, не могли купить очки из-за отсутствия в городе оправ. Простейшей марли не хватало на 40 %. Импортные лекарства вообще поставлялись в новосибирские аптеки от случая к случаю. В числе дефицитных товаров оказывались эфир и хлороформ. При этом если обыватель и покупал данные препараты, то, по сведениям отчетной документации, в

60 % случаев товар оказывался бракованным, его использование могло привести к необратимым последствиям.

Очереди — вечная проблема советской повседневности, у окна выдачи лекарств по рецептам горожане проводили по 2-3 часа. Наконец обыватель протягивал рецепт фармацевту и — о, ужас! — тот возвращал рецепт, поскольку последний был неверно оформлен. Несчастных, простоявших три часа в очереди, но не получивших по рецепту необходимые лекарства, отправляли обратно к врачу, неправильно выписавшему рецепт. Врачи нередко забывали, что на каждое лекарство в аптеке требовался отдельный рецепт*. Несомненно, аптеки не являлись для обывателей местом, куда хотелось возвращаться снова и снова: еще бы — приехать с окраины, окончательно утомиться в очереди и уйти ни с чем!

Интересно, что постоянно в продаже имелись широко рекламировавшиеся в 30-е гг., но забытые сегодня медикаменты, такие как «Секаровская жидкость» — вытяжка из семенных желез, укрепляющее средство против истощения, упадка сил, неврастении и полового бессилия; «Теолин» — средство против угревой сыпи, чесотки и раздражений кожи; «Офтальмоль» — мазь от конъюнктивита и трахомы и др.* Без рецепта отпускались минеральные воды, которые обычно не продавались в аптеках в 20-е гг. С середины 30-х теоретически можно было купить контрацептивы, реклама которых впервые появилась в газетах в 1935 г. в рамках кампании по борьбе с абортами. Такие препараты, предупреждающие беременность, как преконсоль, контрацептин и вагилен, в случае их отсутствия в городской аптеке (а это — стандартная по тем временам ситуация) можно было заказать из Москвы по почте. Однако реклама этих средств с адресом, по которому принимались заказы, появлялась в газете только раз, поэтому логично предположить, что данные средства не были широко распространены в Новосибирске 30-х гг. Несмотря на однозначную востребо-

ванность подобных средств, купить их было практически невозможно. К тому же новым, непроверенным и практически неизвестным средствам горожане доверяли мало. В аптеках можно было также купить товары санитарии и гигиены, ассортимент которых расширился по сравнению с предыдущим десятилетием.

«С ростом материального и культурного уровня трудящихся все больше людей прибегает к услугам аптек», — писал журналист «Советской Сибири» летом 1935 г. Реклама косметических средств, продававшихся главным образом в аптеках, все чаще стала появляться на страницах периодических изданий. В 30-е гг. советских людей начинают знакомить не только с кетчупом, но и с зубной пастой, зубным порошком, кремом для лица, шампунем и пудрой. Из рекламы новосибирцы узнавали, что «пышность волос и уничтожение перхоти достигается при мытье головы жидким мылом или шампунем». Очевиден прогресс в развитии санитарно-гигиенической культуры горожан: если в 1920 г. далеко не все знали, что на свете существуют средства избавления от вшей, то в 30-е гг. обыватели начинали задумываться о борьбе с такими физическими недостатками, как неприятный запах изо рта (ибо становилось известно, что «зубы с темным налетом уродуют даже самое красивое лицо, а дурной запах изо рта действует отталкивающе»), как перхоть и раздражение кожи после бритья. Теперь чистоплотные обыватели запасались первыми советскими зубными пастами «Хлородонт» и «Одентин» (позже появились «Санит» и «Дентин»), пользовались мылом с лечебными, по заявлению рекламы, свойствами, «Гален–Москва», «Карболовое», «Дегтярное», «Борное», «Ихтиоловое», «Салициловое» и «Креолиновое».

Ухоженный горожанин 30-х гг. благоухал современными цветочными одеколонами типа «Мимоза», «Орхидея», «Душистый горошек», а модная горожанка была напудрена «Гвоздикой», «Анютиными глазками» или,

скажем, «Белой ночью». Примечательно, что перед войной даже пудре стали давать идеологические названия типа «Герой севера» против традиционных «Камелии» и «Пушка»: правда, не известно, влияло ли это на выбор продукции. Привлекательная реклама 30-х гг., украшавшая газетные полосы в тяжелейшие для страны годы, как и нескончаемые фотоснимки безмятежных, слащаво улыбающихся лиц, была призвана создать иллюзию благополучия: мол, советский гражданин красив, материально обеспечен и счастлив. Сказывалось распространение массовой культуры и развитие того, что философ Н. А. Бердяев называл «цивилизацией», которая возникает как следствие демократизации культуры и характеризуется, кроме всего прочего, пристальным вниманием к внешним и материальным сторонам жизни, моде и комфорту.

В воспоминаниях старожилов присутствуют сюжеты об использовании косметики и парфюмерии марки «ТЭЖЭ» (в 1936 г. в Новосибирске открылся специализированный магазин ленинградской фабрики «ТЭЖЭ», производившей духи, губные помады и пудру). Женщины, особенно имевшие достаточные на то средства — дамы из среды партийной элиты, представители советской интеллигенции, служащие, несомненно, стали покупать косметику. Однако трудно сказать наверняка, насколько популярны среди городского населения были шампуни и зубные пасты — косметические новинки 30-х гг. Во всяком случае, распространенная частушка: «На щеках «ТЭЖЭ», / На губах «ТЭЖЭ», / Целовать где же?» свидетельствует о некоторой непривычности в использовании горожанами и горожанками простых по сегодняшним меркам косметических средств.

Банный день в Новониколаевске-Новосибирске

В коммунальных условиях 20–30-х гг. чистота тела городского обывателя главным образом зависела от особенностей работы общественных бань. К моменту восстановления в Новониколаевске советской власти банный вопрос стоял крайне остро. «Выжившие» в годы революции и войны торговые бани Новониколаевска (частновладельческие, открытые для всеобщего посещения за плату) национализировали. 5 января 1920 г. они перешли в ведение городского коммунального хозяйства. Бане предпринимателя Шаappa на Семипалатинской улице присвоили номер 1, самой роскошной по дореволюционным меркам бане Федорова на Кабинетской улице — номер 2, небольшой баньке бывшего купца Князева на Стевенской улице — номер 3, бывшей «Московской» бане на Гудимовской улице — номер 4. Бань в городе стало значительно меньше, чем до революции. Они находились в аварийном состоянии и требовали пополнения банного инвентаря.

Зимой 1919–20 г. бани города преимущественно прекратили работу, что привело к массовому распространению педикулеза, создавшего благотворную почву для вспышки эпидемии тифа всех возможных форм. Горожане практически не имели возможности мыться и стирать одежду. В январе 1920 г. новониколаевская газета «Красное знамя» была вынуждена констатировать факт: «Бани не всегда добьешься, чистого белья не всегда достанешь...». Между тем, чрезвычайная комиссия по борьбе с тифом призвала горожан мыться чаще, менять нательное платье, ведь именно там «гнездится вошь» — «враг такой опасный, что смотреть на него сквозь пальцы не годится». Люди мерли от тифа, поэтому ситуацию с банями, которые простаивали без работы неделями из-за отсутствия дров и ремонта (или его имитации?), газета называла не иначе как «горем». Чека-тиф был вынужден обязать всех владельцев домашних бань

предоставить их для всеобщего пользования.

В условиях разрухи бани не могли предложить посетителям широкий выбор услуг. Горожане приходили в баню только для мытья и стирки. О приятном парении и традиционном субботнем отдыхе посетители бань и не мечтали. Парикмахерские и буфеты при банях не работали, прожарок вещей в целях дезинфекции не проводилось. Зато по воскресеньям бани дезинфицировали серой, за счет чего сокращалось время их работы. В 1921 г., когда улеглась эпидемия тифа, новониколаевских обывателей постигла новая напасть — невозможность добыть мыло, которое городские власти забронировали на случай новой вспышки эпидемии.

В начале 20-х гг. горожане привыкли к перебоям в работе бань. Хотя бывшая «Федоровская» баня оставалась лучшей и в условиях хозяйственной разрухи. Однако из 24 имевшихся в бане номеров работало только 14. Из-за эпидемии тифа в бане устраивали дезинфекции, которые отнимали много времени, пропускная способность ее снижалась. Это притом, что для гражданского населения баня работала только 1-2 дня в неделю. Она же обслуживала и военных по отдельному графику*, поскольку две гарнизонные бани Военного городка, обладавшие в лучшие времена высокой пропускной способностью — 300 человек в час, простаивали без топлива. По отдельному графику и в отдельных номерах мылись врачи, от здоровья и работоспособности которых зависели жизни тысяч новониколаевцев.

Баня № 3 работала в убыток по вполне понятным причинам. Посещать ее после обеда народ не хотел — печи не подтапливали, тепло и пар быстро заканчивались. Кроме того, у бани не было собственного колодца, а значит, и воды не хватало. Часы работы бани № 4 обычно сокращались из-за перемерзания труб, недостатка воды и сухих дров. В привокзальной бане, открытой специально для железнодорожников, был далеко не самый удобный график работы.

Женщины могли попасть в эту баню только в пятницу, а мужчины только в субботу. Население города прирастало, а бани работали очень плохо. Кое-кто мог пользоваться и домашними банями, но это касалось скорее состоятельных горожан. На периферийной улочке Бийский спуск только 23 домовладения из 386 имели баню. Кроме того, топка домашних бань осложнялась дровяным кризисом.

Мытье в банях Новониколаевска начала 1920-х гг., очевидно, не удовлетворяло потребности обывателя в чистоте. Сами они представляли собой полуразрушенные строения с ограниченными возможностями обслуживания. Однако интересно заметить, что при полной хозяйственной запущенности в бане на ул. Советской трудились банщики и банщицы, мывшие посетителей. А в штат служащих бани № 4 даже входила прачка.

В январе 1923 г. помывка в верхнем этаже бани стоила 100 руб., за помывку на нижнем этаже посетитель платил 80 руб., за такое удовольствие, как ванна, приходилось выкладывать четыре сотни. Дети до восьми лет, если они приходили с родителями, допускались к ванне совершенно бесплатно. Бывшая Федоровская баня была крайне перегружена, поэтому обыватели изыскивали возможность помыться в другом месте. Летом этот вопрос решался проще: можно было искупаться в реке и таким нехитрым способом удовлетворить свои гигиенические потребности. В середине 20-х гг. появилась и более «цивилизованная» альтернатива государственной бане — небольшие торговые баньки, принадлежавшие частным владельцам. Подобных заведений в городе возникло немало, однако их неудовлетворительное, а подчас и просто ужасное санитарное состояние отпугивало посетителей. Поэтому в холодное время года горожане были вынуждены выбирать государственные бани. Жители окраин ходили в бани пешком за 2-3 версты, теряя время и рискуя простыть, попадая на холод после банного жара. Кроме того, далеко не во всех районах города

работали бани. К примеру, в середине 20-х гг. в Ипподромском районе бани вовсе отсутствовали.

При всей плачевности состояния банного хозяйства в 1920 г. в городе заложили две новые бани. В августе 1925 г. «Советская Сибирь» сообщала о недостаточном финансировании и задержке в строительстве закаменской бани на Будаговской улице. Известно, что строилась новая баня и в 1926 г. Однако вскоре после открытия закаменской бани новосибирские газетчики оповестили население, что долгожданная баня работает в убыток. Баня работала 15 часов в сутки, четыре банных номера были извечно переполнены, особенно много желающих помыться толпилось в банном коридоре в субботний день, однако, по социальным соображениям, помывка в этой бане была самой дешевой в городе — всего 10 копеек против 30 в других банях. Получалось, что население Закаменки, гонясь за дешевизной, буквально атаковала баню, пропускавшую в день до 2280 человек, но затраты предприятия не окупались. Впрочем, этим проблемы закаменской бани не исчерпывались: зимой, разумеется, замерзли трубы, баня не работала, вызывая недовольство местных жителей, ждавших банного дня и узнававших из газет, что таковой отменяется. В 1927 г. на ул. Ядринцевской открылась новая баня со значительной пропускной способностью — до 500 человек в день. Достоинством бани было наличие душевых кабин, которые активно рекламировались в газетах.

Вообще же, в середине 1920-х гг. в банном хозяйстве появились и позитивные изменения. Однако многие забытые современными горожанами нюансы довоенного быта делали мытье в банях неудобным и небезопасным. К примеру, в бане на станции Новониколаевской горели керосиновые лампы, стекло на которых ежедневно накалялось и лопалось от попадавших на него брызг воды. Подобная ситуация была характерна и для лучшей бани города, бани № 2, где зимой 1925 г. возникали перебои с электрическим

светом. Случались и казусы, как, например, в разгар лета 1926 г., когда в женской бане на Андреевской площади, не выдерживая жары и духоты, работники заведения открывали настежь окна и дверь, и посетительницы невольно и неожиданно для себя демонстрировали прохожим красоту своих обнаженных тел.

В 1930-е гг. происходили некоторые изменения в области развития банного хозяйства Новосибирска и санитарно-гигиенической культуры горожан. Частновладельческие бани закрылись. Это обстоятельство усугубило ситуацию, однако число коммунальных бань постепенно прирастало. Еще в 1928 г. в Новосибирске образовался банно-прачечный трест как самостоятельная хозяйственная единица. В 1930-е гг. количество коммунальных бань колебалось от 3 до 7. Существовали и бани ведомственные, однако они не отличались внушительной пропускной способностью. К примеру, в 1932 г. в городе насчитывалось 14 ведомственных бань вместимостью чуть более чем 300 человек в день, что не превышало вместимости пары коммунальных бань. Использовались они только рабочими ведомственных предприятий. Лишь две бани из них — железнодорожная и баня Горздрава — время от времени обслуживали всех желающих. Притом, что бани работали по 20 часов в сутки, среднее число помывок на человека в год составляло 11,5 раз в банях ведомственных и 13,2 раза — в коммунальных. Среднестатистический горожанин мылся в городской бане раз в месяц. Особенно плохо обстояло дело на городских окраинах, где существовали только ведомственные бани, недоступные всему населению отдаленных районов.

Единовременная пропускная способность бань (относительно численности населения) в начале 30-х гг. снижалась, ведь количество горожан быстро увеличивалось. В 1936 г. бань насчитывалось 7 с общей пропускной способностью 861 человек в день. Это свидетельствовало о неко-

тором (весьма скромном) прогрессе банного хозяйства. Тем более что к 1935 г. в банях «улучшилось культурно-бытовое положение», а трест стал перевыполнять планы по пропускной способности. В эти годы в банях можно было не только помывться в лучших санитарных условиях, нежели прежде, но и принять ванну, пройти прожарку вещей, посидеть в буфете, посетить парикмахерскую. Разные бани предоставляли разный комплекс услуг. Рекламное объявление 1935 г. гласило: «Бани проводят индивидуальную и коллективную помывку, а также санобработку».

В банях 1930-х гг. сохранились общие отделения и появились номера разного уровня комфорта: с ваннами и без, обыкновенные и улучшенные. Мытье в номерах было в 10 раз дороже, чем в общих отделениях. Однако в новых небольших банях номеров не было вовсе. Кроме того, сохранялись большие очереди и толчея, поэтому выражение «банный день» имело буквальный смысл. Старожил Новосибирска Анна Самшутдинова вспоминает, что и в послевоенное время в городе бань было мало. «Мы ходили на улицу Коммунистическую. Народу там было очень много — сидели, выжидали свою очередь часами, выкрикивали номера по билетикам. Прежде чем попадешь в баню, надо было пройти прожарку вещей от вшей. Давали нам бумажку наподобие справки, что прошел прожарку». В 1931 г., согласно официальным подсчетам, коммунальные бани удовлетворяли около 25 % потребностей населения в помывках, а ведомственные смогли принять только 20% потенциальных посетителей.

Стоит учесть, что обыватели, проживавшие в разных районах города, не были в равной степени обеспечены банными услугами. С расширением городской черты Новосибирска на рубеже второго и третьего десятилетия XX в. слабо обеспечены банями оказались городские окраины. Домашние бани были далеко не у каждого жителя городской периферии, да и, как вспоминают старожилы,

часто топить свою баню было для многих дорого. Население Усть-Ини пользовалось коммунальными банями, вошедшими еще в 1928 г. в трест: баней № 3 (ул. Большевистская, 49) и баней № 7 на углу Большевистской и Никитина. Баня № 3 длительное время стояла закрытой, она начала вновь работать только в 1937 г. Здесь был буфет и парикмахерская, поэтому жители Усть-Ини могли воспользоваться этими услугами. В бане можно было принять ванну, посетить улучшенное мужское и женское отделения. Однако стоили такие удовольствия значительно дороже, чем обычная «помывка». Ближе к Усть-Ине находилась баня на ул. Никитина, где имелись обыкновенные, не особенно удобные общие мужские и женские отделения и дезокамера.

В строившемся на левом берегу Оби социалистическом городке при заводе «Сибкомбайн» также открыли баню, которую могли посещать недавние крестьяне Левобережья и прибывавшие на строительство завода рабочие. Однако, судя по справочникам, обеспеченность населения окраин банями была недостаточной, гораздо хуже, чем в центральной части Новосибирска.

В целом в предвоенное десятилетие банный вопрос оставался слабо решенным для горожан Новосибирска, тем более что к крупным проблемам, типа недостатка бань, постоянно добавлялись более мелкие неприятности: перегруженность водопроводной сети и перевод отдельных бань на использование местных водокачек; перебои с подачей горячей и холодной воды; износ банного инвентаря и т. п. Бывало и такое: в феврале 1937 г. «Советская Сибирь» писала, что в Ипподромской бане вместо веников дают метлы, так называемые «веники зимней заготовки». Пожалуй, выглядело это не менее комично, чем булгаковская «осетрина второй свежести».

Чубчик кучерявый

Посещение парикмахерской удовлетворяет не только гигиенические, но и эстетические потребности человека. В годы хозяйственной разрухи в Новониколаевске о гигиене и эстетике можно было говорить с большой натяжкой. В 1920 г. по инициативе Чека-тифа Горкомхоз закрыл все парикмахерские будки и «некоторые парикмахерские, не соответствовавшие правилам гигиены». На смену мелким частным парикмахерским в жилых кварталах и на базарах пришли три новых коммунальных парикмахерских. Безусловно, далеко не все горожане пользовались услугами парикмахерских, о чем свидетельствуют фотоисточники. Многие горожане предпочитали стричься дома, однако ряд фотографий начала 20-х годов позволяет предположить, что более или менее состоятельные горожане Новониколаевска делали модные прически в парикмахерских. Некоторые обыватели могли позволить себе вызов парикмахера на дом, что отражено в воспоминаниях старожилов города.

На смену старым, частновладельческим парикмахерским пришли новые, советские. В обязательном постановлении Губернского отдела здравоохранения о санитарном состоянии парикмахерских от 9 января 1920 г. предписывалось: устраивать парикмахерские в светлых и отапливаемых помещениях, состоящих не менее чем из двух комнат — приемной и для прислуги; оснащать приемные вешалками для верхней одежды и стульями, дезинфицировать инструменты, сметать и сжигать мусор через каждые 4 часа, мыть руки перед приемом каждого посетителя; строго запрещалось обслуживать одним и тем же бельем двух и более посетителей и носить грязные рабочие халаты.

Однако в городе, обитатели которого месяцами не посещали бань и не держали в руках мыла, массово страдали педикулезом и подчас не догадывались, что «есть средства от вшей и их надо применять», скромные, по современным

меркам, требования «обязательного постановления» не могли полноценно выполняться.

Заходя в новую парикмахерскую, обыватель попадал в помещение, обставленное реквизированными у частных владельцев мебелью и «туалетными вещами» и оборудованное инструментами соответствующего происхождения. Со своими парикмахерскими принадлежностями пришлось навеки проститься двенадцати бывшим частным парикмахерам. Людей, имевших парикмахерские принадлежности, вычисляли, даже если те не работали. К примеру, товарищ Ковальчук, живший на Михайловской, 78 имел такие инструменты, и в 1920 году, естественно, без ведома хозяина, Горкомхозом решалась судьба ножниц, бритв и прочего «инструмента», принадлежавшего Ковальчуку. Однако изъятых инструментов не хватало. Обыватель вряд ли мог рассчитывать на безупречную прическу, ведь почти весь инвентарь был фактически негоден, но его все равно использовали. Посетителя парикмахерской № 1 на Николаевском проспекте встречали мастера в грязных халатах и с неисправными инструментами в руках, усаживали на реквизированный стул, завешивали его плечи непростираным изъятым полотенцем, брили, стригли, причесывали, надушивали каким-нибудь «баргамотным» или лимонным маслом, пудрили каким-нибудь «Лебяжьим пухом»...

Посетители парикмахерской на Николаевском проспекте, 22 были вынуждены пользоваться услугами мастеров, которым катастрофически не хватало пригодных инструментов. Из семи пар ножниц годных было всего пять, из восьми бритв годились к использованию также только пять, машинка была единственной. На Межениновской, 1, в доме бывшего купца Казакова, открылась парикмахерская № 3. Однако ее посетители быстро лишились возможности пользоваться услугами нового заведения, располагавшегося в теснейшем помещении, требовавшем капитального ремонта.

Горожане жаловались на то, что парикмахеры были «больше заняты разговорами, чем публикой». В газете «Дело революции» в 1920 г. напечатали заметку, в которой говорилось, что парикмахеры, пренебрегая очередью в 10 человек, бросили работу и принялись стричь и брить друг друга, и лишь один из них занялся посетителями. В парикмахерских постоянно толпился народ, скапливались очереди, многие не выдерживали и раздраженно уходили ни с чем. Рискованно было отправляться в парикмахерскую ранним утром, надеясь успеть постричься и побриться до начала рабочего дня, поскольку существовала вероятность опоздать на работу, к концу же рабочего дня закрывались, соответственно, и парикмахерские.

С преодолением хозяйственной разрухи постепенно налаживалась и работа парикмахерских. Со временем их стало значительно больше, существенно улучшилась их оснащенность. В середине 20-х гг. открылись десятки небольших частновладельческих парикмахерских, которые считались доходным делом. Газетчики отмечали, что частные парикмахерские тесны и грязны. Случалось, что неосторожный парикмахер «подрезал ухо» клиенту и не мог оказать ему никакой помощи за неимением йода. Но, несмотря на возмущение обывателей, к середине 20-х гг. проблема «где постричься в Новониколаевске» утратила актуальность. Однако с окончанием нэпа частные парикмахерские, где «за три капли одеколona брали по четвертаку», устранили, парикмахерских вновь перестало хватать.

В 30-е годы в духе времени изменилась и ситуация с городскими парикмахерскими. В 1930 г. в городе насчитывалось только 8 парикмахерских, и лишь в 1935 г. их стало 26. По данным 1935 г., жители всех районов города уже могли посещать парикмахерские в своем районе. Преимущественно парикмахерские располагались в центре города. В Дзержинском районе существовало 16 парикмахерских, в Октябрьском — 9, зато на все Левобережье приходилось

только три парикмахерских, а на окраинный район Эйхе — пять. Парикмахерские устраивались в людных местах: в помещении вокзала, паровозного депо, в больших банях, при гостиницах. По окраинам парикмахерские устраивались в бараках рабочих городков.

Старожилы вспоминают, что парикмахерские 30-х гг. посещали все категории населения. Посетители неизменно сидели в очередях, которые отличались особенной длиной по выходным. На стрижку нужно было отводить целый день. В книге жалоб одна из горожанок написала: «Сидела в парикмахерской пять часов. Дошла до полного обалдения, и только когда я попросила жалобную книгу, парикмахер сказал, что пришла моя очередь стричься!» Другая, вполне предсказуемая для исследователя повседневности тех лет проблема парикмахерских — антисанитария. Брезгливый обыватель, усаживавшийся в грязное кресло, просил парикмахера продезинфицировать бритву спиртом и приходил в бешенство, когда парикмахер приступал к бритью его физиономии, цинично ответив, что спирт лучше выпить. Вместимость парикмахерских оставалась незначительной, но цена парикмахерских услуг была невысокой. Посетители могли попросить мастера сделать стрижку или завивку: паровую либо с помощью раскаленной на огне плойки. Модные завивки и стрижки 30-х гг. сегодня можно видеть на фотоснимках, где запечатлены горожане из среды простых рабочих и служащих.

С одной стороны, мыслящая материалистически советская власть 30-х гг. обещала народу СССР комфорт и «достойную», обеспеченную жизнь, понимая, что все-таки «тело — не часть человека, а весь человек», что «быть — это значит быть телесным». Телесный и физический комфорт составляет одну из наиболее фундаментальных и острых потребностей любого человека — это каждому понятно. Однако в стране пока не было достаточных средств на развитие медицины, аптечного дела, банного хозяйства,

поэтому они и не считались приоритетными сферами вложения финансов.

Удивительный вопрос: почему я водовоз?

Водопровода в городе не существовало вплоть до 1929 г. Источником водоснабжения Новониколаевска-Новосибирска являлась река Обь, ее притоки, а также подземные воды. До того как в городе был построен водопровод, водоснабжение осуществлялось подвозом воды, которая разливалась в специальные деревянные бочки и на лошадях доставлялась до домовладений, где продавалась ведрами. Горожане начала 1920-х гг. могли воспользоваться газетным объявлением следующего содержания: «Водовоз Ушаков доставит воду аккуратно и недорого».

По данным новониколаевского санэпидотдела, в тяжелом 1920 году суточное потребление воды новониколаевцами составляло в среднем четверть ведра. Это количество воды автор газетной заметки о потреблении воды в Новониколаевске мягко назвал «скромным», осведомляя читателя, что по санитарным нормам каждому горожанину необходимо от двух до двенадцати ведер чистой воды для питья, приготовления пищи, содержания в чистоте тела, жилища и белья. В середине 1923 г. на одного горожанина приходилось около ведра чистой питьевой воды в день. Воды не доставало потому, что горожане пользовались неисправными буровыми колодцами бывших частных сооружений, дающими воду в небольших количествах и не постоянно. В середине 20-х водокачки работали только в половине мощности, а закаменская водокачка не работала вовсе. Плохим качеством отличалась вода в Военном городке, поступавшая к жителям из реки Каменки, недостаточно очищенной слабыми фильтрами местной водокачки. Летом 1924 г. водокачка в военном городке работала по крайне неудобному графику: военные, их

домочадцы и прочие жители городка могли набрать воду только лишь с 6 до 10 утра, либо с 16 до 20 часов. Красноармейцы возмущались, что утолять жажду приходится «по расписанию», что не у всех есть баки для хранения воды, что не все успевают в назначенные часы подойти к водокачке, что без воды не справиться с бытовыми возгораниями, но подобный график работы водокачки оставался длительное время неизменным. По данным 1926 г., в городе имелось 12 водокачек, которые подавали около 35 тыс. ведер воды в сутки. На одного горожанина приходилось всего около трети ведра воды в сутки, что было в три раза меньше «голодной нормы». В начале 20-х гг. за воду нужно было платить, а в условиях хозяйственной разрухи многие горожане не имели достаточных средств и экономили буквально на всем.

В середине 20-х гг., когда быт горожан в целом стал налаживаться, водоснабжение оставалось крайне болезненным вопросом. Особенно из-за недостатка воды страдали жители окраин. Водовозы городского коммунального хозяйства не желали везти воду на окраины и постоянно норовили объехать их стороной. Жители окраины Вокзальной части города ходили за полторы версты к ближайшей водокачке и выстаивали там длинную очередь. Жители Красной Горки, не дожидаясь водовоза, который приезжал 1-2 раза в месяц, обычно шли за водой к грязной речке Второй Ельцовке, вследствие чего нередко заражались инфекционными болезнями. На Закаменской окраине зимой 1926 г. единственная водокачка ни дня не работала. Приезжавший туда водовоз брал по 5 коп. за ведро, поэтому далеко не все закаменцы пользовались его услугами, многие пили грязную воду, в частности, из талого снега. Закаменцы приспособились брать воду из источника возле сада «Строитель», где зимой и летом за минуту можно было наполнить ведро. Но, безусловно, этот источник не мог удовлетворить нужды целого городского района.

Естественно, обыватели берегли чистую воду и в бытовых целях использовали, как правило, воду речную. Скотину и домашних птиц поили речной водой, речной водой мыли полы, полоскали белье на реке. Это было не только не гигиенично, но даже и опасно. Старожил Новосибирска Н. Ф. Беляева вспоминает трагический случай, произошедший во время полоскания белья на реке. Зимой 1923 г. беременная мать мемуаристки поскользнулась на льду, когда полоскала белье в проруби, упала на живот и вскоре родила мертвого младенца. На протяжении 20-х гг. водоснабжение города развивалось только за счет строительства водокачек и увеличения числа водозковок, что не решало радикально проблем водоснабжения и не освобождало горожан от экономного обращения с водой. Некоторые горожане решали вопрос водоснабжения, копая колодцы на своих усадьбах, однако далеко не у всех были колодцы.

Городские власти Новониколаевска хлопотали о создании водопровода еще с 1910 г. Отсутствие водопровода приводило к использованию для питья грязной воды и распространению инфекций (летом 1910 г. вспыхнула эпидемия холеры). Страшный пожар 1909 г. имел такие серьезные масштабы из-за того, что город не располагал достаточным количеством воды для его тушения. Однако Кабинет Его Величества отказал финансировать строительство водопровода по причине большой задолженности Новониколаевска казне. Таким образом, водопровод пришел в город только в 1927 г. К 1928 г. построили всего 33 км водопровода и подготовили к подаче воды 49 домовладений. Водопровод начал работу в 1929 г., тогда подключили к системе водоснабжения 109 домовладений в центральной части города. Писатель Илья Лавров так запомнил день, когда «дали воду»: «Мальчишки, девчонки, женщины выбегали изо всех калиток, гремели ведрами, коромыслами, перекликались. Бежал и я, махая

синим крашеным ведром... Сразу же вытянулась веселая, шумная очередь. Внизу окна был лоточек. Выдвинется он, положишь в него талон, лоточек юркнет обратно, а ты только поспевай, суй ведро под трубу. Струя, прозрачная, студеная, как хватит — только ведро зашатается, запоеет».

В 1932 г. к водопроводной сети было присоединено 355 домов. Потребление населением окраин чистой воды для питья являлось затруднительным и недостаточным. Водопровод изначально обслуживал только Центральный, Вокзальный, Октябрьский, частично Ипподромский и Ельцовский районы города. Водопровод был перегружен. Поэтому в городе продолжали работать водовозы. Люди, занимавшиеся этим промыслом, не были обрадованы строительством водопровода, ведь они теряли работу. В этой связи в 30-е гг. существовала даже конкуренция между водовозами и централизованным водоснабжением горожан. Некоторые горожане пользовались колодезной водой. Шла в ход и речная вода, которой поили домашних животных и которую использовали в бытовых целях. На левом берегу Оби функционировал временный водопровод, который не удовлетворял в полной мере потребностям населения. В 1935 г. в Москве в рамках генеральной планировки города Новосибирска утвердили проект строительства большого водопровода. В 1939 г. начали строить постоянную левобережную систему водоснабжения.

Трудно сказать наверняка, сколько литров воды в среднем потреблял новосибирский обыватель в начале 1930-х гг. Источники дают разные цифры. По одной версии, в Новосибирске 1932 г. на одного жителя приходилось в среднем уже 28,8 л воды в сутки. Другой источник того же года свидетельствует, что водопроводная вода распределялась неравномерно по разным районам города: на 1 человека в сутки в Центральном районе приходилось 16 л воды, а в Усть-Ине — 0,4 л. Даже по дореволюцион-

ным меркам этого количества воды было недостаточно: считалось, что человеку необходимо 5-7 ведер воды в сутки. Если доверять второй версии, напрашивается вывод, что водопроводной воды многим новосибирцам (а именно, жителям окраин) хватало, как правило, только для питья и приготовления пищи. Однако по санитарным меркам и для приготовления пищи, и для бытовых целей вода должна быть одинаково чистой и безвредной. Есть основания полагать, что первая версия содержит завышенные цифры, поскольку это данные отправлявшегося в столицу официального отчета ЖКХ по выполнению второго пятилетнего плана, цифры же второй версии взяты из местного экономического справочника по городу и району.

От недостатка воды зачастую страдали огородники, особенно с городских окраин, которым была практически недоступна водопроводная вода. Огород требует полива. Для этих целей традиционно использовалась живительная влага местных водоемов, которые не всегда находились рядом с огородами. Когда в Усть-Ине появилась колонка, показалось, что проблему полива можно считать решенной, однако набрать бочку воды на инюшенской колонке в дневное время не представлялось возможным: напор воды был крайне слабым. Огородникам приходилось ночью ходить за водой, набирать ее в бочки и доставлять на свои участки. Поливка грядок становилась обыденным ночным занятием.

Фильдекосовые чулки, буденовка и доха из суслика

осле революции и гражданской войны новониколаевцы одевались чаще всего бедно. Горожане преимущественно донашивали дореволюционную одежду, шили в домашних условиях незамысловатые обновки, перешивали-перелицовывали старое, старались получить любую одежду через систему распределения.

В рассказе сибирского писателя В. Зазубрина «Общежитие» колоритно описан быт ответственных совработников, «коммунистической верхушки губернского города». Действие рассказа происходит в общежитии сотрудников Губисполкома на углу Коммунистической и Октябрьской улиц Центральной части Новосибирска в 1922 году. Описание одежды героев рассказа отражает реалии того времени. В общежитии теснятся люди, занимающие разные должности и имеющие разное материальное благосостояние. Вениамин Скурихин — завхоз Губисполкома, человек образованный (учился в духовной семинарии) и чистоплотный, носит новый, наглаженный коричневый френч, черные галифе и начищенные сапоги, на носу Скурихина «блестит золотое пенсне». Спит Скурихин в тиковых полосатых кальсонах. Однако хорошо одетый Скурихин, которому каждое утро подают лошадь к подъезду, носит штопаные чулки. Это вскользь упомянутое обстоятельство свидетельствует о том, что даже партийное начальство 20-х гг. едва могло обеспечить себе безупречный гардероб.

Врач Зильберштейн одет, как дореволюционный интеллигент, в строгий костюм, широкополую шляпу, длинное пальто и сапоги. Зинаида Спинек — завзагсом, самостоятельная и одинокая женщина, имеющая домработницу и играющая на досуге на пианино, — на службу надевает синее платье с глухим высоким воротником, гостей прини-

мает в свободном пестреньком платьице с открытой шеей, на свидание отправляется в белом платье с широкими короткими рукавами или платье «синем, новом». Спинек пудрится, красит губы и подводит синим карандашом глаза. Эта героиня рассказа по меркам периода хозяйственной разрухи одевалась шикарно.

Вымышленная героиня рассказа Владимира Зазубрина — не единственная модница начала 20-х. Это доказывают, в частности, фотоисточники. К примеру, на новониколаевском снимке 1921 г. изображена молодая горожанка Зинаида Гулякова, одетая в хорошее темное пальто и элегантную шляпку. Костюм украшен красивым воротником из белого меха и пушистой муфтой. Однако модницу «разоблачает» дата съемки — 28 апреля, слишком теплое время года для такого наряда. Вероятно, специально для фотографирования девушка надела «все лучшее сразу», пренебрегая погодой. Хотя на другом снимке той же поры девушка одета в красивое темное платье с ажурным лифом, соответствующим дореволюционной моде, и длинные бусы, а это наводит на мысль, что многие более или менее интеллигентные новониколаевцы (известно, что сестра Зинаиды Наталья Гулякова была художницей) в начале 20-х гг. хотя и не имели возможности щеголять в новых нарядах, все-таки не дошли до состояния полного «оборванства». Художественный снимок Натальи Гуляковой в кругу подруг подтверждает эту мысль. Мы видим на этом групповом портрете и нарядную блузу из легкой ткани с мелкими частыми пуговками и бантом у воротника, и кружевную белую сорочку, которая просвечивает сквозь тонкую блузу, и темное клетчатое платье с глухим воротом и элегантным маленьким галстуком, и белоснежные воротнички.

Многие из тех, кто были обеспеченными людьми до 1917 г., за время революции и гражданской войны сильно обносились. К примеру, жена полковника Степанова

тяжело заболела зимой 1920 г. тифом и была отправлена на лечение в Губздрав. Женщина, привыкшая к достатку и хорошим условиям жизни, из-за болезни не могла даже запереть за собой дверь. Красноармейцы обнаружили открытую квартиру, где в полнейшем беспорядке находились некогда роскошные, но по большей части обветшавшие вещи — напоминание о прежнем благополучии и свидетельство сегодняшнего жалкого положения их владелицы. Из одежды у жены полковника сохранились: две полотняные кофты, старое вечернее платье, синий сюртук супруга, два пояса, шарф, белая бурка, две пары сапог, две пары старых калош, старые кальсоны, шелковый платок, нижняя юбка, пара лифчиков, старая шинель, детская панама, цветная кофта, пять портянок, корсет, полуботинки, пара старых мужских башмаков, муфта, два фартука, фуфайка, нательная рубаша, жакетка, старое красное пальто и еще кое-какая мелочь. Неизвестно, осталась ли в живых гражданка Степанова и понадобилась ли ей старая одежда, временно помещенная в вещевой цейхгауз.

Но вернемся к героям рассказа В. Зазубрина «Общежитие». Вишняков — лектор губпартшколы, как многие бывшие красноармейцы начала 20-х гг., донашивает военную шинель, потертый английский френч, тяжелые военные сапоги. К концу 20-х элементы красноармейской формы, точнее, ее изношенные остатки, обнаруживаются в одежде беспризорников и нищих. На снимке 1929 г. изображен беспризорник, чье одеяние составляют рваные в клочья ватные штаны, такого же вида телогрейка и ветхая буденовка. Но для начала 20-х поношенная красноармейская одежда вполне прилична и даже респектабельна. Коллега Вишнякова Петя Русаков одевается и обувается аналогично. Жена Вишнякова носит широкий капот. Она сама кроит своим малолетним сыновьям рубашки.

В начале 20-х гг. в условиях массового обнищания на базарах можно было купить не только элементы уста-

ревших туалетов, но и хорошие дорогие вещи, которые некогда состоятельные люди были вынуждены продавать. В 1920 г. газета «Красное знамя» рассказывала: «На барахолках много «торговцев новой формации». Это — безумные беглецы с Волги, Камы, из Омска и пр. Почему они попали на положение торговцев? Очень просто, буржуи в Новониколаевске прожились, что называется, в пух и прах и теперь, переживая страшную нужду, продают на барахолке остатки своего бывшего величия: золотые кольца, теплые дорогие шубы, саки, бриллианты и прочие буржуазные затеи и прихоти». Новониколаевскую барахолку газетчики окрестили в 1920 г. «Сухаревкой» (по ассоциации с известной московской толкучкой), рассказывая, что, несмотря на голод и массовое обнищание, барахолка вовсю процветает: растет ее территория и ассортимент товаров. Новониколаевцы могли купить там «что угодно» (конечно, в пределах фантазии городского обывателя 1920 г., лицезревшего полнейшую разруху): подошвенные кожи, подметки, сапоги, туфли, шубы... Но уплатить за эти товары пришлось бы не менее фантастическую сумму, которой не мог, по мнению газетчиков, располагать простой советский рабочий и служащий. На барахолке толпились «спекулянты, кулачки, бывшие барыньки» и прочий, по выражению газетчиков, «сброд», благодаря которому торговля велась весьма бойко, несмотря на рост цен.

В начале 20-х гг. не только толкучка и барахолка могли стать источником пополнения гардероба. Горожанин мог получить вещи путем бесплатного снабжения, если его признавали нуждающимся в одежде. В начале 20-х гг. горожане снабжались одеждой в счет жалования на предприятиях. К примеру, сотрудники «Губторга» получали в 1922 г. полушубки, пимы, шапки, рукавицы, ватные тужурки, овчины и сапожный товар. Но одежды постоянно не хватало. В январе 1921 г. отделом социального обеспечения была прекращена выдача нуждавшимся обы-

вателям «натуры» (белья, одежды и обуви) за истощением запасов «натуры».

«Дело революции» восклицало в конце 1920 г.: «Зима! Рабочие и работницы Новониколаевска в большинстве своем разуты и раздеты!» Власти не могли изыскать средств на обеспечение людей производственной одеждой и теплыми вещами. В начале 1921 г. рабочим выдавали гимнастерки, брюки, белье, ткани, нитки, кожаную обувь, шапки, валенки, рукавицы, лапти, но удовлетворяли потребности рабочих в одежде не более чем на 20 %, и запасы одежды истощались. Легкая промышленность в Новониколаевске и Новониколаевском районе едва теплилась: шерсть в пимокатные мастерские поставляли с перебоями, готовые валенки шли по большей части на нужды армии, в шубных мастерских не хватало портных и швейных машин.

Неожиданные находки «бесхозной» одежды, брошенной эмигрантами и сторонниками колчаковской армии, а также оставшейся после гибели состоятельных горожан, называли «кладами» и быстро делили. К примеру, в декабре 1920 г. на Михайловской, 27 подобный «клад» из десяти ящичков «бесхозных вещей» дорогого белья, платьев и другой одежды на сотни миллионов рублей нашли начальник уездной милиции и его помощник. Вещи обещали раздать нуждавшимся трудящимся.

Однако кое-кого из новониколаевских служащих прямо-таки обурежала возможность «хапнуть». «Хапнули» — именно под таким заголовком была опубликована обличительная статья в «Деле революции» на исходе 1920 г. Автор статьи с возмущением рассказывал, как центральная власть разрешила сотрудникам «Трамота», нуждающимся в теплых вещах, выдачу «невоенного, бесхозного имущества». Выдача вещей производилась не «нуждавшимся», а «близко стоявшим к кормилу правления Трамота», которые присвоили от 10 до 65 вещей. Заведующий Райтрамота получил демисезонное пальто, енотовую шубу, мужской

костюм, шляпу-панаму, мужские ботинки и сапоги, дамские ботинки, шаль, детские ботинки, пальто дамское на лисьем меху с каракулевым воротником и прочее вплоть до перчаток. Хорошие теплые вещи «перепали» также и людям, не имевшим прямого отношения к «Трамоту», но имевшим личные связи с его сотрудниками. Однако некоторые «нуждающиеся» все-таки получили кое-какую одежду: брюки, сапоги, рубахи, кальсоны, фуфайки. Отдельным «нуждавшимся» вовсе не повезло: им вместо одежды выдали ведра и сечки. «Негодяи» торопились до ревизии успеть поделить оставшиеся запасы тканей, теплых шалей, мужских ботинок, дамской обуви и чулок, но ревизия подоспела раньше, чем закончился противоправный дележ «бесхозных вещей».

О том, до какой степени не хватало одежды, в том числе и рабочей, свидетельствует один из заурядных для тех лет случай, произошедший в рядовой новониколаевской бане. Кочегару, вчерашнему красноармейцу, заведующий баней выдал для работы верхонки. Кочегар в тот же день их коварно похитил, что привело к скандалу с длительными разбирательствами, написанием докладных и чуть было не стоило кочегару места работы. На улицах часто воровали сушившееся белье. В милицию нередко приходили с заявлениями о похищении штанов, рукавиц, шапок и прочей поношенной одежды. Крали любую пригодную для носки одежду, а пойманных воров жестоко наказывали: работник крал у нанявшей его женщины старые вещи и вероломно скрывался от милиции, зная, что ему грозит суровое наказание. Известен случай, когда за кражу пары пимов вора осудили на пять лет лишения свободы. В начале 20-х гг. за новые валенки и хороший тулуп владельца этих вещей могли даже убить, о чем свидетельствует местная пресса. О находке на Болдыревской улице женского ботинка сообщалось в газете как о ценной вещи, словно был найден не ботинок, а кошелек с большими деньгами.

«Толкучка», барахолка и магазин Новониколаевска времен нэпа

В середине 20-х кое-какой ассортимент одежды и обуви выставлялся на выбор покупателей на рынках города. Однако по данным 1926 г., этот выбор был крайне скудным. На рынках города стабильно торговали тканями: ситцем, бязью, льном, сукном; обувью: ботинками, галошами, яловыми сапогами. Популярностью пользовались ботинки марки «Скороход». Базарные торговцы, уговаривая покупателей на приобретение таких ботинок, говорили, что качество их товара отменное, что «как и в царские времена, сносу не будет». Дореволюционные вещи все еще считались эталоном хорошего качества по сравнению с современными, дурно пошитыми в кустарных условиях. Появлялись на рынке овчинные шубы, женские ботинки, носки, которые дорого стоили — 45 коп. за пару против 7,5 коп. за 1 кг ржаного хлеба. Вообще на базаре могло появиться что угодно и когда угодно. В конце марта 1925 г. в магазине «Губторга» № 2 неизвестными было похищено 29 шелковых галстуков. Часть этих галстуков милиционеры обнаружили у базарного торговца, который, скрывшись, избежал ареста.

На новониколаевской барахолке середины 1920-х гг. можно было встретить самые неожиданные вещи: от старой потрепанной шляпы до бриллиантов. Скупщики старья предлагали широкий ассортимент товаров из остатков дореволюционной роскоши: корсет, пестрые галстуки, жилет от фрака, запонки и пр. Здесь можно было встретить бедного старика, таскавшего на палке пару поношенных ботинок или бывшую «барыньку», стоявшую на жаре в предназначенной на продажу хорьковой шубе.

За одеждой и тканями горожане приходили не только на рынки, но и в магазины. В первой половине 20-х гг. в Новониколаевске возродились специализированные магазины одежды («готового платья») и обувные магазины,

к примеру «Слава» на Красном проспекте, где горожанин мог купить изящную замшевую и цветную дамскую обувь, детские туфельки и резиновые галоши. Магазин «Слава» устраивал даже распродажи, где покупатели получали возможность приобрести дешевле бракованную или залежавшуюся на прилавках обувь. А в магазине «Сибдальвнешторга» на углу Красного проспекта и улицы Спартак, как свидетельствует реклама, продавали шевровые и хромовые сапоги. Однако в магазинах «Губторга» в первой половине 20-х гг. не пользовались особенным спросом разные виды дорогих тканей, модные галантерейные товары и модная дорогая обувь по причине высоких цен на эти товары. Новониколаевцы плохо раскупали даже галоши. Несомненно, обедневшие в годы войны горожане мечтали о многих товарах, выставившихся в центральных магазинах города, среди которых были и перчатки, и носки, и фильдекосовые чулки — истинная примета времени, объект вожделенного любования героинь скандального романа Льва Гумилевского «Игра в любовь», вышедшего в 1927 г.

В первой половине 20-х гг. более состоятельные горожане могли позволить себе купить предметы «средней роскоши»: дамское белье с вышивкой, «галстухи», воротнички, лайковые и замшевые перчатки. В списке «роскошных» товаров значились платья, шелковые отрезы, вышитые батистом и шелковые перчатки. В то время как основная масса горожан донашивала старую обувь, на прилавках центральных магазинов выставляли ажурные туфли, туфли «лодочки», гетры и полугетры, хромовые сапоги и сапоги шевро. Однако покупали подобные вещи редко. Приобретению дорогой «готовой» обуви всегда была альтернатива — покупка заготовок для самостоятельного обувного пошива: каблуков, задников, стелек, голенищ, подошв, передов и сапожных ушек. Самостоятельно мастерили обувь не только новониколаевцы. В воспоминаниях

белорусского скульптора Ольги Дедок, посвященных годам юности, которая пришлось на начало 20-х гг., читаем о процессе изготовления туфель: «Туфли шили сами. Подметку плели из веревок. Каблуки покупали деревянные, оклеивали крестьянским холстом (из него же и заготовки), снизу подбивали кожицей. Белили мелом. Вокруг ноги переплетали ленточкой. Получались изящные ножки. Были еще босоножки — из доски подметка (на сгибе распилена и соединена кожей, сверху ремешки). Они очень стучали по тротуару...»

Готовую одежду и обувь вообще покупали сравнительно редко. Обратимся к примеру с валенками — самым ходовым товаром для начала зимы. 13 ноября 1922 г. центральный магазин «Губторга» продал только 3 пары пимов, 14 ноября — 10 пар, 15 ноября — 7 пар, 16 ноября — 7 пар, 17 ноября — 11 пар, 18 ноября — 1 пару, 19 ноября — 2 пары, 21 ноября — 1 пару. Если новониколаевцы редко покупали ходовые товары, то что говорить о товарах дорогих. Из отчета о товарообороте Центрального магазина «Губторга» узнаем, что в том ноябре-декабре 1922 г. обыватели покупали простые женские чулки (черные и белые) три раза, а чулки детские — один раз, однажды кто-то купил пуховые чулки по баснословной цене — 3750 руб. Если соотнести эту цифру с зарплатой кассирши, трудившейся в данном магазине, получается, что за подобные чулки она заплатила бы более пятой части своей зарплаты. Кроме того, тогда же горожане купили одни брезентовые брюки, простую рубашку, вязанные и пуховые перчатки, платки, рукавицы; три раза покупали галоши, ночные рубашки; как-то в магазине продали брезентовую тужурку; четыре раза за два месяца горожане покупали подтяжки. Под Новый год 30 декабря в магазине произошло событие — некто купил мужской костюм за 33 500 руб.! На такой костюм заведующий центральным магазином «Губторга» должен был работать целый месяц, а приказчик —

почти два месяца. Существовала альтернатива покупке костюма — пиджак, который стоил 25 000 руб. Однако за два месяца с ноября по январь 1922 г. пиджак в Центральном магазине губернского города Новониколаевска так никто и не купил. Не покупали и новых шуб, которые стоили слишком дорого — 60 000 руб.

Плановая экономика подчас негативно отражалась на снабжении горожан даже самой незамысловатой одеждой и обувью. К примеру, в апреле 1926 г., когда улицы покрылись весенней грязью и лужами, в Новониколаевске было трудно купить галоши. Спрос на этот товар удовлетворялся лишь на 50–60 %, поскольку значительные партии галош были отправлены на Украину, где весна началась непредвиденно рано.

Горожане постоянно покупали ткани: полотно, сукно, ситец, холст, сатин, миткаль, батист, бязь, газ. Но все эти ткани также недешево стоили. Горожане, которым подобные покупки были по карману, могли обратиться для пошива обновки в ателье. К примеру, «Швейпром» принимал заказы на мужское и дамское верхнее платье, которое изготовлялось, если верить рекламе, под наблюдением опытных и ответственных закройщиков. В период расцвета нэпа в городе существовала даже мастерская дамских шляп. В годы нэпа в Новониколаевске существовало немало небольших частных ателье. Но горожане использовали для пошива одежды и куда менее «изысканные» ткани: грубые самотканые материалы, марлю, даже мешковину. В воспоминаниях старожила нашего города А. Н. Андоньевой описан сюжет из жизни в прислугах у мелкого новониколаевского торговца в начале 20-х гг., когда хозяйка сшила девочке «платье»: «Вырезала в мешке горловину, стачала плечи, обметала их и преподнесла мне «платье» как великий дар. А когда стало совсем холодно, выдала мне лапти, сплетенные из веревки». Мемуаристка вспоминает, что это платье она носила не только дома, в

нем же ходила в школу и продавала молоко на железнодорожной станции.

В период нэпа, когда вопрос с одеждой решался легче, чем в годы разрухи, горожане не переставали воровать одежду, даже недорогую и обыкновенную. Любопытный случай произошел в самой близкой к городу деревне Усть-Иня, через которую ежедневно проходили городские жители, раздражавшие своим появлением крестьян. Обыватель Власов с друзьями имели в сентябре 1927 г. неосторожность мимоходом сорвать на деревенской бахче несколько огурцов. Это вызвало гнев огородника Овчаренко, караулившего в кустах с обрезом. Он не только отнял огурцы у воров, но и, угрожая обрезом, отобрал у Власова хромовые сапоги, новые штаны и фуражку. Хромовые сапоги считались шиком. Разозлившийся сторож не устоял перед соблазном отнять у провинившегося новые модные вещи.

Приобрести одежду можно было не только в магазине или на базаре. Имело смысл просматривать газетные объявления. Время от времени в газетах появлялись объявления, в которых предлагалось купить с рук хорошую ношеную одежду: женскую доху, мужскую шубу на хорьковом меху, бобровую шапку, френч, енотовый тулуп, дамскую лисью шубку, мужское пальто с собольим воротником и прочее.

В 1927 г. газеты призывали, указывая нужный размер, выписывать по почте из Москвы пальто — мужские и женские. При этом даже образцов моделей в газете не было представлено. Купить такое пальто было рискованно, но, вероятно, кого-нибудь из горожан могло заинтересовать подобное предложение «кота в мешке».

Во второй половине 20-х гг. в городе существовали магазины, торговавшие исключительно одеждой и обувью, а также универсальные магазины — к примеру, магазины торговой сети «Акорт». В магазине № 4 горожане приобретали кожи, обувь и шубы, в магазине № 7 — мануфактур-

ные и галантерейные товары. Стоит заметить, что специализированных магазинов, торговавших одеждой, было гораздо меньше, чем универсальных. С началом нэпа многие горожане стали лучше одеваться, для этого появилось больше возможностей. Безусловно, эта тенденция касалась далеко не всех слоев населения города Новониколаевска-Новосибирска. Однако фотоисточники запечатлели городских модников второй половины 20-х гг. На фото из фондов Новосибирского областного краеведческого музея — чета служащих: молодая женщина в новом пальто с расклешенными рукавами, манжеты которых оторочены мехом; из-под маленькой шляпки видны мелкие кудри, ноги дамы украшают светлые чулки и высокие сапоги; мужчина одет в короткое пальто с английским воротом, из-под пальто виднеется белая сорочка с бабочкой, на мужчине светлые узкие брюки, светлая шляпа, светлые перчатки и светлые же ботинки. Другое фото демонстрирует наряд хорошо одетого ребенка — Валентина Сиряченко, 1923 г. рождения, на котором пестрый вязаный костюм и такая же шапочка. Его ровесник Вука Прохоров красуется на снимке 1927 г. в клетчатой блузе с крупными пуговицами, серых шортах, чулках, собравшихся гармошкой на коленях, и вполне приличных ботинках. Конечно, такие наряды не могли позволить себе и своим детям рабочие, число которых все прибывало. Видимо, на этих снимках — нэпманы или горожане из среды партийного начальства. По данным историка С. В. Шейхетова, в 1923 г. в Новониколаевске проживало 907 нэпманов, что составляло 11 % городского населения, а это значит, что в городе проживало значительное количество людей, которые могли позволить себе дорогую, качественную одежду. Как известно, нэпманы не скупались на хорошее платье, которое помогало поддерживать о себе хорошее мнение в деловых кругах.

Неизменным оставался стиль одежды интеллигенции. Врачи, судя по фотографиям, на протяжении всего описы-

ваемого периода носили строгие костюмы, белые сорочки и галстуки. Соответственно одевались учителя и преподаватели, работники книжной торговли, счетоводы и другие представители интеллигенции. Интеллигентные женщины второй половины 20-х гг. одевались далеко не всегда модно и красиво, как, скажем, художница Наталья Гулякова, запечатленная на фото второй половины 20-х в светлом платье из тонкой ткани в розочку. Рядовая учительница, счетовод, врач носили темные платья с бантом, брошечкой или вязанным белым воротничком. Мужчины продолжали носить гимнастерки. Многие слушатели политшколы первой ступени на снимке 1929 г. одеты в гимнастерки, некоторые запечатлены в крестьянских косоворотках. Надо отметить, что черты крестьянского костюма были характерны для многих слоев городского населения 20–30-х гг., в первую очередь, для жителей городских окраин и недавних выходцев из села.

Места, где горожане могли купить одежду в 30-х гг., несколько изменились. Государство стремительно устраняло частную торговлю, поэтому число таких магазинов сокращалось. Исчезали мелкие магазинчики, лавочки и торговые палатки на базарах. В первой половине 30-х гг. в городе еще работали магазины акционерной сети «Акорт» и «Сибторг», функционировали магазины Центральной рабочей кооперации, которые подчинялись государству и фактически становились частью государственной торговой сети. В начале 30-х гг. кооперативные торговые предприятия в плановом порядке снабжали бюджетные и производственные организации дефицитной одеждой, коей могли оказаться даже обычные валенки. Получалось, что лишь рабочие и служащие государственных учреждений могли рассчитывать на стопроцентное получение теплой обуви к зиме, в то время как лица, принадлежавшие к категории «лишенцев», и крестьяне, приезжавшие в город за покупками, понимали: лучше пойти на «барахолку», где

больше шансов купить нужную одежду и обувь, пусть и втридорога. На новосибирской «барахолке» 30-х гг. выставляли продукцию собственного производства местные кустари и представители ремесленных мастерских, которые в 1935 г. лишились права изготавливать и продавать одежду, головные уборы и обувь. Предполагалось, что на вещевом рынке горожане могут сбывать собственные ненужные, поношенные вещи. Однако в конце 1930-х гг. на барахолках была разрешена торговля новыми вещами. Естественно, вещевой рынок являлся местом скопления спекулянтов, которые выдавали себя за людей, торгующих по случаю, либо кустарей, продающих товары собственного производства. Именно у спекулянтов всегда можно было купить необходимые вещи.

В поисках подходящей одежды и обуви было целесообразно посетить комиссионные магазины, ассортимент которых являлся гораздо более широким, чем после войны. Имея целью купить какую-либо часть туалета, нелишним в те годы было просмотреть газетные объявления о продаже вещей с рук. В беспокойное третье десятилетие XX в. горожане, случалось, срочно распродавали дорогую качественную одежду; впрочем, не только одежду. В список вещей на продажу включались самовары, ковры, кресла, венские стулья, рояли и многое другое — стремились их хозяева успеть распродать «добро» до государственной конфискации имущества или срочно уезжали, история умалчивает. Но даже в 1932 г., в период снабжения по карточкам, газетные объявления гласили о продаже дамского плюшевого пальто с воротником и манжетами из выдры, дохи из суслика, черной жеребковой дошки, илькового воротника и прочих экстравагантных вещей.

В 1932 г. на страницах местных газет появляется реклама «Торгсина» — магазина сети торговли с иностранцами, где могли сделать покупки и советские граждане, однако только за валюту или драгоценные металлы. Конечно, доступ горо-

жанам в «Торгсин» был ограничен — далеко не все располагали валютой и золотом, однако ассортимент одежды и обуви, выставившейся на прилавках «Торгсина», потрясал воображение среднестатистического новосибирца. Были в городе и другие государственные коммерческие магазины, отпускавшие товары за обычные советские рубли, но по завышенной цене. Наконец, если купить необходимые вещи не удавалось, оставалась последняя возможность — сшить самостоятельно или заказать в ателье. Домашнее шитье одежды было очень распространено в 30-е гг.

Галош нет даже по талонам

В стране закончился нэп, и в повседневную жизнь горожан вернулась карточная система распределения одежды, а вместе с ней и проблема дефицита. Почуввав близость новых социально-экономических потрясений, горожане стремились сберечь «на черный день» даже откровенное рваньё. Пресса призывала сдавать утильсырьё, а какая-нибудь тетка Матрена жалела 4 пары «отказавшихся служить пимов», три дырявые шерстяные шали, 7 пар старых галош и ботишков и еще 5 кг разного тряпья. В газетах вновь стали появляться объявления, в которых содержалась просьба вернуть за вознаграждение, скажем, серую дамскую туфлю, утерянную в новогодний вечер гражданкой Михалевской по дороге в театр. Серая замшевая туфелька для тех лет — почти хрустальный башмачок, Михалевской было о чем тужить. А некий гражданин просил вернуть за вознаграждение утерянную кожаную перчатку — очень дорогую, дефицитную вещь. Это легко объяснить. В 1930 г. готовое платье и обувь приобреталась по членским книжкам Центральной Рабочей Кооперации и заборным карточкам «Акорта», да и то в очередь. Горожане по-прежнему покупали в магазинах города и на «барахолках» преимущественно ткани и самую простую обувь, да и та часто оказывалась недоступной.

В тяжелом для страны тридцатом году плохо было все: деревенских родственников раскулачивали, продукты тяжело было достать даже по карточкам, попасть на прием к врачу нереально; наконец, оказывалось, что в апреле, когда новосибирские улицы покрылись лужами и грязью, а старые галоши стали непригодными, простых резиновых галош в городе невозможно было купить даже по талонам! У мамаш появилась новая забота: во что обуть детей, выросших за зиму из прошлогодних галош, ведь и детские галоши исчезли с прилавков магазинов. Мать семейства отправлялась на «барахолку» и на удачу отыскивала галоши у спекулянтов. На вещевом рынке, как и в прежние годы, можно было найти многое. Ведь, потеряв возможность заниматься частным предпринимательством, многие люди шли на хищения и спекуляцию, получая незаконный доход и «помогая» обывателям реализовывать их насущные потребности. «Спекулянты» и «расхитители государственного имущества» — это такая же примета времени, как и «враги народа». В 1930 г. в Новосибирске за хищение товаров в особенно крупных размерах осудили продавцов торговой сети «Акорт». По всей стране хлопчатобумажные ткани, шерсть, сукно, кожи, обувь, галоши и трикотажные изделия являлись на протяжении 30-х гг. самыми распространенными предметами спекуляции. Только в мае 1935 г. в Новосибирске задержали более 600 спекулянтов, многие из которых перепродавали одежду. Обывателя, плутовавшего по рынку в поисках обуви, неожиданно одергивал за рукав незнакомец, который предлагал купить надетые на нем ботинки сорок первого размера. Покупатель соглашался, и продавец незаметно извлекал из-под полы новенькие ботиночки, точно такие же, как у него, только ненадеванные. За такое чудо покупатель платил кругленькую сумму и поспешно уходил с места незаконной сделки. Кусочек материи, неряшливо торчавший из кармана пальто женщины, слонявшейся по базару, мог означать скрытое

предложение купить ткань, образец которой выставлен на показ под видом какой-то случайной тряпочки. И старуха, продававшая единственные «собственные» трусы, оказывалась спекулянткой, у которой в мешке было спрятано еще полсотни трусов и сверх того — 50 маек.

Большому городу требовалось много одежды. Городские магазины постоянно наполнялись очередями. Как правило, в очередях толпились спекулянты, скупавшие в магазинах и без того ограниченный по количеству товар. Очереди сопровождалась давкой и неизбежной руганью. Старожилы города вспоминают, что обслуживание в магазинах часто было плохим. Дорогие товары продавцы часто отказывались показывать, заявляя, что «такую дороговизну» все равно никто не купит. Одежда и ткани в магазинах выставлялась в свернутом виде, что осложняло выбор.

Стоит отметить, что одежда занимала далеко не первую строку в предполагаемом списке трат обывателей. В первую очередь деньги тратили на еду, необходимый ремонт жилья и стройку. Однако нарядно выглядеть хотелось, поэтому мы и видим сегодня на городских снимках 30-х гг. нелепые банты на старых платьях, простенькие белые ленточки в косичках девочек, дешевые безвкусные бусы, линялые меховые воротники в художественной растушевке и прочие «изыски моды». Эти детали характерны и для снимков горожан из рабочей среды, и для фотографий служащих — словом, для ограниченного в средствах большинства населения Новосибирска 1930-х гг. Известны случаи, когда перед фотографированием «модели» менялись платьями, чтобы казаться одетыми во все новое; когда просили у знакомых «что-нибудь приличное из одежды», не желая быть «навечно» запечатленным на фото в старом, поношенном и надоевшем костюме; надевали на детей пиджаки и брюки на вырост, чтобы те «солиднее» выглядели.

Именно в 30-е гг. формируется новая эстетика, «меняется представление о счастье, которое теперь ассоцииру-

ется с домом, где... свежий ветер надувает снежно-белые занавески, где женщины одеты в крепдешин и креп-жоржет», в мечтах «будничная косоворотка меняется по случаю праздника или для похода в театр на бостонский костюм и сорочку с галстуком...», в мечтах «он — в пальто с каракулем, она — с «норочкой». Все это было в «Торгсине», все это можно было купить за валюту или золото, если оно было, конечно...

«Раньше ты носила юбки из “Торгсина”...»

Новосибирский «Торгсин» предлагал действительно сказочный ассортимент одежды. Счастливицы, имевшие возможность отовариваться в «Торгсине», лицезрели на его прилавках шерстяные джемпера и пуловеры, блузы из вискозы и жилеты, жакеты и кашне, детские костюмы и дамские шерстяные юбки и платья. Покупатель мог подобрать себе по размеру кальсоны и панталоны, сорочку или спортивную майку, купить модную рубашку или традиционную косоворотку. На витринах «Торгсина» красовались кожаные мужские, женские и детские сапоги, обувь фетровая и валяная, сандалии и боты. Здесь выставлялись на продажу всевозможные меха. Продукция «Торгсина» казалась недоступным шиком. Старожилы Новосибирска, которым задавался вопрос, посещали они «Торгсин» или что слышали о его ассортименте от знакомых, обычно посмеиваются: отрицательный ответ всегда предсказуем. «Торгсин» ассоциировался с чудом и пороком, с воплощением недостижимой мечты, с обманом и криминалом, ведь именно там появляются фантастические булгаковские герои из свиты Воланда — Кот Бегемот и Коровьев, устраивающие поджог, грома воплощение «человеческой скверны», которую не может, по версии философа А. Зеркалова, вынести даже дьявол. И недаром знаменитой героине отечественного шансона Мурке, которая завязала

с воровской жизнью, старые ее «товарищи» бросают суровый упрек — мол, одумайся: раньше ты носила юбки из «Торгсина», лаковые туфли на высоком каблуке, а теперь ты носишь рваные галоши...

Кстати сказать, резиновые калоши в «Торгсине» тоже продавались. Хотя новосибирский «Торгсин» преимущественно выполнял и перевыполнял план продаж, все-таки одежда, особенно дорогая, нередко попадала в список неходовых товаров.

Хорошая одежда и обувь были доступны новосибирцам не только по средствам «Торгсина» и других менее изысканных магазинов, как павильон «Союзунивермага» на Ипподромском базаре, где можно было купить текстиль, обувь, головные уборы и меховые изделия. Комиссионные магазины в 30-е гг. сами назначали цену, поэтому и притягивали подпольных предпринимателей, сдававших на комиссию вещи, которых днем с огнем было не найти в магазинах государственной торговли.

Партийная элита города имела собственные источники пополнения гардероба. К примеру, в 100-квартирном доме существовала обувная мастерская Облесполкома. Там, по воспоминаниям старожилов Новосибирска, «шили туфли для жен начальников». В Новосибирске можно было заказать модное платье портнихе. Старожилы вспоминают, что до 1937 г. этим ремеслом занимались даже иностранки. К примеру, в среде архитекторов нашего города спросом пользовались платья, которые шила американка Югас. Дамы месяцами ждали у нее своей очереди. Работали в городе и государственные ателье — к примеру, «Ростекстильторг», которое принимало заказы на пошив дамского верхнего и нижнего платья, мужских сорочек, халатов, пижам из трикотажного полотна.

Продукция, изготавливавшаяся на местных предприятиях легкой промышленности, не отличалась разнообразием и не особенно впечатляла модников, однако все

равно раскупалась горожанами. Многие горожанки были вынуждены самостоятельно шить одежду для всей семьи. Передкий эпизод устных воспоминаний старожиллов нашего города — простенькие детские платьица и рубашечки, сшитые заботливыми мамиными руками.

На внешний облик горожан накладывали отпечаток процессы и события местной жизни. В 1929–1930 гг. Новосибирск существенно вырос территориально. Официально горожанами стали те, кто длительное время с близкого расстояния наблюдали за жизнью Новосибирска, но официально сохраняли крестьянский статус. «Инюшка — не деревня, а если и деревня, то только юридически. Главное занятие инюшенцев — мелкая базарная спекуляция-перепродажа и самогонное производство» — писал журналист Сурский в мае 1927 г. после скандального столкновения крестьян Усть-Ини с экскурсией городских школьников. Крестьян окрестных деревень, особенно самой близкой к городу — Усть-Ини, раздражало вторжение горожан на их территорию, они не хотели присоединения своих сел к городу. Но теперь жители вновь возникших городских окраин были вынуждены включаться в городскую жизнь. Кроме того, 30-е годы — время наплыва в Новосибирск крестьян, бежавших от коллективизации и стремившихся здесь закрепиться. Многие выходцы из крестьянской среды искали себя на промышленных стройках Новосибирска, которыми ознаменовалась сталинская индустриализация. Таким образом, в процессе урбанизации деревенская и городская формы культуры вступали в непосредственное соприкосновение, что живописно проявлялось во внешнем облике горожан.

Маргинальность жителей рабочих городских окраин проявлялась и в их манере одеваться. Одна из городских окраин Новосибирска — Большая Нахаловка, по воспоминаниям ее бывшего обитателя А. Тростнецкого, «являла собой странную смесь из черт нарождавшегося индустри-

ального города и уклада сельской патриархальной жизни, которую перенесли сюда переселенцы из сел и деревень». Тенденция рурализации, отчетливо проявлявшаяся в Новосибирске конца 20–30-х гг., сказывалась и на одежде горожан. В Нахаловке модными считались косоворотки «из ситца или сатина с оторочкой, а то и с вышивкой», сапоги «в гармошечку» и фуражки-капитанки. Подобная мода была характерна и для закаменской окраины города. Костюм говорил о принадлежности к определенному кругу общения и району проживания. Горожанина этого периода, особенно жителя окраин, не всегда по внешнему виду можно отличить от крестьянина.

Нередко на городских фотографиях присутствуют персонажи в косоворотках, кепках и кирзовых сапогах рядом с более модно одетыми горожанами; особенно это характерно для снимков, где показан большой коллектив — школьников, учащихся, сотрудников какого-либо учреждения. Для семейных снимков этой поры характерно то, что старшие одеты по городской моде, а младшие, очевидно, донашивают деревенское старье.

Однако многие маргиналы, желавшие скорее утвердиться в своем статусе горожан, уделяли пристальное внимание одежде. Внешне выглядеть, как горожанин, для многих, судя по воспоминаниям, означало таковым становиться. Заметно, что потребность в одежде была для маргиналов особенно тесно связана с потребностями более высокого порядка — в уважении и признании. Крестьянская девушка, оказавшаяся в Новосибирске, просила отца продать ее «деревенские» ботинки и купить туфли, чтобы выглядеть горожанкой; взыскательная мать бранила дочь, влюбившуюся в парня, который, как «деревенщина», носил шубу. По мнению матери, ее дочь была достойна лучшей партии — «принца на белом коне, городского парня в пальто». Девушка из пригородного села Кривошеково вышла замуж за городского парня и, только приехав в

город, узнала, что на свете существует нижнее белье, и начала его носить, ликвидируя свою неосведомленность в этом вопросе.

Новоиспеченные горожане, вчерашние крестьяне, были вынуждены приспособливаться к новым условиям и нормам повседневного поведения. Как показывает опыт исследования процесса ассимиляции населения бывшего пригородного села Усть-Иня, после включения села в городскую черту в 1929 г. молодежь скорее и динамичнее приспособливалась к условиям городской жизни, нежели представители старшего поколения, которые зачастую вовсе не вписывались в новые условия. О влиянии урбанизации на одежду населения городских окраин можно судить по подборке усть-инских фотографий.

Возьмем фотографии предреволюционные и фотографии 20-х годов: небольшой снимок Парфирия Саченко (видимо, на документы); фото трех женщин: Екатерины Саченко (в девичестве Зацарной), сестер Анны и Насти Саченко; фото пятерых мальчишек из крестьянских семей бывших малороссийских переселенцев; Мария Есипенко в белом переднике в полный рост (в бытность ее работы горничной в Новониколаевске); фото бородатого старика Ткаченко; пятилетней Зины Саченко в длинном белом платье; снимок пожилой четы Вахновых; павильонное фото молодого человека Кости Вахнова с приятелем; большой групповой снимок семьи Саченко и фото семьи Зацарных. Дети и взрослые на этих снимках одеты по одной моде: темные крестьянские косоворотки, одинаковые кепки у мальчишек, ботинки или кирзовые сапоги. Мужчины носят усы, их прически явно «самодельные». Друг Кости Вахнова одет в нарядную белую косоворотку с красивой вышивкой. Оба парня в высоких сапогах. У Зины длинное, почти как у Марии, белое платье с поясом-лентой, повязанной выше талии, сапожки и крупные бусы, наверняка материны. Маленькая Маша с группового снимка

семьи Саченко тоже одета в длинное белое платье и обута в сапожки. Эти элементы костюма отвечают крестьянским представлениям о нарядной одежде. Екатерина Саченко на портрете в платке — элемент, характерный для крестьянской фотографии. На ней нарядный вышитый белый фартук. Сестры Анастасия и Анна одеты в длинные темные юбки и светлые кофточки. У них, так же, как у Катерины, вышитые фартуки, на обеих — пояса с пряжками. У обеих женщин заметны крупные серьги, на шее Анны — мелкие длинные бусы. Костюмы женщин с групповой фотографии аналогичны. Подобный костюм мы видим на фотографии внучки переселенца из Малороссии Спиридона Ткаченко, присланном дедушке еще до революции.

Снимки 30-х проводят разделительную грань между внешним видом «отцов» и «детей». Несколько снимков братьев Саченко, выполненных с интервалом в два-три года, наглядно демонстрируют процесс превращения деревенских мальчишек в городских модников. На снимке середины 30-х гг. Степа Саченко — подросток в «городской» белой сорочке, застегнутой на все пуговицы, а вот его младший двоюродный братец Тимофей Вахнов одет в деревенскую косоворотку и мятый, явно не со своего плеча пиджак. На более позднем снимке немного повзрослевший Степа изображен со своей невестой Тасей. Здесь он вновь одет в белую сорочку, ворот которой, однако, свободно расстегнут, что делает романтический облик Степы схожим с образами героев довоенных советских кинолент. Его невеста Тася в светлом платье с короткими рукавами и крупными пуговицами, девушка модно пострижена под каре, в ее волосах блестит заколка, а на шее красуется двойная нитка искусственного жемчуга — любимое украшение деревенских девчат. На фото 1939 года возмужавший Степан запечатлен с братом Василием. Молодые люди модно одеты: Степан в белую рубашку и пиджак, на лацкане которого два современных значка — ГТО и знак

санинструктора (которые он, впрочем, не зарабатывал, а пристегнул к пиджаку «для моды»); Василий — в светлой олимпийке на молнии. У молодых людей модельные прически (Степан — парикмахер).

Если в начале 20-х гг. «галстух» считался предметом роскоши, то в середине 30-х гг. галстуки носили даже маргиналы. Старший брат героя нашего исследования, Степана, Гоша — простой советский рабочий из Усть-Ини, трубач-любитель, на небольшом снимке тех лет выглядит интеллигентом — в светлой сорочке, светлом клетчатом пиджаке и при галстуке. Элементы, характерные прежде для костюма нэпмана, становятся в середине 30-х доступны и «простому» горожанину. Молодая девушка, работница мясокомбината, в 1935 г. подарила подруге Нюсе Серебряковой свое фото, на котором она изображена в маленькой светлой фетровой шляпке, плотно облегающей голову.

Николай Якименко, родившийся в 1925 г. в Усть-Ине, вспоминал: «Отец шоферил, поэтому в нашей семье не было нищеты. Другое дело, что было часто трудно что-то купить. Одно время невозможно было достать даже валенки, и я ходил в стежонках. Поверх самодельных тряпочных стежонок обувались калоши. Выглядело это, конечно, «так себе», но главный недостаток — неудобно было надевать лыжи. А так самое необходимое из одежды у нас было; много, конечно позволить себе не могли, но уж самое необходимое — рубахи да штаны — это было. Помню, была такая мода: носили рубашки на 40 пуговиц, пуговицы были маленькие, кругленькие, блестящие. И я тоже носил такую рубаху».

Другой пример — снимок 1942 года, подписанный с тыльной стороны «Три сестры» — девушки с Кролятника, крестьянки по происхождению, волей судьбы оказавшиеся в городе — Надежда, Зоя и Евдокия Рубаковы. Каких только новых веяний не отразила эта фотография: фетровые береты, меховые воротники, подведенные (вероятно,

сажей) брови, даже улыбки перед камерой, чего нет на более ранних снимках. На декабрьской фотографии 1941 года Надежда Рубакова элегантно сложила руки на груди, чтобы были видны ее модные часы. Девушка одета в темное платье, руки оголены на три четверти. Волосы подстрижены и завиты, фетровый берет на голове кокетливо сдвинут набок. Что касается Парфирия Саченко, да и других людей его поколения, костюм, прическа, усы — все это оставалось неизменным на фотографиях и в 50-е годы. Если прежде, по словам старожилы нашего города Евдокии Карымовой, «платье шили на век: мать выходила замуж, в свадебном платье всю жизнь ходила в церковь, а то и для дочери берегла», то теперь молодежь стремилась следовать моде, даже и не располагая достаточными средствами. Поэтому девушки не гнушались рисовать сажей брови, поэтому даже незначительная обновка считалась большой радостью.

Вообще анализ семейных фотоальбомов той поры показывает заметные изменения в костюме горожан по сравнению с 1920-ми годами. Если в начале 30-х гг. внешний облик жителей разных городских районов отличается, то ближе к войне городской костюм приобретает более усредненный вид. Исчезают косоворотки и крестьянские платки, окончательно пропадают элементы костюма, напоминавшие о гражданской войне, становится заметным влияние массовой культуры на костюм горожан. Но от большинства новосибирских фотографий 30-х гг. по-прежнему еще веет бедностью. Горожане преимущественно не могли одеваться так, как им хотелось бы. Это доказывают и воспоминания. Колоссальной удачей для усть-инской семьи Овчаренко была покупка перед войной одного «готового» женского пальто на всю семью — пальто было дефицитной и дорогой вещью. Оно ассоциировалось с городским образом жизни. Деревенская девушка, работавшая прислугой в новосибирской семье, всю жизнь благодарно помнила хозяев и подаренное ей за работу новое пальто.

Тайна за семью печатями

сегда, практически в любом обществе, были и есть люди, которые пользуются услугами легальных или подпольных «заведений», помогающих реализовать половые потребности. В дореволюционной России эти функции исполняли дома терпимости, в советский период проституция перестала быть легальной и «жрицы любви» переместились в тайные «притоны разврата», как говорили в 20–30-е гг. Проституция по советскому законодательству тех лет не являлась преступлением. Закон карал лишь притоносодержателей, которые, как считалось, эксплуатировали женщин, вынужденных в силу каких-либо обстоятельств торговать своим телом. Притоносодержатели — хозяева нелегальных домов свиданий, бравшие с проституток часть их заработков, несли ответственность по статье 40 Уголовного Кодекса. Однако проституция вовсе не оправдывалась советским государством и общественностью. При Крайздраве (организация краевого значения, занимавшаяся вопросами медицины и здоровья населения) была создана специальная комиссия по борьбе с проституцией, которая выявляла и ставила на учет женщин легкого поведения, следила за состоянием их здоровья, занималась агитационной работой против проституции.

В начале 1920-х гг. ответ на вопрос о легализации проституции, похоже, не всегда был очевиден для общества. В рассказе новосибирского писателя В. Я. Зазубрина «Общезитие» приводится эпизод, в котором героиня Зинаида Спинек с иронией задает циничный вопрос своему гостю: «Скажите, какие билеты будут выдавать советским проституткам — желтые или красные?» Известно, что в царской России профессиональные проститутки, состоявшие на учете врачебно-полицейского комитета, получали так называемый «желтый билет» — бланк, заменявший паспорт.

На вопрос, кто и почему посещал новониколаевские притоны, едва ли можно ответить точно. Люди разного социального положения, материального и образовательного уровня могли быть уличены в посещении с известными целями подобных мест. К примеру, при обнаружении уголовным розыском притона разврата в бараке гражданки Елизаветы Липсак на Кузнецкой улице выяснилось, что в ту злосчастную ночь в доме притоносодержательницы находились в качестве клиентов грамотный женатый заведующий мельницей крестьянин Георгий Паршнев и интеллигентный семейный горожанин, имеющий высшее образование и служащий агентом, Владимир Коморзин. Из других уголовных дел узнаем, что притоны систематически посещали военнослужащие из Военного городка, летчики, приказчики... По данным доклада комиссии по борьбе с проституцией административного отдела Сибкрайисполкома, среди клиентов городских проституток всегда было много приезжих мужчин, к услугам таких женщин часто обращались военные, госслужащие, сотрудники кооперативов, рабочие и учащиеся. Безусловно, клиентами городских проституток являлись и лица из уголовной среды, предпочитавшие иметь на свободе «свою мару», которая материально поддерживала заключенных в расчете на последующую ответную материальную поддержку. Обычно при допросах задержанные уголовным розыском проститутки не могли назвать имен и рода занятий своих случайных знакомых, с которыми проводили время, скрывали они и сведения о своих постоянных посетителях. Видимо, подобная информация не была особенно важна для проституток, ведь «проститутка на то и проститутка, чтобы не презирать никого, ни старого, ни малого, ни безносого, они должны, обязаны или хотят никого не отталкивать, кто пришел к ним с дарами, а не просто так». С другой же стороны, проститутки не хотели компрометировать бывавших у них мужчин.

Как известно, классическая форма проституции в виде борделей и домов свиданий была строжайше запрещена советской властью. Имевшиеся в Новониколаевске до революции дома терпимости на Инской улице, к радости жителей соседних домов, перестали существовать. По словам старожила Новосибирска С. В. Чернышова, Инская улица была прежде местом настоящего разврата. Домов терпимости здесь насчитывалось два квартала. Днем и ночью на Инской шли безудержные кутежи, участники которых, случалось, оставляли здесь весь свой заработок.

В период хозяйственной разрухи проституция не являлась такой насущной проблемой, как голод, эпидемии, жилищный кризис и массовое обнищание, поэтому в прессе, которая является основным источником сведений о новониколаевских притонах, подобной информации практически нет. Исследователи 20-х гг., занимавшиеся вопросами проституции, полагали, что в годы гражданской войны и военного коммунизма не было сколько-нибудь благоприятных условий для развития проституции, поскольку в стране отсутствовал торговый оборот, люди практически не держали в руках денег, сравнились по материальному обеспечению и были обязаны нести всеобщую трудовую повинность. Нэп же с его частноправовыми отношениями, возможностями накопления, разрешением продажи спиртных напитков и сокращением штатов госучреждений и общественных организаций, от которого пострадали многие профессионально низкоквалифицированные женщины, подготовил отличную почву для развития проституции и притоносодержательства. Однако отсутствие (либо неочевидность) источников, которые свидетельствовали бы о новониколаевских притонах периода разрухи, вовсе не говорит о том, что таких не имелось. Специалисты, занимавшиеся историей социальных вопросов на закате нэпа, видели прямую

связь между нэпом и ростом числа публичных женщин. Эта мысль подтверждалась тем, что большинство проституток, поставленных милицией на учет, занялись этим «грязным делом» именно в период нэпа. Однако учтем возрастной аспект проституции. Женщины, избравшие такое «ремесло», в большинстве своем относились к возрастной группе 20–25 лет. Тридцатилетних проституток в конце 20-х гг. было очень мало. А это может говорить о том, что те, кто таким образом зарабатывал на жизнь в годы гражданской войны и военного коммунизма, стали «старыми» для подобных занятий. Быстрому старению и увяданию способствовали тяжелые бытовые условия, инфекции, голод. Кроме того, исследования современного уральского историка И. Нарского свидетельствуют о всплеске проституции на Урале в разгар гуманитарной катастрофы начала 20-х гг., поэтому есть основания полагать, что и в Новониколаевске на фоне всеобщей разрухи функционировали и «процветали» бордели. Конечно, в 1920–1921 гг., когда городские обыватели в массе своей недоедали и повально умирали от тифа, половые потребности отодвигались на второй план. Однако известно, что притоносодержательница Софья Малых, задержанная в середине 20-х гг., занималась этим «промыслом» в Омске и при Колчаке. В Новониколаевске до революции жили люди, зарабатывавшие «легкие деньги» на домах свиданий вполне легально. Трудно поверить, что революция и большевики сразу перевоспитали этих «паразитов».

Именно в начале 20-х гг., когда уголовный розыск и краевой суд были заняты проблемами контрреволюции, хищения продовольствия, разгулом бандитизма и прочими более важными, чем проституция, вопросами, в городе сложилась благоприятная ситуация для распространения притоносодержательства. В бывших уездных городах Сибири, ставших окружными центрами, проституция развивалась особенно внушительными темпами

из-за притока населения и благоприятных экономических условий. В Новониколаевск, который имел значение важного транспортного узла, постоянно прибывали переселенцы. В город приезжали люди из мест, где условия жизни были невозможными для существования. Словом, Новониколаевск наводнялся людьми, оторвавшимися от родовых корней, испытавшими многие тяготы и лишения, людьми, пережившими нравственную и духовную ломку, людьми, перед которыми стояла, зачастую, одна цель, затмевавшая все другие — выжить. Часто прощание с малой родиной и приезд в Новониколаевск могло быть сопряжено для женщины, встававшей на путь проституции, с личной драмой, такой как развод, смерть кормильца или бесчестье. Патриархальная мораль осуждала случаи беременности вне брака. Обычно женщины, попадавшие в такую ситуацию, не могли рассчитывать на поддержку и понимание окружающих. В крестьянских воспоминаниях часто встречается сюжет о самоубийствах девушек, забеременевших до брака. Хроники новосибирских газет пестрят сообщениями о детоубийствах, совершенных молодыми незамужними девушками. Частым явлением для 20-х гг. являлись разводы молодых пар. Подобные жизненные коллизии, в которые могла попасть молодая женщина, значительно повышали вероятность превращения ее в проститутку.

Типична для тех лет история переселенки из европейской части страны Анны Балашовой. Молодая бедная одинокая девушка из крестьянской семьи незадолго до отъезда в Сибирь подверглась изнасилованию неизвестного мужчины. Приехав в Новониколаевск и устроившись прислугой, она почувствовала себя беременной. Девушка тайно родила ребенка и в отчаянии бросила младенца в уборную, была по горячим следам задержана милицией и осуждена. Женщина с подобной биографией вполне могла стать проституткой — ее вряд ли в

будущем ожидало счастливое замужество и спокойная сытая жизнь.

В просмотренных нами уголовных делах о притоносодержательстве и в газетных заметках на эту тему зачастую фиксируется то, что женщины, занимавшиеся проституцией, были, как правило, приезжими, безработными и неимущими. К примеру, бывшая крестьянка Самарской губернии проститутка Пелагея Митькина заявляла на допросе свидетелей по делу о притоносодержательстве: «Добавлю, что занимаюсь я проституцией, т. к. нет другого источника пропитания». Часто проститутки занимались этим «грязным делом» для получения дополнительных заработков, так что с виду порядочная работница или служащая могла оказаться тайной проституткой. На эту скользкую дорожку горожанок толкала бедность и безработица, а также нравственная демократизация. Как пишет историк Н. Б. Лебина: «С проститутки снималась не только правовая, но и морально-нравственная ответственность за ее поступки».

Из 391 сибирской проститутки, поставленной в 1927 г. на учет комиссией по борьбе с этим социальным злом*, 71 женщина происходила из рабочей среды, 164 женщины — из крестьянской, 45 — из бывших мещан, социальное происхождение 111 проституток не было определено. Очень часто «зарабатывать телом» начинали девушки и женщины, не имевшие никакой квалификации и устраивавшиеся работать кухарками, нянями, горничными, уборщицами, прачками. Подобная работа могла оказаться недолговременной и низкооплачиваемой, что и тянуло женщину «ко дну». Нередко ряды проституток пополнялись за счет неквалифицированных работниц и низшего медперсонала. Реже проституцией занимались образованные женщины интеллигентных профессий: журналистки, машинистки, конторщицы, телеграфистки, артистки.

Вынужденное недостаточное внимание правоохранительных органов к притоносодержателям в начале 20-х гг. способствовало «расцвету» притонов в более благополучные нэповские годы. Однозначно, притоны разврата существовали и до введения новой экономической политики. В газетах времен разрухи изредка проскальзывают упоминания о существовании притонов, в частности в Вокзальной части города и в Нахаловках. Это и понятно — на вокзале всегда было немало преступников: мошенников, воров, грабителей и проституток, которые наживались на наивности ехавших через Новониколаевск крестьян и прочих неопытных людей, оказывавшихся в незнакомой обстановке. Вокзал — традиционное «рабочее» место проституток, которые неизменно находили свою «жертву» в огромной толпе народа или садились на проезжающие поезда с целью «заработать по дороге». Нахаловки же отличались скученностью и хаотичностью застройки, путанностью улиц. В Нахаловке легко было скрыться. Нахаловки издавна считались рассадниками преступности. Уголовному розыску были известны некоторые местные притоны, где подчас прятались воры и убийцы, но громких уголовных дел по ликвидации притонов в начале 20-х гг. нам не известно.

Именно в начале 20-х гг. в Новониколаевске распространились торговцы наркотиками, которые зачастую предлагали посетителям притонов наряду с «девицами» и зелье. В начале 20-х гг. в газетах писали о гибели наркоманов, например, некоего гражданина Едотова или корейского подданного по имени Сон Хвабои, которые неумеренно курили опиум. Новониколаевские искатели острых ощущений могли также купить у какого-нибудь китайского торговца Сун Чан Вена или Яна Дон Ши, а то и у местного «барыги» Мишки Серебренникова морфий, анашу или кокаин. Судя по свидетельствам новониколаевских газет, наркотические притоны создавались чаще китайцами. К

примеру, в июле 1923 г. был задержан китаец Тянь Шоу Чи по кличке Васька Китаец, содержавший притон морфинистов и кокаинистов, а также скупавший краденое. Журналист, подписывавшийся «Серп», так обрисовал один закаменский притон, в котором ему случилось побывать: «Старуха самогонщица живет в длинном низеньком бараке, спрятанном крышами других домов. Заходим... В одной из комнат — девицы, трое пьяных и китаец нюхают кокаин, поднося его к носу на кончике перышка. Тут все: начиная самогоном и кончая девицами...»

К середине 20-х существование значительного числа нелегальных притонов разврата в сибирской столице становится очевидным. Только за первый квартал 1926 г. уголовным розыском было обнаружено 140 притонов наркотиков и разврата. Трудно сказать, как варьировалось число новониколаевских вертепов в 20-е гг. — официальной статистикой мы практически не располагаем, однако, по свидетельствам прессы, их в городе насчитывались десятки. Согласно данным комиссии по борьбе с проституцией, в 1927 г. в Новосибирске была только зарегистрирована и поставлена на учет 61 проститутка (несколько больше их было только в Иркутске, Красноярске и Омске).

В годы нэпа власти взяли за борьбу с этой проблемой как юридически, так и идеологически. Делами о притоносодержательстве занимался суд краевого значения. В прессе стали часто появляться заметки о раскрытии преступлений, связанных с притоносодержательством, и статьи, где проституция обрисовывалась как социальное зло и характеризовалась как буржуазный пережиток.

Газеты писали о следующих скандальных случаях задержания притоносодержателей в нашем городе середины 20-х гг.: в августе 1925 г. на Ядринцевской, 120 устроили притон некие Попова и Галкин, одновременно был задержан извозчик Мурин, уличенный в аналогичном

преступлении. Елизавета Липсак, содержавшая притон на Кузнецкой, 2 была задержана 2 октября 1925 г. В декабре 1925 г. обнаружен притон Валентины Волковой на ул. Октябрьской, 69; в феврале 1926 г. — притон Марии Кротовой на ул. Бурлинской, 57; в марте того же года — притон Елизаветы Зелит в Малой Нахаловке по Кубанской ул., 226; пятью днями позже по аналогичному обвинению сотрудники уголовного розыска задержали граждан Муравицкого и Пенькову, которые содержали притон на Большевицкой, 24. В конце мая 1926 г. к ответственности привлекли Веру Латгину, а в начале июня обнаружили притон на пароходе «Жорес», где официанты пароходной столовой содействовали проституткам Гумилевской и Паукеевой. Через несколько дней появилась заметка о притоне Софьи Малых на ул. Журинской, 65. В начале января 1927 г. писали о притоне по Левому берегу Каменки, 105. Вскоре на Каменке обнаружили притон Растрепиных. 24 марта писали об очередном притоне у Фатыха Хузахмиетова. Писали о поимке притоносодержателей и 22 июля 1927 г. Заметно, что «вертепы» появлялись практически во всех частях города, но чаще — в местах, отдаленных от центра города.

Притоны, где тайно встречались «жрицы любви» со своими клиентами, были не единственной формой организации этого промысла. Многие проститутки предпочитали действовать в одиночку, приглашали мужчин к себе домой. Другие предпочитали «дорожную» проституцию, которая была особенно характерна для Новосибирска, через который проплывали пароходы в Томск и проезжало множество поездов в разных направлениях. Были и уличные проститутки — наиболее опустившиеся и неблагополучные. Кроме того, существовали «коты» и «альфонсы» — сутенеры 20-х гг., жившие за счет торгованных телом женщин. Однако о них практически ничего не известно.

Обычно люди, превращавшие свое жилище в тайный дом свиданий, старались действовать тихо: занимались своим «промыслом» в ночное время, выдавали проститутток, живших в таких домах обычно вдвоем-втроем, за обычных квартиранток. Однако клиенты, наведывавшиеся в новониколаевские «бордели», порой поднимали шум и устраивали кутежи, тем более что притоносодержатели часто не ограничивались предоставлением «интимных услуг», продавая самогон, который здесь же и распивался. Притон Елизаветы Зелит тайно просуществовал целый год, но преступницу выдала устроенная однажды «дикая пьянка», сопровождавшаяся страшной руганью, в самый разгар которой на крики подоспели милиционеры, где и убедились в наличии притона.

Обыватель, желавший провести ночь с публичной женщиной, обычно искал ее поздним вечером или ночью («рабочий день» проститутки начинался на закате) в каком-нибудь людном месте — скажем, в саду «Альгамбра», в ресторане, кафе или в низкосортной пивной. Впрочем, в подобных местах «жрицы любви» часто сами старались «подцепить» выпивших мужчин. В общем, атмосфера новониколаевской «Черной Моли» была вполне традиционной: «Вино и мужчины...» В летнее время на Ипподромском базаре проститутки кучковались сутками напролет, ведь там существовали четыре расположенные рядом пивные. Проститутки также тянулись к Военному городку, где традиционно много было мужчин, и еще к гостиницам, в которых останавливались приезжие, среди которых наверняка присутствовали искатели приключений. Встретить «ночную бабочку» — чаще всего девушку лет 20–25, реже 15–19 — можно было, прохаживаясь по Красному проспекту после полуночи. «Ночью на 23 августа мы гуляли по Красному проспекту с подружкой Диной Лунчарской с целью найти мужчин», — рассказывала следователю проститутка Пелагея Митькина, сви-

детельствуя по делу о притоносодержательстве. Познакомившись таким образом с девицей легкого поведения, обыватель мог пригласить ее развлечься вместе в городском саду или в ресторане, потом угостить и «просить ночевать». Встретиться с проституткой можно было и по рекомендации. К примеру, восемнадцатилетняя Вера Маркова, незадавшаяся артистка, и ее подруга одноклассница Виктория Чижевская, неудачно пробовавшая свои силы в журналистике, «работали» преимущественно с военнослужащими Военного городка, пользуясь знакомством и дружескими связями. Встретиться с публичной женщиной можно было и через посредников, коими часто выступали извозчики, обычно обладавшие сведениями об адресах «нехороших квартир»; швейцары, официанты и коридорные увеселительных заведений, знавшие постоянных посетителей и привыкшие к дополнительному нелегальному заработку.

Безусловно, обыватели в массе своей осуждали проститутку, хотя проституция не считалась преступлением по закону и власть была склонна скорее жалеть этих «жертв» темноты и нищеты, нежели осуждать. Девушки, жившие одни на квартире, по наблюдениям соседей, не работавшие, сквернословившие, курившие, спавшие до полудня и поздно возвращавшиеся домой, однозначно квалифицировались как «гулящие», или проститутки. Случалось, что на почве осуждения легкомысленных особ соседями разгорались крупные конфликты и даже покушения на жизни обидчиков.

В 1930-е гг. в новосибирских газетах перестали печатать статьи и заметки о притоносодержательстве в нашем городе: сменилась идеология, под воздействием власти газетные публикации стали еще более политизированными и скупыми на рассказы о социальных недугах. Последняя заметка о притоносодержательстве была опубликована на страницах «Советской Сибири» в 1930 г.

Описанный в газете случай интересен тем, что притон на Красном проспекте содержал фотограф Винницкий прямо в своей мастерской. У фотографа были изъяты порнографические снимки, и это чуть ли не единственное упоминание о распространении порнографии в Новониколаевске-Новосибирске 1920–30-х гг. Неизвестно, как развивалась сексуальная культура и сексуальные девиации в провинциальном Новосибирске 30-х гг. Однако сам факт существования порнографии свидетельствует о том, что данная «щекотливая» тема была-таки интересна обывателям. Раскрепощение нравов 20-х гг. привело, как свидетельствуют исследования Н. Б. Лебиной и М. В. Шкаровского, к вульгаризации идей свободной любви и вынужденной идеологической борьбе советской власти за идеалы социалистического нравственного аскетизма в предвоенном десятилетии. Уголовные дела о притоносодержательстве в 1930-х гг. в настоящее время пока недоступны, поскольку срок их секретности еще не истек. Поэтому новосибирские «притоны разврата» 1930-х гг. остаются одним из белых пятен в панораме городской повседневности Новосибирска периода между войнами.

До статуса сибирской столицы

Послесловие

Смена политических и социально-экономических ориентиров в конце 1920-х гг. нанесла ощутимый удар по повседневному укладу городских обывателей Новосибирска. Усиление влияния государства на местную социально-экономическую жизнь неоднозначно воспринималось населением. С одной стороны, по замыслу властей, Новосибирск становился более «социалистическим» по характеру организации торговли и функционирования коммунальных предприятий, по планировке, новой многоэтажной застройке, системе советского медицинского обслуживания и прочим показателям. Облик города начинал меняться и под воздействием индустриализации. С другой же стороны, в третье десятилетие XX в., так же, как и в четвертое, Новосибирск вступал с уже имевшимися проблемами и с определенным отношением к ним. Освоить, «окультурить» громадную территорию, оказавшуюся в городской черте, побороть самовольную застройку, спекулянтов и мошенников, подделывавших продовольственные карточки, обеспечить население коммунальными удобствами было невыполнимой в тех условиях задачей. Новосибирск 30-х гг. — поистине город контрастов, где было все: от роскошного генеральского дома на Красном проспекте и соборей в «Торгсине» до худых «нахаловских» крыш, крытых распоротыми консервными банками, и непролазной грязи на центральных улицах. В 30-е гг. Новосибирск разросся не только благодаря расширению городской черты, но и по инициативе желавших поселиться в перспективном месте самовольных застройщиков. Именно в это тяжелое время во многом еще провинциальный Новосибирск обретает в сознании населения подлинный статус сибирской столицы.

Люди и вещи минувшей эпохи

ФОТОГРАФИИ ИЗ СЕМЕЙНОГО АЛЬБОМА АННЫ ВАСИЛЬЕВНЫ ЗАБЕЛИНОЙ

Сведения о жизни А. В. Забелиной скудны: известно, что еще до Великой Отечественной войны ее семья проживала в Новосибирске, в Ельцовском районе. Муж и свекор Анны Васильевны являлись продолжателями династии железнодорожников: их семья обосновалась в Новониколаевске со времен основания станции Обь. Сама Анна Васильевна была педагогом. Семейный альбом Забелиных был случайно найден их дальней родственницей Я. Луговой, спустя годы после смерти хозяев альбома. Альбом богат снимками 20-30-х гг., о чем свидетельствуют подписи фотографий, однако многие карточки анонимны. К сожалению, сегодня мы практически не располагаем точными и достоверными сведениями о героях этих снимков, что, безусловно, затрудняет их интерпретацию как исторических источников.

Новосибирск, 1934 г.

Фото из семейного альбома А. В. Забелиной.

Изображена группа отдыхающих из рабочей среды. Местность — предположительно район Ельцовки. Одновременное присутствие на снимке «деревенской» балалайки в руках мальчика и «городской» гитары у более взрослого парня вполне характерно для окраины Новосибирска, где черты сельской и городской повседневности тесно переплетались.

Новосибирск, 1930-е гг.

Фото из семейного альбома А. В. Забелиной.

Изображен потомственный новосибирский железнодорожник Василий Федорович Забелин (1885 г. рожд.) у своего дома на Ельцовской окраине по ул. Семафорной, 322. Дом был построен в 1929 г. в период активной застройки этого района и к настоящему времени снесен. Пейзаж с простыми избами, покосившимися заборами и цветущими яблонями — почти сельский. Однако очевидна скученность и непродуманность стихийной застройки. Сам портретируемый, по случаю фотографирования, одет в профессиональную форму, которая позволяет выглядеть «представительнее» и подчеркивает его социальный статус — снимок, все-таки, делается на память и для потомков.

Новосибирск, 1930-е гг.

Фото из семейного альбома А. В. Забелиной.

На снимке — Василий Федорович Забелин — свекор хозяйки альбома, житель Ельцовки. На этой старой, размытой фотографии ярко отображается колорит среды этого района в довоенные годы. Неблагоустроенность, хаотичность застройки, куры на улицах — все эти черты городской окраины напоминают цикл графических работ новосибирского художника С. Липина, посвященных сюжетам из жизни Большой Нахаловки, в которых автор несколько утрирует ее недостатки.

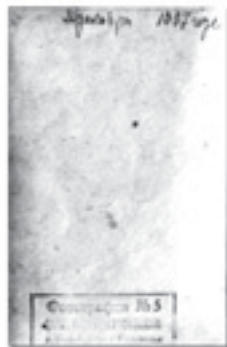
Новосибирск, 1930-е гг.

Фото из семейного альбома А.В. Забелиной.

Неизвестная девушка из рабочей среды с велосипедом. Выбор сюжета едва ли случаен. Для горожан 30-х гг., особенно для жителей окраин, велосипед – дорогая, еще не очень привычная, но привлекательная вещь. Снимаясь с велосипедом, девушка, несомненно, демонстрирует свою прогрессивность. Однако ее одежда, неудобная для катания на велосипеде, может говорить либо о том, что это чудо техники лишь взято «на прокат» для эффектной съемки, либо о том, что специально для фотографирования девушка надела красивое модное платье и белоснежные носочки. Хотя не исключено и то, что именно в таком костюме девушка каталась на велосипеде по Ельцовке. В любом случае снимок кажется несколько вычурным и неестественным.

**Новосибирск, 1937.
Анна Васильевна
Забелина, учитель.**

**Новосибирск, 1930-е гг.
Фото из семейного альбома
А. В. Забелиной.**

Неизвестный на фоне городского пейзажа. Широкая заасфальтированная улица, грузовик и мотоцикл, случайно попавшие в кадр, свидетельствуют о некотором прогрессе в благоустройстве города перед войной и распространении новых транспортных средств, делавших Новосибирск более цивилизованным.

**Молодой рабочий
Андрей Русяев с другом
Новосибирск, 1927.**

**Новосибирск, 1930-е гг.
Фото из семейного альбома А. В. Забелиной.**

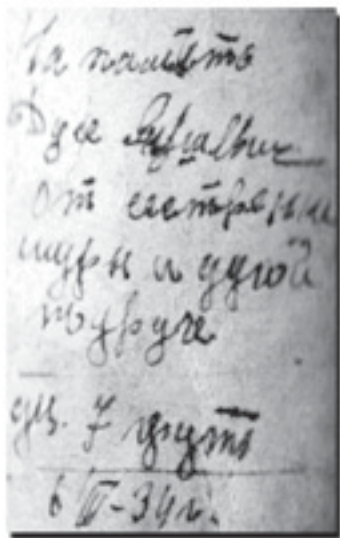
Изображен железнодорожник Василий Федорович Забелин с внуками во время прогулки. Одежда портретируемых повседневна и типична для среды рабочих. Коньки, прикрепленные к валенкам детей – сюжет, фигурирующий не только в старых семейных альбомах, но и в мемуарах горожан. На снимке представлен типичный пейзаж городской окраины Ельцовки, где «процветала» самовольная застройка. Овражистая местность, косые частоколы, небольшие, близко расположенные домишки — характерные черты новосибирских «нахаловок» и окраин. Случайно попавшая в кадр женщина с коромыслом – красноречивое свидетельство проблем водоснабжения Новосибирска 30-х гг., где дома жителей окраин не были подключены к водопроводной сети. Воду набирали ведрами у водокачек или из естественных источников.

Новосибирск, 1930-е гг.

**Фото из семейного альбома
А. В. Забелиной. Неизвестная.**

На снимке отражена модная в 30-е гг. тенденция фотографироваться в помещении в зимней одежде. Берет, высокий меховой воротник и завитые волосы — популярные составляющие образа молодой горожанки 30-х гг. Нечеткость снимка делает его особенно эффектным, скрадывая дешезвизну головного убора и превращая шубу девушки в красивое, почти акварельное пятно.

Новосибирск, 1935 г.

Фото из семейного альбома А. В. Забелиной.

Изображена подруга Анны Васильевны — работница мясокомбината Серебрякова. Стиль одежды девушки напоминает моду нэпманов: фетровая шляпка с небольшим бантиком, плотно облегающая голову, светлый шейный платок и темное пальто. Этот стиль стал популярен в рабочей среде.

**Фото семьи
неизвестных
из альбома
А. В. Забелиной.**
*30-е гг. XX в.,
Новосибирск. На
фото — простая
рабочая семья
с Ельцовской
окраины города.*

Похороны ребенка в той же новосибирской семье.

В Новосибирске 30-х гг. детская смертность имела очень высокие показатели, как и в других крупных промышленных центрах Сибири, где за счет механического прироста население быстро увеличивалось, но отсутствовали нормальные бытовые, санитарные условия и должное медицинское обслуживание.

СНИМКИ ИЗ УСТЬ-ИНСКИХ СЕМЕЙНЫХ АЛЬБОМОВ

Старинное село Усть-Иня вошло в городскую черту г. Новосибирска в 1929 г. Большинство крестьян Усть-Ини не соглашалось на присоединение их селения к растущему городу, однако суд поддержал сторону городских властей. Сельчане были вынуждены менять род занятий, образ жизни и адаптироваться к новым для них городским условиям повседневности и труда. Влияние урбанизации на жителей Усть-Ини можно наблюдать по семейным фотохроникам 1920-1930-х гг.: заметно, как меняются костюмы, прически, манера держаться перед фотокамерой. Подборка усть-инских фотографий составлена на основе семейных раритетов родственников и соседей В. К. Лобановой (в девичестве Вахновой), Г. В. Саченко и Л. В. Петровой (в девичестве Саченко), Н. Б. Астаниной (в девичестве Ткаченко).

Снимки из семейного альбома В. К. Лобановой.

Изображены родственники владелицы альбома из пригородного села Усть-Иня. На первом снимке 1920 г. — Анна Саченко, Екатерина Саченко и Анастасия Якименко, молодые женщины из семей украинских переселенцев. На втором снимке — бабушка и дедушка В. К. Вахновой: переселенцы из Курской губернии Осип и Анна Вахновы. На третьем фото — семья крестьян Зацарных — украинских переселенцев.

1920-е гг. Снимки из альбомов Г. В. Саченко и Н. Б. Астаниной.

Изображены крестьянская девочка Зина Саченко и Мария Есипенко, работавшая накануне революции 1917 г. горничной в Новониколаевске у состоятельных железнодорожников. На другом снимке изображены отец В. К. Лобановой — Константин Вахнов с другом из Усть-Ини.

Этот рисунок к статье журналиста Е. Сурского «Неслыханное хулиганство», опубликованной в газете «Советская Сибирь» за 12 мая 1927 г., и снимок из семейного альбома Л.В. Петровой объединяет личность изображенного на них человека — крестьянина из Усть-Ини Порфирия Саченко. Будучи сыном переселенцев из Малороссии, Порфирий Кондратьевич отличался патриархальными взглядами, был неграмотным, противился, как и многие другие крестьяне

Усть-Ини, присоединению этого села к городу. На почве неприятия городской жизни Порфирий и его дочь Анна вступили в крупный конфликт с учительницей из Закаменского района, которая привела в

Усть-Иню школьников для наглядного изучения природы. Об этом конфликте и писали в «Советской Сибири». На снимке и на газетном рисунке Порфирий, как и Анна, выглядят типичными крестьянами и по костюму, и по прическам.

ПОДСУДИМЫЕ: Порфирий Саченко,
Анна Саченко (дочь).
кр-не дер. Икюшки.

Снимок из семейного альбома Г. В. Саченко.

На этом фото изображены дети из Усть-Ини: Николай Якименко, Федор Якименко, Степан Саченко, Алексей Овчаренко, Василий Саченко. Снимок сделан в промежутке между 1929–1931 гг. Так выглядели устьинские дети в период включения их села в городскую черту.

Фото из семейного альбома В. К. Лобановой (Вахновой).

Изображены Константин и Валентина Вахновы с двоюродным братом Степаном Саченко. Снято во второй половине 30-х гг. В costume младшего, Константина, сочетается «деревенская» косоворотка и «городской» пиджак с чужого плеча. Старший, Степа, одет в белую «городскую» рубашку.

Фото из семейного альбома В. К. Лобановой. Конец 1930-х гг.
Изображены молодожены Степан и Таисия Саченко. Молодые люди одеты совсем «просто», но уже по городской моде.

Этот снимок из альбома Г. В. Саченко *выполнен немного позже предыдущего, перед Отечественной войной. Василий и Степан превратились в настоящих городских модников.*

Эти фотографии из альбомов Г. В. Саченко и В. К. Лобановой выполнены перед Отечественной войной и в ее первые месяцы.

Изображенные на снимках люди: Георгий Саченко, Евдокия и Надежда Рубаковы — выходцы из крестьянских семей. Перед войной они уже работали в городе, что сказалось на их костюмах. Усть-инская молодежь начала следовать «городской» моде на одежду и прически.

ИЗ АНОНИМНЫХ НОВОНИКОЛАЕВСКИХ АЛЬБОМОВ

Эту подборку новониколаевских–новосибирских семейных фотоснимков отличает анонимность и неизвестность происхождения. Эти и другие карточки несколько лет коллекционировались автором данной книги как антиквариат. Восстановить время и место создания снимков, а также имена людей, позировавших перед фотокамерой, можно лишь по далеко не всегда внятным подписям с тыльной стороны снимков. Однако, несмотря на «безмолвие», эти фотографии все-таки красноречиво «говорят» о городской повседневности 1920–1930-х гг.

Зинаида Николаевна Гулякова

28. 04. 1921 г., Новониколаевск

Наталья Николаевна Гулякова

Нач. 1920-х гг., Новониколаевск,
фото Ф. А. Шевцова

Зинаида и Наталья Гуляковы

Начало 1920-х гг. Новониколаевск

Эти три снимка, судя по подписям, принадлежали сестрам Зинаиде и Наталье Гуляковым из Новониколаевска. Девушки, очевидно, происходили из интеллигентной, состоятельной семьи. Известно, что Наталья была художницей. Для начала 1920-х гг. они шикарно одеты, в их манере держаться перед камерой чувствуется уверенность, а в костюмах и прическах — черты дореволюционного времени.

Здесь представлены анонимные снимки из новосибирского семейного альбома конца 1920–1930-х гг. Очевидно, фотографировалась интеллигентная семья. Группа, изображенная летом во дворе на скамье среди зелени – популярный сюжет многих снимков того времени. Этот уличный снимок подчеркнуто постановочный: семья расположилась за пустым столом, на который лишь для красоты поставили маленькую вазу с фруктами, каждый занял определенную позу, сделал серьезное и спокойное лицо. Интересны детские образы: нарядно одетые малыши серьезно смотрят в объектив фотокамеры, а в руках девочки со снимка 1937 г. — бурый плюшевый мишка, на шее которого едва различим небольшой бант, как и у его маленькой хозяйки. Молодая, выглядящая нарядной благодаря кружевным воротничкам женщина часто встречается на снимках этой семьи. Позируя перед фотографом, женщина чаще улыбается, что еще практически не свойственно для межвоенного периода.

1935, Новосибирск

29. 05. 1939 г.

Эти новосибирские семейные снимки резко разнятся по замыслу. Верхний снимок — абсолютно типичная, качественная фотография семьи военного и учительницы: нарядные мать и дочь, отец в солидной военной форме, благородные позы и выражения лиц. Все это на фоне не менее благородного вида картонных декораций. Нижний снимок совершенно нестандартен по своему шутивому замыслу. В этом его уникальность. Пародийная серьезность железнодорожника в служебной форме и дамы в пиджаке и нарядной шляпе, на лице которой отразилась плохо скрываемая хитренькая улыбка, становится очевидной при взгляде на недоумевающего карапуза в клетчатом комбинезоне. Малыша поставили между взрослыми, научили чинно положить руку на плечо даме и дали в зубы настоящую папиросу! Конечно, подобные снимки редки для Новосибирска, большинство обитателей которого относилось к фотографированию со всей серьезностью.

Семья учительницы Анны Петровны Агафоновой.

Начало 1930-х гг. Новосибирск, фото М. Товстоуха

Неизвестные.

*Вторая половина
1920-х – нач. 1930-х,
Новосибирск*

Истомины.

1920-е гг., Новосибирск

Коллектив венерологического диспансера.

1930-е гг.

Снимки из альбома врача-венеролога Георгия Александровича Истомина

«Юрка–Индюк».
1928 г., Новосибирск
Фото Н. П. Борцова

Вука Прохоров.
1927 г., Новосибирск
Фото Шевцова

Валентин Сиряченко
1930 г., Новосибирск

**Влад Павлов
с друзьями.**
1931 г.,
Новосибирск

БОЖЬЯ НИВА

На пути к некрополю

 История старых городских и сельских кладбищ сегодня волнует многих людей. Отечественные журналисты, краеведы и профессиональные историки по всей стране собирают сведения о заброшенных погостах, разоренных могильниках, пытаются возродить хотя бы часть утраченной в перипетиях социально-политических конфликтов и культурных коллизий XX века памяти о предках. Едва ли это случайно. Родовая память позволяет соотнести себя с поколениями предков и с потомками, локальная историческая память «привязывает» человека к месту, где он живет, делает его способным глубже чувствовать свою Родину. Могилы предков «подпитывают» историческую память, уточняют ее, придают ей достоверности, приводят к мысли о бесконечности человеческого существования. В старину кладбище иногда называли «Божьей нивой», ведь это место издавна считали святым. Кладбище не просто наглядно повествует о наших корнях и истоках, оно символизирует своеобразную победу культуры над необратимостью времени и неизбежностью кончины и боли утрат. Именно поэтому погосты и старые могильники называют «национальным достоянием» и «культурным богатством».

Человек смертен, и страх перед смертью однажды испытывает каждый. Ведь смерть разделяет людей, — память же, наоборот, соединяет. Условно, жизнь человека после физической смерти продолжается в памяти его близких. Сегодня мы нередко видим, как безразлично и безжалостно обращаются многие наши современники со старыми кладбищами, не задумываясь о последствиях своего вандализма. Беспамятство всегда ведет к дезориентации, психологическому и духовному ослаблению, к одиночеству и неумению отделять зерна от плевел. Едва ли возможно дорожить городом без истории, ждать, что расцветет и принесет плоды тощая былинка без корней.

То, что происходило в XX в. с кладбищами нашего города, было в целом характерно для всей страны. Политические и идеологические причины разрушения старых кладбищ понятны: в стране менялась власть, ее легитимность требовала обоснования, поэтому приходилось ломать старую память, искоренять народную любовь к «устаревшим» героям, формировать новый героический пантеон и новые мифы о происхождении власти. Однако не только политические контексты стоит учитывать, пытаясь понять причины осквернения и забвения того, что ценно в духовном отношении. В XX веке в нашей прежде аграрной стране исчезло крестьянство, являвшееся хранителем национальных традиций. Глобальные модернизационные процессы, захлестнувшие Россию, изменили человека, поставили его перед проблемой культурного выбора и непростой адаптации к новым условиям. Ново-николаевск-Новосибирск — это своеобразный город, его отличают высочайшие темпы демографического и экономического роста. Движение на слишком высокой скорости и объясняет появление множества проблем, которые нельзя решить быстро. То, как приспособлялся к этим специфичным условиям «маленький» горожанин в первой

половине прошлого века и как он решал свои духовные проблемы, отчасти проясняет вопрос отношения новосибирцев к городским кладбищам.

Эта работа — о коллизиях исторической памяти новосибирцев. Одним из следствий этих коллизий, или, если угодно, конфликтов разных исторических памятей, конфликтов, происходивших в крайне нестабильных политических условиях первой трети XX в., становилось не только появление революционных мемориалов, но и разрушение старых кладбищ, забвение и осквернение старинных могил. Моя цель — показать перипетии «судеб» старых кладбищ Новосибирска с учетом специфики развития нашего города и особенности исторической памяти новосибирцев в период с момента появления в Новосибирске первого кладбища (1896 г.) и до уничтожения последнего дореволюционного могильника в 1968 г.

В этой работе не будет зловещих «баек из склепа», но реальные факты подчас куда страшнее. Отечественная история, отраженная в источниках, порой непредсказуема даже для опытного исследователя. В процессе работы мне неоднократно приходилось переживать сильные эмоции — удивление, страх, негодование. Читателю наверняка интересно, какие биографические обстоятельства моей личной жизни обусловили начало исследования такой необычной темы. Этих обстоятельств, по крайней мере, два. Во-первых, я живу неподалеку от Центрального парка культуры и отдыха. Еще в школьные годы, во время экскурсии по Новосибирскому краеведческому музею, я задержалась у дореволюционного плана нашего города. Из любопытства мне хотелось найти место своего дома и узнать, что находилось там прежде. Я без труда отыскала улицу Каменскую (ее название не изменилось) и территорию Центрального парка, которая была сплошь зарисована крестами. Так я узнала, что живу напротив

бывшего кладбища. Это «открытие» меня поразило. Потом, гуляя по парку, я приглядывалась к старым деревьям, к земле, пытаюсь отыскать хоть какие-то признаки, которые могли напомнить о прошлом парка. Никаких признаков не обнаруживалось. Поэтому в голове надолго засел вопрос: почему не осталось и следа от старого кладбища, почему на месте людской скорби веселятся потомки?

Второе обстоятельство связано с тем периодом моей жизни, когда я училась в педагогическом лицее. Неподалеку от него располагается небольшая березовая рощица. Я с детства знала, что в этой рощице раньше было кладбище, где похоронена и моя прабабушка Катя. Весной лицеисты обычно делали уборку на месте старого кладбища, там же ранней осенью у нас проходили уроки физкультуры. Мы видели горы мусора, собственноручно его собирали в большие черные пакеты и случайно находили старые могильные плиты, перед которыми невольно останавливались, читали надписи, недоуменно молчали. Трудно вспомнить, о чем мы тогда думали, но образы заброшенных могилок осели в памяти. Мои школьные вопросы и впечатления стали вновь актуальными, когда я занялась историей профессионально. Меня интересует история городской повседневности. В процессе исследовательской работы я часто встречаюсь и беседую со старожилами Новосибирска, записываю их воспоминания. Общаясь с пожилыми людьми, я поняла: тема разрушения новониколаевских кладбищ для многих очень значима. Мне захотелось понять, почему так противоречива память наших современников о старых новосибирских могильниках: почему одни до сих пор не могут забыть, как ломали кладбищенские кресты и ровняли с землей могильные холмики, а другие постоянно вываливают мусор на чьи-то захоронения. Так возникла идея данной работы.

Без кладбища жить невозможно

ще до того как на картах Российской Империи появился безуездный город Ново-Николаевск, здесь находился Новониколаевский поселок, жители которого остро нуждались в создании кладбища. На строительстве железнодорожного моста через Обь в тяжелых условиях трудилось большое количество людей. В 1895 г. в поселке проживало около пяти тысяч человек, и некоторые из них, случалось, естественным образом отходили в мир иной. Стоит отметить, что не только старость, болезни и тяжелый труд уносили жизни местных обитателей. В 1912 г. Н.П. Литвинов, написавший первую историю Новониколаевска, отмечал, что в начальную пору существования поселка здесь сильно распространились карточные игры и пьянство, а потому грабежи и убийства, с которыми малочисленная полиция тех лет не могла справиться, «не заставили себя ждать». С.В. Чернышов, живший в Новониколаевске с 1900 г., объяснял в своих мемуарах криминогенность обстановки тем фактом, что «на строительство железной дороги прибыло много пришлого народа, часть которого не отличалась благонравием». По словам С.В. Чернышова, «убийства и грабежи совершались очень часто, в городе возникали целые банды»; кроме того, «драки парней на улице были очень частым явлением, иногда, бывало, дело доходило до смертоубийства».

И если отсутствие тротуаров, мощеных улиц, водопровода, приемных покоев в больницах и прочих элементов городской инфраструктуры было всего лишь неудобным, то жить без кладбища было просто невозможно. Среди мостостроителей было значительное количество крестьян, прибывших из соседних деревень и сел, прежде всего из Большого Кривощекovo. Поэтому первых умерших жители Александровского (позже Новониколаевского) поселка предавали земле преимущественно на сельском кладбище этого

и других окрестных населенных пунктов. Похоронной процессии обычно приходилось по воде переплываться на левый берег Оби. Конечно, погребение крестьян в родном селе соответствовало народной традиции и облегчало уход родственников за могилами. Однако многие мостостроители перебрались в поселок со своими семьями, в Новониколаевском даже появилась улица Кривощековская, которая существует и сегодня. Кроме того, имели место и существенные неудобства в использовании этого кладбища. Весной из-за таяния снегов начинался период бездорожья, и на левый берег Оби с правого было, по словам обывателей, «совершенно невозможно добраться». По санитарно-гигиеническим причинам похороны нельзя переносить, дожидаясь установления дорог. Однако откладывать погребение умерших в период распутицы, по всей видимости, приходилось. Поэтому в 1895 г. жители поселка составили приговор, адресованный управляющему Кабинетом Его Императорского Величества, в котором просили об отводе земельного участка под поселковое кладбище на правом берегу Оби. Одновременно жители просили разрешения у духовной канцелярии на строительство храма во имя Святого Благоверного Великого князя Александра Невского, а также ходатайствовали о выделении материальных средств на строительство. В это время Николаем II был учрежден Фонд имени императора Александра III, средства которого шли на строительство церквей в городах, располагавшихся по линии Сибирской железной дороги. Поэтому вскоре поселок безвозмездно получил участок земли под церковь, деньги на строительство храма и землю под кладбище. Таким образом, датой основания первого новониколаевского кладбища можно считать 1896 год. К середине года в поселке уже проживало около 8600 человек, а значит, потребность в кладбище проявилась еще сильнее. Сведения об отводе земли под создание первого новониколаевского кладбища и сегодня можно найти среди документов фонда Кабинета Его Величества,

который находится в Российском государственном историческом архиве Санкт-Петербурга.

Стоит высказать предположение о наличии захоронений в поселке до официального получения земли под кладбище. Вполне возможно, где-то за пределами жилых кварталов Новониколаевского хоронили умерших и до 1896 г. Однако документальных подтверждений этой версии пока не обнаружено.

Заметим, на плане поселка Новониколаевского, составленном в том же 1896 г. чертежниками А. Васно и В. Таповским, кладбище не обозначено. На месте будущего кладбища изображены незастроенные кварталы. По всей видимости, проектировщики не ожидали, что город будет разрастаться и застраиваться очень быстро, а кладбище, место под которое выделялось за пределами поселковой застройки, уже скоро окажется практически в центре города.

Появление таких важных объектов городской среды, как первый каменный храм и кладбище, свидетельствует о том, что недавно прибывшие на стройку рабочие, переселенцы и предприниматели не собирались покидать поселок и после окончания строительных работ. Важно, что выделенных на строительство собора государством средств не хватило, поэтому достраивался он на народные деньги. Из документов заметно, что жители поселка гордились своим новым собором. В отчетном письме в Духовную Канцелярию с воодушевлением говорилось, что «храм — это первое здание, которое представляется взорам путешественников при входе в так называемую Среднюю Сибирь». Вместе с такой важной достопримечательностью, как собор Александра Невского, у будущего города появлялось и первое место памяти, где покоился прах основателей поселка, среди которых было немало строителей моста и членов их семей. Возраст населенного пункта был всего лишь 3 года, но у поселка уже возникала история, у местного населения складывалась локальная идентичность и общая историческая

память. Показательно, что 29 октября 1900 года в пределах ограды собора Александра Невского был похоронен 43-летний инженер путей сообщения, начальник 9 участка Сибирской железной дороги Николай Михайлович Тихомиров, который считается одним из отцов-основателей Новосибирска. После окончания работ по строительству моста он стал во главе строительства собора Александра Невского. По воспоминаниям супруги Марии Ананьевны Тихомировой, Николай Михайлович вдохновенно отдавался труду, лично перепроверял качество проделанной строителями работы — как говорится, вкладывал в работу всю душу. Освящение храма состоялось 29 декабря 1899 г. А менее чем через год Тихомирова не стало. Известно, что тело инженера провозжала в последний путь огромная толпа поселян, о чем свидетельствуют фотодокументы. В лице дворянского сына Тихомирова у поселка появился свой местный герой, могила которого находилась не просто на всеобщем обозрении, а в святом месте. Традиционно в церковной ограде хоронили либо священнослужителей, либо людей, имевших особенные заслуги перед городом. Таким образом, местонахождение захоронения инженера подчеркивало важный вклад этого человека в «великое дело» — основание населенного пункта, которому уготовано большое будущее. По всей видимости, современники Тихомирова считали его не только героем местной истории, но и героем имперского масштаба. Тихомиров активно участвовал в строительстве Транссибирской магистрали, возведение которой прославляло царствования Александра III и Николая II, считалось и до сих пор считается одним из важнейших достижений экономического развития России на рубеже веков.

Но вернемся к повествованию об «упокоище», которое неизбежно росло вместе с молодым поселком. Первое кладбище со временем стали называть «Старым городским кладбищем», в прессе также встречается название «Центральное». Оно находилось там, где сейчас располагается

Центральный парк культуры и отдыха и стадион «Спартак». Первый, известный современным краоведам план города Новониколаевска был составлен в 1906 г. В 1903 г. Новониколаевск стал безуездным городом Томской губернии с упрощенным городским управлением. Старое кладбище уже четко обозначено на плане 1906 г. Оно состояло из двух неравных по размеру частей, которые были разделены Вагановской улицей (ныне ул. Фрунзе). Большая прямоугольная часть кладбища уже была окружена с трех сторон застроенными кварталами. С южной стороны кладбище ограничивалось улицей Ядринцевской, с запада — Александровской (ныне ул. Мичурина), с востока — Каменской. В непосредственной близости к кладбищу жили также обитатели уже застроенных Журиной, Гуляевской (ныне ул. Романова) и Потанинской улиц. По плану 1906 г. вторая, трапециевидная часть кладбища, располагавшаяся с севера от Вагановской улицы (дороги), находилась еще за пределами городской застройки. Однако, судя по этому же плану, предполагалась дальнейшая застройка жилых кварталов за кладбищем. Эти кварталы позже стали называть «Ипподромской частью», поскольку основной достопримечательностью этой части Новониколаевска являлся ипподром. План застройки был вскоре реализован, и Старое кладбище оказалось практически в центре Новониколаевска.

В 1907 г., согласно православной традиции, построили и освятили кладбищенскую церковь, которая была названа Воскресенской. Она располагалась на месте современной парковой эстрады, то есть со стороны ул. Мичурина. Небольшая деревянная церквушка создавалась по инициативе членов церковно-технического попечительства при храме Александра Невского, строилась на добровольные пожертвования новониколаевцев и на средства, собранные от продажи мест на кладбище. По сведениям краоведа Е.А. Шабунина, церковь имела свой приход, к которому относились жители «ипподромских» кварталов, а с нача-

лом Первой мировой войны церковь стала обслуживать и нужды военного городка.

По данным справочника «Города России в 1904 г.», изданного в Санкт-Петербурге, в Новониколаевске имелось три кладбища. Но на плане 1906 г. изображено только одно. По всей видимости, авторы справочника имели в виду разделение Старого кладбища на Православное, Католическое и Иудейское. В 1904 г. в городе уже проживало 26 267 человек. 95 % населения Новониколаевска составляли русские православные обыватели, 0,5 % населения было представлено «турко-татарами» магометанского (то есть мусульманского вероисповедания), 1 % населения составляли евреи (иудеи), 3 % населения города названы в справочнике «Города России в 1904 г.» «поляками католического вероисповедания», еще 0,5 % населения города составляли немцы-протестанты (лютеране). Традиционно умершим разного вероисповедания в России отводились под захоронения отдельные участки кладбища. Источники (метрические книги) позволяют утверждать, что на православном кладбище был отведен небольшой квартал и для лютеранских могил. Но не известно, в какой части кладбища хоронили поначалу умерших мусульман, которых в Новониколаевске было еще немного, как, впрочем, и лютеран.

В 1914 г. был издан аналогичный справочник, содержащий более «свежие» данные. Он вышел под заголовком «Города России в 1910 г.». Из этого справочника следует, в Новониколаевске уже имелось шесть кладбищ: Православное, Католическое, Протестантское, Иудейское (еврейское), Магометанское и еще одно, попавшее в категорию «прочие». Собственно говоря, все эти кладбища располагались на территории Старого кладбища; точнее, являлись его частями. Ясно, что к 1910 г. представители всех конфессиональных групп Новониколаевска получили свои участки на кладбище, где могли осуществлять погребение усопших в соответствии со своими религиозными традициями. Без-

условно, наличие всех этих «кладбищ» скрепляло идентичность этно-конфессиональных групп городского населения. Стоит пояснить, что «прочим» в справочнике, по всей видимости, названо холерное или «заразное» кладбище, под которое в 1910 г. отвели квартал № 141 в Центральной части города. Старое же кладбище занимало кварталы №№ 140, 142, 152 и 153. Холера и другие инфекционные заболевания (тиф, натуральная оспа, легочный туберкулез) являлись в те годы большой проблемой для быстро растущего и очень грязного городка, где не было водопровода. Жители Новониколаевска пили воду из местных рек, и это неизбежно приводило к плачевным последствиям. В прессе то и дело сообщалось о новых вспышках холерной инфекции: в 1908, 1909, 1910 г. Летом 1910 г. в городе случилась настоящая эпидемия холеры, унесшая множество жизней. Тогда и было создано Холерное кладбище. А городские власти, обрисовав масштабы эпидемии, решились просить ссуду у царского правительства на строительство в городе водопроводной сети. Впрочем, это прошение было отклонено Кабинетом Его Императорского Величества по причине наличия существенного долга Новониколаевска казне.

Краевед М.И. Корсакова описала и еще одно, самостоятельное существовавшее Магометанское, или «Татарское», кладбище, участок под которое был отведен Новониколаевской городской управой в 1908 г. неподалеку от Татарской слободы (место современной ул. Татарской и Татарского спуска). Еще это кладбище называли «Узбекским», поскольку здесь часто предавали земле умерших выходцев из Узбекистана, мусульман по вероисповеданию. Корсакова отмечает, что даже после того как участки под магометанские захоронения были отведены и на Закаменском, и на Новом кладбищах, о которых речь пойдет далее, «Узбекское» кладбище продолжало существовать довольно долго.

Сегодня нельзя ответить точно, где до революции хоронили самоубийц. По традиции, хоронить людей, покончив-

ших с собой, вместе с останками тех, кто умер по другим причинам, не полагалось. Отказ хоронить утопленников и удушенных на общем кладбище был связан с народным поверьем о возможном бедствии, которое постигнет весь край, если нарушить это правило. Не хоронили в старину на кладбищах и преступников. Все эти категории грешников предавались земле в лесу или в поле. Для людей, умерших по дороге, существовали особые убогие дома. Однако в Новониколаевске их не было. Известны некоторые случаи захоронения на православном кладбище мертвецов, снятых с вагонов проезжающих поездов. Метрические книги также фиксируют сведения о местах захоронений самоубийц. Обычно в этом случае записывали: «На местном православном кладбище». Были эти записи формальными или отражали реальность? Так или иначе, ничего не остается, кроме того, чтобы поверить источникам. Будем считать, что самоубийцы находили последний приют все-таки на городских кладбищах.

Вернемся к повествованию о Старом кладбище. К середине первого десятилетия XX в. стало ясно, что кладбище расположено неудобно, его нахождение в центре Новониколаевска вредно в санитарном смысле и неуместно с точки зрения этических и эстетических соображений. Известно, что еще в годы царствования Екатерины Великой, Указом от 17 ноября 1771 г. Сенат запретил по всем городам захоронения при церквях и потребовал создания кладбищ за городской чертой. Однако к концу XIX в. соблюдение этого правила повсеместно стало затруднительным, поскольку темпы урбанизации усиливались и во многих городах России кладбища, находившиеся раньше на окраинах, оказывались в центре. Поэтому министр внутренних дел предоставил местным градоначальникам и архиереям право самостоятельно решать, где именно лучше устроить городское кладбище. Таким образом, нахождение Старого городского кладбища в центре Новониколаевска нельзя

было считать противозаконным, но в нашей стране уже укоренилось правило размещать кладбище за пределами городской черты. В начале XX в. нарушение традиций все-таки часто вызывало еще в обществе негативную реакцию, тем более если речь шла о населении небольшого провинциального городка, где сильны были связи с традиционно ориентированным селом.

Население города стремительно увеличивалось. В 1907 г. здесь проживало уже 43 600 человек. При этом в губернском городе Томске, по подсчетам статистиков, было 79 293 жителя. Думается, при подсчете численности населения Новониколаевска не учитывались люди, которые жили здесь временно и приезжали на заработки, а таковых в городе было много. Только в 1907 г. в городе умерло 1793 человека, а это значит, что актуальной проблемой того времени было расширение территории небольшого Старого городского кладбища, которое оказалось застроенным со всех сторон.

Местонахождение кладбища в центре города было нежелательным и с точки зрения полицейских, которые считали кладбище местом небезопасным в криминальном отношении. 3 октября 1908 г. на заседании уполномоченных Новониколаевска по вопросу об отводе места под новые кладбища в Центральной и Закаменской частях города было принято постановление о закрытии Старого кладбища. Начали работу специальные комиссии, определявшие новое место под городское кладбище. Первый проект Нового кладбища был отклонен, поскольку его признали нерациональным — кладбище было запланировано слишком далеко от города. М.И. Корсакова отмечает, что закрытие кладбища не вызвало энтузиазма у православной церкви, которая опасалась протеста обывателей. Многие новониколаевцы, в числе которых были и гласные думы, уже выкупили места под захоронения на этом кладбище для себя и своих близких, а вернуть им деньги не представлялось возможным. Газета «Народная

летопись» сообщала о возникших сложностях с закрытием кладбища, доводя до сведения читателей, что гласный думы Литвинов и несколько его сторонников настаивают на закрытии кладбища. По всей видимости, Литвинов и его сторонники придерживались такого мнения, понимая, что, «покупая» место под могилу, обыватель не приобретал участок кладбищенской земли в собственность, а лишь получал исключительное право пользоваться этим местом для погребения, поэтому довод о «выкупленных местах» был не так уж и значим.

С инициативой закрытия кладбища выступил и владелец бюро похоронных процессий Г.Ю. Булышко. 13 июня 1909 г. он обратился в Новониколаевскую городскую думу с заявлением, в котором предлагал перенести Старое кладбище за черту «городского жилья», объясняя свою позицию санитарными соображениями: на здоровье вредно действуют «газы, выделяющиеся при разложении трупов из могил». Он же предложил создать на месте кладбища городской сад. Эта идея была поддержана как городской думой, так и газетчиками, которые рассказали об идее Булышко в прессе. В газете «Народная летопись» говорилось: «Действительно, занимая большую площадь, покрытую сплошь густым лесом, кладбище могло бы служить прекрасным городским садом, в котором у нас в городе ощущается крайняя нужда. С другой стороны, кладбище внутри города, а тем более в центре его — не место». На кладбище, действительно, было много уже взрослых деревьев. При этом в самом городе зеленых насаждений явно не хватало, летом Новониколаевск становился душным и пыльным. Сады «Альгамбра», «Свобода», «Богемия», «Александровский», «Сосновка» оставались небольшими, имевшихся в них зеленых насаждений было недостаточно для «освежения» городского воздуха.

Но вопрос с «оплаченными» местами не давал возможности такого простого решения проблемы, поэтому

городская управа решила в сентябре 1909 г. закрыть Старое кладбище частично. Было принято решение закрыть не отвечающую санитарным требованиям часть кладбища, где хоронили бесплатно. При этом около Воскресенской церкви сохранялся действующий погост, где хоронили усопших за деньги и только по специальному разрешению. По названию храма и погост стали именовать «Воскресенским». Церковь продолжала работу; в ее обязанности, кроме прочего, входила и забота о благоустройстве Старого кладбища.

Население кварталов, находившихся возле Старого кладбища, беспокоило соседство с мертвецкой, источавшей трупный запах. Когда вопрос о переносе кладбища был решен, жители этих кварталов подали заявление в городскую управу с просьбой перенести и мертвецкую на новое, «дальнее» кладбище. Свою просьбу они мотивировали тем, что «мухи с умерших через окна имеют свободный доступ в их жилища, а мыши и крысы из мертвецкой могут перебегать в их погребя и кладовые».

Два новых кладбища открылись в 1911 году. В начале 1911 г. газета «Обская жизнь», по крайней мере, трижды сообщала о закрытии Старого кладбища и об открытии нового «за городом по Каменской дороге, сажень за 400 от последнего квартала». В газете сообщалось, что на Новом кладбище имеются православная, католическая и еврейская части, отдельный участок также отведен для старообрядческих захоронений. Однако в действительности на этом кладбище были и другие участки.

Кладбище, которое стали называть «Новым городским», находилось на месте современного парка «Березовая роща». М.И. Корсакова отмечает, что местные жители иногда называли это кладбище «Татарским», отождествляя его с Магометанским кладбищем, открытым поблизости. Старые планы города свидетельствуют, что кладбище планировалось на этой территории еще в 1906 г., а в 1907 г. здесь уже имелось кладбище, названное после «Старым

русским кладбищем». Территория Нового кладбища была поделена на участки: здесь имелось большое Православное кладбище, отводились небольшие участки под захоронения мусульман, католиков, лютеран, иудеев, староверов. Сравнительно большой участок отвели под «заразное» кладбище. На месте Старого русского кладбища (в северном углу) отвели участок под братские могилы, а в северо-восточной части определили место под захоронения военных. Еще в начале 1910-х гг. запланировали построить здесь церковь, но этот замысел осуществили только в 1925 г.

Закаменское кладбище официально было открыто также в 1911 г. Однако и там уже имелись захоронения. Кладбище открыли на меже с наделом крестьян соседней деревни Усть-Ини на расстоянии 200 саженей от последнего городского жилья. Площадь могильника была небольшой, она составляла всего 8 десятин и 8 квадратных сажен. О будущем, официально утвержденном местоположении Закаменского кладбища жители города могли узнать уже в 1909 г. из газеты «Народная летопись». Сегодня о существовании Закаменского кладбища напоминает небольшая березовая рощица, находящаяся на пересечении улиц Воинской и Никитина в Октябрьском районе. На этом кладбище также имелось традиционное разделение на части для захоронений православных, магометан, иудеев и католиков. Здесь планировали построить церковь, но эта идея не была реализована.

Кроме того, если верить прессе, до революции существовало также кладбище и в Вокзальной части Новониколаевска — на Иркутской улице. По крайней мере, так сообщалось в газете. Однако на планах города разных лет это место не обозначено. Отметим также, что в 1913 г. на пересечении Туруханской и Кабинетской улиц началось строительство церкви Вознесения Господня. В ограде этой церкви имелся небольшой погост. Старожилы отмечали, что близ Вознесенского собора существовали захоронения.

Мир праху твоему...

 революционные кладбища были небольшими. Их внешний облик отличался от вида современных кладбищ. Православные обычно ставили на могилах кресты, чаще деревянные, но бывало, что мраморные и металлические, кованные. Сегодня трудно сказать наверняка, как выглядели старые захоронения. Но на могилах начала XX в., сохранившихся на кладбищах Санкт-Петербурга, можно видеть не только кресты, но и каменные надгробия в форме небольших часовенок с маковками, прямоугольные плиты с гравировкой, горизонтально вкопанные в землю; фигуры плачущих ангелов, мраморные памятники в виде гробов и т.п. Не известно, было ли что-то подобное в Новониколаевске. Возможно, наш город утратил старинные надгробия, являвшие собой произведения искусства.

Ясно лишь, что в разных частях кладбища можно было видеть как простенькие деревянные крестики безо всяких табличек, так и кресты изящные, искусно выполненные. На могилах состоятельных горожан можно было найти разнообразные венки с искусственными цветами из пестрых лоскутков ткани, фарфора, бисера, украшенные бусинами. Эти могилы не были безымянными, на крестах и надгробиях имелись таблички с именами усопших, датой рождения и смерти, имелся и портрет покойного. По всей видимости, некоторые надгробия украшали эпитафии, которые, однако, не сохранились. Но новосибирский писатель и актер И.М. Лавров запомнил с детства надписи на надгробных плитах: «Спи спокойно, наш любимый и дорогой отец», «Пусть земля тебе будет вечным пухом», «Жди меня, доченька, в мире вечного покоя», «Мир праху твоему» и другие. Возможно, в этих выражениях, вспомнившихся писателю спустя много лет, нет точности, но в целом они передают содержание новониколаевских эпитафий. Томским историкам удалось найти эпитафии, помещавшиеся на

надгробиях старых кладбищ Томска. Среди этих эпитафий встречаются даже стихи. К примеру:

Юная роза
Лишь развернула
Алый шипок,
Вдруг от мороза
Сразу увяла,
Сгинул цветок!..

Возможно, что и на могильных плитах Новониколаевска встречались подобные эпитафии в стихах. По крайней мере, в Петербурге, судя по воспоминаниям М.А. Григорьева, многие поэты и графоманы предлагали свои услуги похоронным конторам и частным лицам, желавшим разместить на надгробии близкого человека стихотворную эпитафию. Часто на крестах помещали небольшие образа. Некоторые ставили на могилах родных лампадки с зажженными свечами. Поэт Серебряного века Саша Черный так запечатлел образ русского кладбища начала XX в.:

«Продрогли кресты и ограды,
Могилы, кусты и пески,
И тускло желтеют лампы,
Как вечной тоски маяки...»

Эта унылая картина вселяет отчаяние, но и наводит на мысли о вечном, о вневременных ценностях, о противостоянии культуры и человеческой памяти забвению и распаду времен. Лампады, светившиеся в сумерках, должны были напоминать о вере в бессмертие души.

Едва ли сегодня сохранились фотоизображения Старого городского кладбища. Известна лишь одна, на которой запечатлена кладбищенская ограда и Воскресенская церковь. Как выглядел кладбищенский двор, остается только догадываться. Но о внешнем облике могил усопших благородного происхождения позволяет судить, в частности,

снимок захоронения Н.М. Тихомирова. На его могиле установили надгробие — тумбу из белого мрамора с черными прожилками, которую венчал большой резной крест. Имелась и золоченая табличка. Крест украшали венки с траурными лентами. Кстати сказать, ритуальные услуги в Новониколаевске предоставляли два «гробовщика», то есть два владельца похоронных бюро — Анциферов и Булышко, у которых можно было купить и гроб, и венки, и прочие необходимые для похорон вещи. К 1914 г. похоронным бюро владел также предприниматель М.Н. Шубский.

Бедные, «безымянные» могилки имели обычно какую-нибудь отличительную отметку. Неграмотные родственники запоминали могилу по месту, старались его пометить. Иногда на деревянных крестах выжигали имя и фамилию усопшего. Могилы неправославных тоже обычно отмечались надгробиями с религиозной символикой. Могилы располагались близко друг к другу, в бедных кварталах не устанавливались оградки. По воспоминаниям петербуржцев, в столице до революции практиковалась продажа мест на 20, 50, 100 лет и «навечно». Могилы, которые не посещались длительное время, могли предназначить для вторичного использования, в этом случае недавно умершего человека подхоранивали в могилу того, кто был погребен давно. Возможно, что нечто подобное практиковалось и в Новониколаевске, где было много приезжих, которые умирали вдалеке от родного дома и семьи, о чьих могилах некому было заботиться. Известно, что «подхоранивание» практиковалось издавна в России. Этнографами описан обычай, связанный с подобными практиками, когда в гроб тому, кого хоронили позднее, подкладывали деревянную палку для обороны от захороненного в этом месте ранее. Иногда на старый гроб кидали монеты, чтобы покойник из этого гроба радушно принял нового «жильца».

Традиционно возле могилки сажали деревья: березки, черемухи, рябины, яблони, поэтому кладбища со вре-

менем становились зелеными. По словам И.М. Лаврова, на превратившемся в березовую рощу кладбище весной было «белым-бело от цветущей черемухи». Яркие знаки весеннего обновления природы: буйная майская зелень, цветущие и благоухающие кладбищенские деревья — все это вызывало у посетителей ощущение быстротечности земной жизни и надежду на жизнь вечную — после смерти. Могилки засаживали садовыми и полевыми цветами. Букеты цветов обычно приносили с собой, идя «проведывать» усопших. Цветы, по мнению этнографов, связаны с символикой воскресения. Неся покойному букетик цветов, близкие как бы помогали ему возродиться, обрести вечную жизнь. Когда отцветали черемухи и яблони, здесь распускались другие, летние цветы. На городских улицах было душно и грязно, здесь же царила прохлада.

То и дело кладбищенская тишина нарушалась плачем людей, провожавших в последний путь покойника. Кировский историк, профессор В.А. Бердинских, на протяжении длительного времени собирал в деревнях устные воспоминания о быте, нравах, традициях прошлого. Крестьянские истории о кладбищах и похоронах, записанные В.А. Бердинских и его помощниками, помогают и нашему исследованию, ведь в Новониколаевске не было коренных жителей, значительная часть первопоселенцев приехала из европейской России. Если бы на метрических книгах, свидетельствующих о смерти жителей Новониколаевска, не отмечалось, в каком населенном пункте эти книги составлялись, установить место их создания было бы трудно. Ведь обитатели Новониколаевска длительное время оставались приписанными к тем местам Российской Империи, где они родились. Поэтому в метрических книгах можно видеть записи о смерти уроженцев чуть ли не со всех уголков страны. Впервые выражение «мещанин города Новониколаевска» встретилось мне в метрической книге за 1905 г., да и то один раз. Думается, рассказы потомков

вятских крестьян можно использовать и для реконструкции картины похорон и поминок в Новониколаевске, в числе первопоселенцев нашего города было много выходцев из Вятской губернии. Респонденты В.А. Бердинских говорили, что крестьяне боялись смерти и в то же самое время расценивали ее как важнейшее событие в жизни. Считалось, что до старости доживают только достойные жизни люди, поэтому стариков почитали. Похороны становились горем для всей округи, покойников дружно оплакивали, существовали даже специальные «ревуны», профессионально работавшие на похоронах. Посещение кладбища являлось обычно не просто поминовением усопших, с усопшими общались: говорили, сидели на могилах, ревели. При этом одинаково оплакивали и тех, кто умер недавно, и тех, кто скончался давно, и старых, и малых. Посещали обычно кладбище дважды в год: в Радоницу и на Троицу. Обязательно расстилали скатерть на могиле, поминали едой. Обобщив крестьянские воспоминания, В.А. Бердинских пришел к такому выводу: «Культура семейной, родовой памяти пестовалась, сохранялась, а беспамятство осуждалось». Похороны являлись событием духовной жизни тех, кто принимал в них участие: смерть заставляла задуматься о вечном, о Царствии Божием, о целях жизни, о моральности собственных поступков.

Чтобы составить представление о самой похоронной процессии, обратимся к работам этнографов. Сразу стоит отметить, что в Новониколаевске похороны проходили по-разному, ведь в разных уголках России традиции не одинаковы. Переселенцы из разных губерний придерживались собственных похоронных обычаев. Чаще всего хоронили покойных на третий день после кончины, но бывали и исключения, когда хоронили на второй день или даже спустя несколько дней. К примеру, почетный гражданин А.А. Добронравов из Новониколаевска умер 25 февраля 1905 г., а хоронили его только 8 марта. Курский этнограф

Т.И. Гаврилова отмечает, что перед похоронной процессией женщины разбрасывали цветы, несли распятие и икону, один из родственников нес крышку гроба на голове, следом шел священник. За гробом брели родственники, соседи, близкие, знакомые усопшего. Гроб несли на руках, а в могилу его опускали обычно на веревках или полотенцах, которые тоже помещали в могильную яму или вешали на крест, а иногда раздавали тем, кто нес гроб. Согласно древней традиции, присутствовавшие на похоронах люди, прощаясь с усопшим, бросали в могилу горсть земли. Погребение человека выражало его соединение с матерью землей, его кормилицей. На похоронах было принято говорить хорошее об усопшем, скорбеть об утрате. Так выглядели традиционные похороны.

Отмечу, что едва ли будет правильным идеализировать дореволюционные похороны и поминальные обеды. Если верить воспоминаниям, подчас поминки превращались в пьяное застолье с песнями и плясками, когда собравшиеся люди с трудом вспоминали, с какой целью они сели за стол несколько часов назад.

Судя по воспоминаниям местного революционера И.И. Шеина, в 1908 г. жители Новониколаевска стали свидетелями первых в городе «гражданских» похорон. В январе этого года от случайной пули погиб банковский служащий Абрам, состоявший в Обской группе РСДРП. Революционеры решили воспользоваться случаем и организовать такие похороны своего товарища, которые позволяли бы продемонстрировать силу Обской группы. Во второй половине дня торговые служащие и рабочие направились к месту выноса гроба. Внушительная процессия двигалась к кладбищу. Рабочие и служащие несли венки с красными лентами от Обской группы РСДРП, у могильной ямы был устроен митинг. Заметим: те же традиционные цветы (венки), те же рыдания и традиционные упоминания заслуг усопшего (панихида). Внешняя форма традицион-

ного обряда, по сути, сохранялась и на этих похоронах, но появлялось новое содержание смысла похорон. Революционеры, стоя у гроба человека, в действительности ничего особенного не сделавшего для революции, призывали бороться с «царизмом». Похороны стали политической акцией. Жандармы пытались силой остановить эту необычную похоронную процессию, но ее организаторы были готовы к сопротивлению полиции, боевая дружина запаслась оружием и добилась устройства похорон по своему сценарию. Так память о банковском служащем Абраме получила политическую окраску, роль этого человека в мировой революции была намеренно преувеличена, а могила его сделалась одним из первых в Новониколаевске памятников классовой борьбы.

Но далеко не только и не столько могилой «революционера» Абрама было примечательно для современников Старое городское кладбище. По данным метрических книг новониколаевских церквей, здесь покоились выходцы из Амурской, Воронежской, Вятской, Екатеринославской, Енисейской, Иркутской, Казанской, Киевской, Костромской, Курской, Минской, Московской, Нижегородской, Оренбургской, Пермской, Полтавской, Псковской, Рязанской, Самарской, Санкт-Петербургской, Саратовской, Симбирской, Смоленской, Тобольской, Томской, Уфимской, Харьковской, Херсонской, Черниговской и других губерний империи. Были здесь и могилы выходцев из соседних сел и деревень, из ближайших городов: Барнаула, Бийска, Каинска, Кольвани, Омска, Томска. Имелись и захоронения иностранцев. В задачу автора не входит подробное описание всех новониколаевских захоронений, но сказать о наиболее примечательных, безусловно, необходимо.

Самая ранняя из метрических книг Александро-Невской церкви заполнялась в 1900 г. Ее раздел «Об умерших» начинается записью о кончине крестьянина из Барнаульского уезда Томской губернии Александра Николаевича

Зырянова. Молодой человек умер в двадцать восемь лет от порока сердца и был захоронен на Старом городском кладбище. Среди похороненных в этом месте было множество людей крестьянского сословия, но немало здесь покоилось останков мещан; имелись редкие захоронения представителей купечества, дворянства и духовенства. Среди захороненных были люди разного возраста. Здесь были могилы старых людей. Среди них отметим захоронения мещан Герасима Макаровича Волкова из Челябинска, который умер в 1900 г. в возрасте 81 года; вдовы колыванского мещанина Ирины Алексеевны Гребневой, которая прожила 75 лет и умерла в Новониколаевском поселке в том же 1900 г.; оренбуржца Семена Михайловича Докучаева, прожившего 80 лет и скончавшегося в 1904 г.; одесского мещанина Дмитрия Ивановича Шипунова, который умер в 1903 г. на семьдесят втором году жизни. Здесь имелось погребение отставного солдата, мещанина по происхождению Степана Меркуловича Яковлева, который приехал из Томска и жил в Новониколаевске до 1902 г. Скончался он в возрасте восьмидесяти восьми лет. Тут можно было отыскать и могилку девяностолетней мещанской вдовы Марфы Ивановны Глебовой, скончавшейся в 1907 г. Вообще, таких старых людей в городе было мало. Обычно священники новониколаевских церквей вели счет умерших по возрастным группам. Как правило, людей, умерших в 85–95 лет, за год насчитывалось не более двух по одному церковному приходу. По подсчетам историка В.А. Зверева, средняя продолжительность жизни в Сибири на рубеже веков составляла всего 33–35 лет.

Всегда становится грустно, когда видишь могилы молодых людей. Таких захоронений на старом кладбище имелось множество. К примеру, в земле этого погоста покоились останки двадцатилетней мещанки Александры Холчиной, умершей при родах; девятнадцатилетней мещанки из Самары Клавдии Васильевны Рыжаковой, не

пережившей послеродовую горячку; колыванского мещанина Петра Илларионовича Васильева, который расстался с жизнью в возрасте тридцати шести лет из-за воспаления легких.

Уровень медицинского обслуживания в Новониколаевске и других сибирских городах был невысоким. Часто больные люди вовсе не имели возможности обратиться к врачу и гибли, казалось бы, из-за пустяковых недугов — простуды, лихорадки, коклюша, малокровия... Часто священники записывали в графе метрической книги «причина смерти» не сведения о смертельном заболевании, а только его симптомы: головная боль, кашель, слабость, рвота и т. п. Специалисты по демографии отмечают положительные перемены в общей картине смертности в сибирских городах на рубеже веков. Но в Новониколаевске было особенно много ослабленных переселенцев, существенно не хватало врачей и акушерок, да и просто были антисанитарные условия. Поэтому от несвоевременной кончины никто не был застрахован.

На Старом городском кладбище упокоились останки многих людей, стоявших у истоков важнейших новониколаевских учреждений, контор, торговых и промышленных предприятий. Жизнь Новониколаевску дала железная дорога. В то же время наш город стал последней станцией на жизненном пути машиниста новониколаевского депо — Якова Николаева, умершего в возрасте сорока лет в разгар холерной эпидемии (1911 г.). Похоронен был на этом кладбище и один из первых почтальонов Новониколаевской почтово-телеграфной конторы — Яков Федорович Трубин, скончавшийся в 1907 г. от чахотки. В городе было мало врачей, поэтому услуги их были чрезвычайно востребованными. На мой взгляд, очень важно восстановить память о докторах, боровшихся в начале XX в. за здоровье и жизнь наших земляков. В 1908 г. на старом кладбище появилось захоронение отставного врача местного новониколаевс-

кого лазарета, статского советника Георгия Николаевича Сабурова, жизнь которого унесла пневмония. В этом же году здесь хоронили сорокадвухлетнюю женщину, чин которой был обозначен в метрической книге как «отставная повивальная бабка». Звали ее Параскева Николаевна Позднишева.

В Новониколаевске проживало немало предпринимателей. Были на Старом кладбище, соответственно, и купеческие захоронения. Здесь покоились останки купеческого сына Александра Ивановича Сурикова из Барнаула (умер в 1905 г.); новониколаевского купца первой гильдии Константина Алексеевича Туркина (скончался в 1907 г.); купца из Семипалатинской области — Александра Федоровича Смирнова (умер в 1907 г.). Еще тут был похоронен молодой бийский купец Федор Иванович Машинский, которого в 1908 г. застрелили. На старом кладбище были могилы военных высших чинов, к примеру, отставного унтер-офицера из Томска Галактиона Григорьевича Волкова (умер в 1905 г.) и унтер-офицера жандармского киевского управления Виктора Ивановича Данишека (умер в 1905 г.). Имелись тут и захоронения чиновников, например, титулярного советника Ивана Григорьевича Постникова (умер в 1903 г.).

На заре существования молодого города здесь поселились некоторые знатные, родовитые семьи. Поэтому на Старом кладбище можно было видеть захоронения дворян и почетных граждан. Стоит заметить, что в сибирских городах дворян проживало немного. В 1910 г. всего 1,8 % населения городов нашего региона составляли представители дворянского сословия. Конечно, новониколаевские дворяне не были титулованными. Но память о дворянских семьях, живших до революции в Новониколаевске, сегодня практически стерта, именно поэтому важно назвать их имена, указать место дворянских захоронений. Метрическая книга Пророко-Даниловской церкви Новониколаевска за 1902 г.

сообщает о смерти дворянской дочки Валентины Сергеевны Александровой, которой было всего три месяца. Тело девочки было погребено на Старом кладбище. Годом позже умерла от чахотки на тридцать третьем году жизни дворянка Витебской губернии Елена Павловна Вержбицкая, ее похоронили здесь же. В 1905 г. на Старом городском кладбище похоронили дворянина Тверской губернии Ивана Николаевича Самойлова пятидесяти девяти лет. Вскоре неподалеку появилась и крошечная могилка младенца Бориса, отцом которого был московский дворянин Василий Алексеевич Чуфаровский. Буквально через два месяца на этом погосте предали земле тело еще одного ребенка из дворянской семьи — двухлетней Веры Станиславовны Соколовской, родители которой приехали в наш город из Варшавы. В 1906 г. Соколовские вновь хоронили ребенка — дочь Игнатия Григорьевича Соколовского — Ларису, которой исполнилось лишь одиннадцать месяцев.

На старом кладбище можно было видеть могилы почетных граждан и членов их семей. К примеру, тут покоились останки почетного потомственного гражданина Александра Александровича Добронравова, скончавшегося в 1905 г. в возрасте тридцати восьми лет. Неподалеку была могила личного почетного гражданина Константина Викентьевича Нечаева, который умер от чахотки в сорок восемь лет. В этом же месте были похоронены двенадцатилетняя дочка почетного гражданина Александра Михайловича Луканина — Тонечка (умерла в 1905 г.) и шестилетняя Анечка — дочь почетного гражданина Порфирия Константиновича Виноградова.

Духовенство Новониколаевска было немногочисленным, но несколько захоронений представителей этого сословия можно было видеть на Старом городском кладбище. В 1903 г. здесь появилась могилка десятимесячной девочки Надежды — дочери священника станции «Обь» Григория Диатропова. Вскоре тут похоронили двухлетнюю

Елизавету — дочь дьякона Александро-Невской церкви Михаила Чистосердова (Шарова), умершую от кори. В 1907 г. на этом кладбище предали земле тело жены заштатного протоиерея Новониколаевска Александро-Невской церкви Диомида Чернышевского — Анны Павловны, которая скончалась от желтухи. В конце 1908 г. двухмесячную дочь Юлию хоронил священник, студент Санкт-Петербургской духовной академии Павел Матвеевич Смирнов. А в 1911 г. тут предали земле тело семимесячного Николая — сына дьякона Александро-Невской церкви Петра Павловича Головачева. Уже после закрытия Старого кладбища, в 1915 г., здесь в порядке исключения похоронили пожилого заштатного псаломщика Павла Петровича Смолина. А в середине 1917 г. земле Воскресенского погоста предали тело священника Александро-Невского собора Вениамина Ивановича Флоринского, умершего в тридцать один год от туберкулеза.

Н.П. Литвинов неспроста отмечал криминогенность обстановки в поселке. Судя по записям метрических книг, многие поселяне действительно пали от рук убийц. Печально, но жертвами преступников чаще становились женщины. Так трагически оборвались жизни похороненных на Старом кладбище — крестьянки из Барнаульского уезда Наталии Терентьевны Вихоровой, погибшей в возрасте шестидесяти двух лет; двадцатидвухлетней крестьянки из села Вахрушево Томского уезда Феклы Ионовны Корковой; девятнадцатилетнего мещанина из города Сосницы Черниговской губернии — Макария Ефимовича Марусенко. Имелись на кладбище и множественные захоронения неопознанных жертв убийц: молодых женщин, мужчин и детей. Однажды в 1907 г. полиция обнаружила трупы двух неизвестных мужчин, двух неизвестных женщин и младенца. Не удалось установить, кем они были, их могилы на Старом кладбище, похоже, так и остались безымянными. О страшном убийстве целой новонико-

лаевской семьи, которое произошло в 1910 г., и сегодня свидетельствуют документы. Убийцы погубили новониколаевского мещанина Авраама Филимоновича Чубуньева, его жену Параскеву Хрисанфовну, их двадцатипятилетнего сына Григория, невестку Надежду Петровну и младшего сына Александра, которому исполнилось только восемь лет. Судя по сведениям, содержащимся в метрической книге, смерти избежала лишь дочка Авраама и Параскевы — четырнадцатилетняя Анна, но и ее вскоре настигла рука убийцы.

Как и во все времена, некоторые новониколаевцы сами накладывали на себя руки. На Старом кладбище покоился прах самоубийц Ильи Ивановича Конева тридцати восьми лет — чиновника пятого разряда Новониколаевской почтово-телеграфной конторы; застрелившегося в 1900 г. из револьвера крестьянина Пермской губернии Петра Михайловича Понамарева; оренбургской молодой крестьянки Параскевы Виссарионовны Гущиной. В 1904 г. отравилась двадцатилетняя мещанская девица из Омска Наталия Федоровна Митрофанова, тело которой предали земле также на Старом городском кладбище. Была здесь и могилка шестнадцатилетней самоубийцы Марии Полтович из Енисейской губернии, которая повесилась в 1911 г. О трагическом самоубийстве мещанина Петра Васильевича Брагина напоминал еще один могильный холмик, появившийся в этом же году на Старом городском кладбище.

Нередко люди гибли от несчастных случаев. Сказывалась близость великой сибирской реки, из которой то и дело вылавливали утопленников. К примеру, в 1900 г. утонула пятнадцатилетняя девочка Пелагея Мошкина — дочь отставного солдата из Вятской губернии. Бывало, по весне находили тела пропавших без вести людей, которые всю зиму покоились под снегом. Так, в мае 1904 г. на Старом кладбище хоронили крестьянского мальчика двенадцати лет Петрушу Кравцевича. В 1905 г. нелепая смерть постигла

крестьянского юношу из деревни Тюменки Кривошековской волости — Александра Александровича Шумихина. Его «убило громом». Из-за специфики застройки дореволюционный город Новониколаевск архитекторы называют «деревянным». Поэтому новониколаевцам было трудно бороться с пожарами, которые нередко охватывали целые кварталы, оставляя людей без крова. В огне люди гибли. Так, в 1906 г. при пожаре погиб колыванский мещанин Григорий Ефимович Вихорев и его дети: шестилетний Николай и семилетняя Евгения. Немало жизней унес страшный пожар 1909 г. С.В. Чернышов так описывал увиденное: «День стоял жаркий, но очень ветреный. И вдруг небо покрылось тучей, как перед ураганом, а над городом взметнулись огненные языки пламени. Пожар быстро разрастался, и город охватила паника. Со всех мест бежали люди: кто по домам спасать имущество, кто тушить пожар, но тушить уже не было никакой возможности. Огонь бушевал с такой силой, что в воздух летели доски, куски дерева, горящие головешки. Пожар прямо на глазах перекидывался с одного квартала на другой... Пожар начался на Каинской улице и закончился на том месте, где сейчас оперный театр; дальше уже был пустырь. Сгорело очень много имущества, скота, были и людские жертвы».

Пожалуй, наш современник отметил бы, что на старых кладбищах было много маленьких могилочек. Тут были похоронены дети. Детская смертность в те годы действительно была очень высокой. Практически во всех семьях умирали младенцы. Не удивительно, что, по подсчетам священника Александро-Невской церкви, в 1900 г. скончалось 398 прихожан, из них 163 младенца до шести месяцев, 69 младенцев в возрасте шести — двенадцати месяцев, а в 1903 г. из 327 умерших 114 были младенцами до полугода, а 45 являлись младенцами шести — двенадцати месяцев.

В Новониколаевске существовал приют для подкидышей «Ясли». Зачастую и его маленькие обитатели не

выживали. Поэтому метрические книги новониколаевских церквей пестрят записями о смерти младенцев из приюта. Малышам обычно давали имя, но ни фамилии, ни отчества они, как правило, не получали. Заметна и еще одна особенность детской смертности в Новониколаевске. В молодой город, расположившийся на пересечении дорог, нередко приезжали молодые женщины, готовившиеся произвести на свет незаконнорожденных младенцев. В крестьянской среде родить ребенка до вступления в брак считалось величайшим позором, поэтому девицы, попадавшие в подобную ситуацию, нередко покидали родительский дом и стремились скрыться в чужих краях. Тяжелые условия жизни на новом месте часто не оставляли родившимся младенцам шанса выжить. Незаконнорожденные дети женщин из разных краев страны нашли последний приют в Новониколаевске. В одной из метрических книг мне даже встретилась запись о кончине ребенка девицы с Сахалина.

Так в общих чертах выглядело православное кладбище.

В лютеранском квартале было немного захоронений, но между строк метрических книг читаются грустные истории немецких семей, живших в нашем городе. В 1900 г. поселанин-собственник Карл Филиппович Глейн, приехавший из Самарской губернии, потерял сначала жену — тридцатитрехлетнюю Елизавету Карловну, а вскоре и трехмесячную дочку Эмилию, которая, видимо, заразилась от матери, умершей по причине «скоротечной лихорадки». В 1904 г. в этом квартале похоронили десятилетнюю девочку Марию Висингерх, скоропостижно скончавшуюся от тифа. В Лютеранском квартале был также захоронен сорокалетний Карл Генрихович Норманн — мещанин из Лифляндской губернии, погибший в 1911 г. от холеры. Рядом покоилась девятилетняя Августа Генриховна Тоннисон, скончавшаяся незадолго до Карла от скарлатины. Скорее всего, девочку похоронили рядом с отцовской могилой. Генрих Карлович

Тоннисон умер еще в 1907 г. от холеры. Источники позволяют сделать вывод о том, что Генрих, уйдя в мир иной, немного не дождался рождения сына Николая, который, однако, уже через год после рождения последовал за отцом. В 1908 г. умерла и Екатерина Никитична Тоннисон — двадцатисемилетняя женщина. Возможно, она являлась супругой Генриха и матерью Николая и Августы.

Данными о захоронениях мусульман, католиков и иудеев на Старом городском кладбище мы практически не располагаем. Лишь о могиле католика Иосифа Иохимовича Белькевича, похороненного на Старом кладбище в 1906 г., можно говорить как о достоверном факте. Этот человек был дворянином, и жизнь его прервалась трагически. В возрасте тридцати пяти лет Иосиф был застрелен из револьвера. Хочется надеяться, что ценная информация о местах погребения мусульман, католиков и иудеев будет со временем обнаружена и память об этих людях возродится.

Сегодня трудно сказать наверняка, в какой части Старого кладбища хоронили китайских подданных, умерших в Новониколаевске. Китайцы приезжали в Новониколаевск на заработки и с торговыми целями. Некоторым не суждено было вернуться домой. Их смерть фиксировалась в метрических книгах православных церквей. Из этих книг нам известно, что на Старом кладбище был захоронен китайский подданный Динь-Шуй-Чень, который, вероятно, занимался здесь предпринимательской деятельностью. Где-то на Старом кладбище похоронили убитого гостя из «Поднебесной» Цуй-Чженя. Были тут и могилы двоих неопознанных китайцев, которые были также обнаружены убитыми.

Захоронения на Новом городском кладбище ярко отражали тенденции социального развития города. Новониколаевск рос и притягивал все более разнообразную публику. Поэтому на Новом кладбище появлялись могилы довольно

интересных людей, многие из которых немало сделали для Новониколаевска. В 1913 г. земле этого кладбища предали тело врача Владимира Федоровича Сосунова, который скончался в возрасте сорока двух лет от разрыва сердца. Сосунов несколько лет жил и работал в Новониколаевске, рекламное объявление его кабинета неоднократно публиковалось в газетах, было размещено в «Справочнике по городу Новониколаевску» и других рекламных изданиях. В конце этого же года умер еще один новониколаевский доктор, которого похоронили на Новом кладбище. Это был тридцатилетний дантист Вениамин Иосифович Масман, причиной его кончины стала также болезнь сердца. В этом же году на Новом кладбище похоронили молодого человека — Семена Ивановича Яковлева, который служил секретарем новониколаевского полицейского участка, он заразился тифом и не справился с болезнью. Тут же покоились останки статского советника, главного контролера государственного контроля по постройке Алтайской железной дороги Николая Александровича Лобырева (умер в 1913 г.) и статского советника Дмитрия Ильича Камаева (умер в 1915 г.). Были на этом кладбище также могилы дворян, почетных граждан и купцов. В их числе можно упомянуть могилу новониколаевского купца Ивана Тимофеевича Сурикова, прожившего 62 года и умершего в 1913 г. По всей видимости, это его сын Александр, убитый в 1907 г., был похоронен на Старом кладбище. Среди детских могил имелось еще одно захоронение дочери учителя Козлова — Нины. Девятилетняя девочка умерла от воспаления легких. Наше исследование показывает, что учитель, посвятивший всю свою жизнь детям, похоронил, по крайней мере, двух дочерей и двоих сыновей. На этом же кладбище был похоронен младенец Леонид — сын доктора философии Петра Михайловича Жаркова. В 1915 г. коллежский секретарь Николай Алексеевич Хлебников два дня подряд хоронил своих новорожденных близнецов — Лидию, которая про-

жила неделю и Александра, на день пережившего сестру. Могилы двойняшек находились на этом кладбище.

Интересно, что на Новом кладбище имелись захоронения иностранцев. В 1915 г. здесь появились могилы детей персидских подданных: семимесячной девочки с русским именем Вера (ее отцом был «перс» Карапет Бадалов) и пятилетней Вартик, которую священник отпел как православную Веру. Вартик была дочерью Авдия Бадалова.

В 1914 г. Российская Империя вступила в Первую мировую войну. Последствия военных действий не могли не отразиться на облике кладбища. В 1915 г. городская дума постановила отвести место для кладбища умершим от ран воинам, участникам мировой войны, с площадкой в центре для установления в будущем памятника. По всей видимости, в дальнейшем памятник так и не был установлен — помешали революции и гражданская война. Если бы захоронения той поры сохранились, наши современники стали бы свидетелями трагических человеческих историй. На Новом кладбище все чаще появлялись могилы солдат и офицеров, умерших в лазаретах Новониколаевска, а также захоронения военнопленных. Тут покоились останки прапорщика 707 Дружины Государственного Ополчения Ивана Дмитриевича Чагунина, скончавшегося в 1915 г. от чахотки; ратника ополчения 707 Дружины Федора Зобова (умер в начале 1917 г.); девятнадцатилетнего стрелка Двадцать Восьмого Сибирского Стрелкового Полка Николая Кузина (умер в начале 1917 г.); погибшего вскоре рядового конного запаса г. Кургана Ивана Бабкина и восемнадцатилетнего солдата упомянутого Двадцать Восьмого Сибирского Стрелкового Полка Матвея Захарова, который умер в это же время; солдата железнодорожного батальона г. Харбина Гаврилы Иосифовича Протасова и многих других. В числе похороненных здесь военных были и практически неизвестные солдаты из лазаретов, некоторых знали лишь по имени. Поэтому в метрических книгах можно видеть

записи типа «Солдат Иван из лазарета...» Среди могил военнопленных австрийской армии имелись захоронения двадцативосьмилетнего Андрея Риморга, серба Марка Тркия, русского по происхождению Ивана Кисилевского, чеха Аланса Ежека, умершего в двадцать восемь лет, двадцатитрехлетнего Михеля Луцека и других. Все они гибли преимущественно от инфекционных заболеваний.

Такие заболевания, как тиф и холера, были основной причиной смерти беженцев, которые ехали из районов, охваченных войной. В одной из новониколаевских газет было опубликовано стихотворение обывателя Д. Егорова о маленькой беженке, которую подобрала на улице сердобольная женщина. Автором стихотворения был не поэт, однако образ беженки, написанный с натуры, и сегодня вызывает сочувствие. Приведу фрагмент этого стихотворения:

Красные, голые ручки от холода,
Ноженьки в рваных больших башмаках,
Личико бледно, худое от холода,
Слезы на глазах и кукла в руках.
Греет едва ли ребенка владелица
Детских наследий и куклы, и слез
Рубище ветхое, скрывшее тельце,
Как только Бог от могилы унес...

Только к октябрю 1915 г. через новониколаевский регистрационный пункт проехало 42 158 беженцев. По данным Томского губернского врачебного инспектора, к 20 октября 1915 г. в Новониколаевске осело 4011 беженцев. Это были выходцы из Гродненской, Виленской, Холмской, Волынской, Минской, Ковенской, Витебской, Курляндской, Могилевской, Варшавской, Ломженской, Сувалской, Люблинской и других западных губерний Российской империи. Среди беженцев были русские, белорусы, поляки, латыши, евреи.

Девочке из стихотворения не дали погибнуть на улице. Но многим беженцам так и не удалось спасти свою жизнь. В метрической книге 1916 г., составлявшейся Пророко-Даниловской церковью, находившейся рядом с вокзалом, имеется более шестидесяти записей о смерти беженцев. Эти люди погибли преимущественно в октябре-ноябре 1915 г., а записи относятся к январю-февралю 1916 г. Возможно, их похоронили в братских могилах, а отпели только через два-три месяца. Возможен и другой вариант: трупы людей, которых не имели возможности похоронить родственники, могли до начала зимы пролежать в ледянках. По всей видимости, похороны организовала служба переселенческого санитарного надзора.

Открытое одновременно с Новым городским Закаменское кладбище находилось в бедном районе, где проживали по большей части малообеспеченные семьи. Городское управление взимало довольно небольшую арендную плату за пользование землей с жителей Закаменки, поэтому овражистые берега реки Каменки быстро застраивались бараками, землянками и лачужками, где селился бедный люд, чаще всего крестьянского происхождения. Жили здесь также и чернорабочие, мелкие кустари, грузчики паровой станции. Закаменское кладбище было довольно маленьким, но и тут по традиции запланировали разделить территорию на участки по вероисповеданию погребенных. Могилки тесно соседствовали друг с другом, но до революции большая часть кладбища оставалась не заполненной. В числе тех, кто обрел здесь вечный покой, был мещанин из Усть-Каменогорска Василий Матвеевич Козлов, скончавшийся на восемьдесят пятом году жизни. Он был одним из первых предан земле этого могильника. В 1912 г. тут похоронили мещанскую вдову из Колывани Феклу Кузьминичну Пчелинцеву, которой было уже 90 лет. Колыванцев в Закаменке проживало немало. В 1914 г. на Закаменском кладбище появились могилы мещан Николая Алексеевича

Кузьминых шестидесяти девяти лет и тридцатилетнего Сергея Семеновича Долгих. Среди мещанских захоронений колыванцев в 1912 г. на Закаменском кладбище появилась могилка четырехмесячного младенца Мити, отцом которого был уже упоминавшийся в этой книге как автор мемуаров Степан Вавилович Чернышов из Колывани. Чернышовы жили на улице Змеинойгорской, были одними из первопоселенцев Закаменки. Митя был первенцем Степана. Несмотря на достаток в семье и родительскую заботу, малыш заболел и так и не поправился.

Среди могил этого кладбища отмечу также захоронение мещанской вдовы из Новониколаевска Елены Архиповны Андриановой, умершей в возрасте пятидесяти пяти лет; томского мещанина Феофана Константиновича Васильева, прожившего восемьдесят два года; четырнадцатилетнего Николая Прокопьевича Ярославика, замерзшего зимой на берегу реки. В массе своей могилы были крестьянскими. А в военные годы, здесь, как и на Новом кладбище, стали появляться могилы солдат.

В каком состоянии пребывало благоустройство кладбищ? Источники позволяют судить не только о достоинствах внешнего облика кладбищ, но и о его недостатках. Старое кладбище было обнесено деревянным забором. А Новое долгое время оставалось лишь окопанным глубоким рвом, только в 1914 г. установили кладбищенскую ограду. У входа приютились две избушки. В одной из них жил кладбищенский сторож, а во второй находилась та самая ледянка, от которой так мечтали избавиться жители соседних кварталов. Ледянка выполняла функции морга, там находились непогребенные трупы. Там же производились в случае необходимости вскрытия. По подсчетам, приведенным в газете «Обь» за 1907 г., с сочельника до конца мая в ледянке перебивало до восьмидесяти трупов. Санитарное состояние ледянки было неудовлетворительным. Городская дума постановила ее перестроить, однако городская управа

не спешила с началом работ, а местные жители были недовольны этим неприятным соседством.

Вопрос о благоустройстве кладбищ, как и города в целом, решался с трудом. В одной из новониколаевских газет и сегодня можно прочесть возмущенную фразу журналиста, призывавшего горожан к порядку: «На нашем кладбище все расхищается и разрушается». Сторож не успевал уследить за сохранностью убранства могил. Кладбища не освещались, мимо них было страшно пройти вечером и ночью. Когда Старое кладбище закрыли, оно, если верить прессе, сразу стихийно превратилось в выгон для скота, где ежедневно паслось до шестидесяти голов. Животные, свободно разгуливавшие по округе, проникали и на территорию Старого кладбища, где ломали кресты, разрушали могилы, вытаптывали деревья. На кладбище через повреждения в ограде попадали и свиньи. Их появление, безусловно, не способствовало сохранению порядка. Повседневная жизнь новониколаевцев этой поры отчасти напоминала деревенскую. Жители города держали на дворах скотину, за которой иногда недосматривали. Случались казусные ситуации, когда свинья неожиданно появлялась не только на кладбище, но и в зале ресторана, или когда на Николаевском проспекте непринужденно щипали травку два больших козла.

Говоря о благоустройстве кладбищ, уместно будет обратиться еще к одному сюжету. В 1906 г. на газетной полосе «Народной летописи» сообщалось об опасной с санитарной точки зрения ситуации, которая выглядела еще и аморальной. На левом берегу Оби находилось заброшенное сельское кладбище, которое было размыто рекой в период половодья. Кладбище располагалось недалеко от моста, то есть прямо напротив Новониколаевска. Трупы без гробов выбрасывало рекой на пляж противоположного берега, что привлекало собак, растаскивавших «добычу» по городу. Эта проблема, если верить газетчикам, мало инте-

ресовала городские власти, которые не спешили ее устранить. По всей видимости, старое левобережное кладбище не было связано для жителей Новониколаевска с памятью о предках, о родных людях. Это было место чужой памяти. Поэтому и отношение к его разрушению оставалось безразличным, пока не возникла опасная с санитарной точки зрения ситуация.

Вообще же кладбище для жителей Новониколаевска не являлось только лишь местом погребения усопших и местом памяти. На кладбище имелась церковь, поэтому обитали здесь и нищие, просившие подаяния. Старое городское кладбище находилось не на окраине, его, напомним, окружала довольно скученная застройка. Ближе, но все-таки чуть в стороне находился Николаевский проспект — главная городская магистраль, где бурлила жизнь. За кладбищем имелись еще две окраинные улицы. Благодаря своему местоположению в городе и наличию темных уголков, кладбище привлекало преступников и революционеров, которые собирались там тайно. Для конспиративных встреч члены марксистского кружка выбирали и другие укромные места — густой лес за Ельцовкой, бор за военными казармами, непролазные кусты у депо. Относительная безлюдность кладбища делала это место удобным для безнаказанного совершения преступлений. В 1906 г. здесь, к примеру, нашли бездыханное тело брошенного младенца. По всей видимости, ребенок был незаконнорожденным. Мы не знаем подробностей этой истории, но можно предположить следующее: отнеся малыша на кладбище в холодное время года, убийца цинично надеялся, что живым его уж точно не обнаружат.

В то же самое время, кладбище не казалось таким уж страшным местным. Судя по воспоминаниям, на кладбище играли дети, жившие неподалеку. Ров, окружавший кладбище, превращался весной в «водоем», где можно было отправлять в плавание игрушечные кораблики, а

то и купаться. Актриса Зоя Булгакова вспоминала, что на Старом городском кладбище обыватели прятались от огня, когда случился крупный пожар. Местные жители знали, что березы, которых на кладбище было предостаточно, загораются нескоро, поэтому кладбище в случае пожара могло стать убежищем.

Можно сделать вывод: Старое городское кладбище, располагавшееся в Центральной части Новониколаевска, было многофункциональным объектом городской среды. Оно не только играло роль места семейной и локальной памяти горожан. Бурная городская жизнь, кипевшая вокруг кладбища, проникала и на «Божью ниву». Кладбище не было только лишь тем местом, куда ходят в строго определенные дни, где царит тишина и вечный покой. Видимо, отчасти и поэтому обыватели, в особенности молодежь, в дальнейшем спокойно воспринимали создание парка на месте кладбища.

Коллективная память или коллективное забвение?

 годы революции и гражданской войны народная память о предках несколько видоизменялась. На смену героям предыдущей эпохи приходили новые герои. Подчас память о борцах за «правое дело», за социальную справедливость становилась гораздо более значимой, чем память о родных отцах. Формирование новой коллективной памяти сопровождалось коллективным забвением прошлого. Идеология новой поры диктовала уничтожение памяти о том, что не вписывалось в картину светлого социалистического будущего, индивидуальный жизненный опыт человека подменялся коллективным, обобщенным опытом, который не предполагал памяти о личном, родовом. Ужасы войны, голода и эпидемий, свидетелями которых стали жители нашей страны в эту пору, хотелось

забыть. Рассказывать об этом было и крайне неприятно, и опасно. Гражданская война была братоубийственной, поэтому семейные истории зачастую содержали компрометирующие, неполиткорректные сюжеты, скажем, об отце, который стал белогвардейцем, о брате — «предателе», о краже у соседа последнего куска хлеба... Подмена в памяти этих страшных, конфликтных, подчас непонятных сюжетов героическими мифами о революционерах до некоторой степени облегчала душу. На старых семейных групповых фотографиях времен гражданской войны встречаются фигуры людей, лица которых стерты, закрашены. Дети спрашивали у старших: «А это кто?» Им отвечали: «Никто». «Стертый» со снимка человек стирался из памяти, уже не был известен потомкам. Множество могил таких «Никого» появилось и на городских кладбищах. В то же время в честь новых героев переименовывали улицы, проектировали памятники, устанавливали монументы.

Второго марта 1917 г. новониколаевцы узнали об отречении Николая II и о свершившейся революции. В этот и в последующие дни в городе повсеместно проходили митинги и собрания. Вскоре одновременно возникли два органа власти — Комитет общественного порядка, выражавший интересы временного правительства, и Совет рабочих и солдатских депутатов, где большинство мест заняли эсеры. Весть об Октябрьской революции пришла в Новониколаевск 9 ноября 1917 г. На следующий день большевики потребовали передать им власть, но ее захват был осуществлен только в середине декабря. Социально-политические конфликты этой поры становились причиной гибели многих людей. Подчас новониколаевцев убивали не в бою, а по «злому умыслу». Так, в конце декабря на Новом городском кладбище появилась могила священника 52-й бригады государственного ополчения Алексея Петровича Аверьянова, который, по записи в метрической книге, был убит злоумышленниками. Возможно, что из политических

соображений убили в марте 1818 г. и двухлетнего мальчика Вадима, который был сыном дворянина Виктора Дмитриевича Банковского.

25 января 1818 г. на заседании исполкома Новониколаевского Совета приняли решение об упразднении старых органов городского самоуправления — городской думы и городской управы, функции которых были переданы Совету городского хозяйства. В феврале новой власти удалось установить контроль над всеми видами хозяйственной и финансовой деятельности. Положение большевиков было шатким. В конце марта им пришлось «отбиваться» от контрреволюционно настроенных матросов, ехавших через Новониколаевск на восток страны. Матросов удалось разоружить. Но успехи большевиков вскоре закончились. Их власть пала в ночь с 25 на 26 мая. Основные учреждения и стратегические объекты захватили белочехи. Члены Новониколаевского Совета были арестованы и расстреляны в ночь с 3 на 4 июня. В их числе были Ф.И. Петухов, А.И. Петухов, Д.М. Полковников, Ф.П. Серебренников, А.И. Шмурыгин. Большевики ушли в подполье, а 14 июня возобновила работу городская дума под председательством В.П. Ляпунова. Вплоть до середины декабря 1919 г. в городе властвовали белые. В сентябре была арестована большая группа большевиков, которых вскоре расстреляли. Однако в ночь с 13 на 14 декабря 27-я дивизия 5-й Красной Армии захватила город, и 17 декабря вся полнота власти перешла к новониколаевскому революционному комитету. После боевых действий город был буквально завален трупами. В Новониколаевске свирепствовал тиф, ежедневно уносивший множество жизней.

В этих условиях изменилось отношение к смерти, мертвому телу и погребению. Умерших от тифа хоронили наспех, далеко не всех отпевали, ведь подчас гибли целые семьи. Кроме того, многие отказывались от отпевания по религиозным убеждениям. В газете «Знамя Свободы»

можно найти пример таких похорон без отпевания. Смена власти в городе сопровождалась кровопролитием, но метрические книги новониколаевских церквей 1917 г. практически не содержат данных об убитых. Это объясняется тем, что погибших также преимущественно не отпевали, закапывая в братские могилы, а то и вовсе не хоронили, размещая трупы в ледянках, в подвалах лазаретов и под открытым небом на кладбищах. В то же самое время, мирных жителей еще продолжали отпевать и хоронить похристиански. Заметно, что после февральской революции одни священники вели метрические книги по старым правилам, другие перестали указывать чин умершего, именуя всех, кого отпевали, как «граждан». В метрических книгах стали появляться несуразные записи вроде «гражданка девица семидесяти пяти лет». Заметно, что в книгах 1917 г. записей меньше, чем в последующие и предыдущие годы. Значит, многие смерти просто не фиксировались. Эти документы не содержат сведений об убитых по политическим причинам. Зато из метрических книг можно узнать немало о последствиях революции. К примеру, в 1917 г. из-за воцарившейся антисанитарии в Городском сиротском доме от дизентерии почти ежедневно гибли дети, которых «партиями» хоронили на Новом городском кладбище. Решить оперативно проблему антисанитарии в приюте не получалось. По данным, опубликованным в газете «Русская речь», только в сентябре 1918 г. скончались сорок три ребенка из приюта.

В 1918–1919 гг., когда Новониколаевск находился во власти белых, госпитали заполнялись ранеными и инфицированными офицерами и солдатами. Многие гибли. В ноябре 1918 г. в местной газете «Русская речь» опубликовали текст телеграммы, которую городская дума отправила министру иностранных дел Грацианову в Омск. В телеграмме сообщалось: «Город переполнен беженцами и военными. Уплотнение квартир произошло, помещений

больше абсолютно нет. В тюрьме и городе число заболевших сыпным и возвратным тифом все больше увеличивается, больницы переполнены, вновь заболевших помещать некуда, так как все лучшие здания заняты войсковыми частями. Тюрьма очень заразна, болен врач, помимо арестантов больны надзиратели, требуются новое белье и одежда. Крайне необходима эвакуация части расквартированных войск и беженцев». В конце 1918 г. эпидемическая ситуация в городе была тяжелой, но еще не катастрофической. Обыватели столкнулись с голодом, девальвацией рубля, дровяным кризисом и другими серьезными проблемами. Но в Новониколаевск, тем не менее, еще приезжали с гастролями артисты, работали кинотеатры, магазины, в школах и гимназиях своим чередом шли уроки.

Однако близость фронта ощущалась. Война вторгалась в повседневную жизнь новониколаевцев через газетные репортажи, через «гулявшие» по городу слухи и вести с фронтов от родных, знакомых, беженцев. Иногда в метрических книгах появлялись записи об убитых военных белой армии. Память об этих людях практически стерта, поэтому важно назвать хотя бы некоторые имена. Так, в метрической книге Александро-Невской церкви за 1918 г. содержатся данные о гибели поручика Ивана Ивановича Иванова, подпоручиков В.В. Калина и Н. Просвирина, Александра Агапова, добровольцев Щепеткова, Нехорошего и военнопленного Конных. Они были убиты в деревне Шемонаихе. Вскоре был застрелен учитель новониколаевской женской гимназии Владимир Никитич Холкин. Не исключено, что мотивы убийства были политическими. В книгах 1919 г. находим данные о гибели поручика Первого Сибирского полка Анатолия Федоровича Старкова двадцати пяти лет; поручика контрразведывательного пункта Павла Петровича Долинского тридцати двух лет; старшего унтер-офицера Алексея Ивановича Овчинникова двадцати восьми лет и др.

Казалось бы, в военную пору постоянно ощущающие опасность люди начинают больше ценить собственную жизнь, но — как и во все времена — кто-то выпивает яд из-за неразделенной любви, поруганной чести или предательства любимого человека. В 1917 г. покончила с собой девица из Новониколаевска Мария Лунина. Девушке было только 17 лет. Она оставила предсмертную записку, в которой говорилось: «Я погибла из-за Ваньки Драгина. Обещал взять замуж, а когда отдала ему свою девичью честь, он отказался. Говорит, что я не честная девица». Мария не была единственной самоубийцей этой поры. В октябре 1918 г. свела счеты с жизнью, застрелившись из револьвера, беженка из Курляндской губернии Мария Эрнестовна Бердин. Восемнадцатилетняя девушка была причастна к деятельности воровской группировки, орудовавшей в городе. Незадолго до самоубийства раскрыли одну из краж. Возможно, Мария испугалась ареста, но причины самоубийства могли быть и иными.

Поскольку Новониколаевск был «белым», здесь оставались люди, которые не скрывали своего дворянского происхождения. Наоборот, в этом городе можно было «схорониться» от красных. Однако случались непредвиденные истории. Так, 22 июня 1918 г. здесь умерла от родов молодая дворянка из Петрограда — Нина Михайловна Румянцева. А в конце года скончалась от тифа дворянка Тобольской губернии Анфея Матвеевна Нестеренко 26 лет. Во время гражданской войны в нашем городе жили и умирали приезжие представители интеллигенции: студент Казанского университета Иван Иванович Бекренев, учитель Георгий Трофимов, жена студента Высшего художественного училища при академии художеств Ольга Павловна Гребенина, счетовод Омской железной дороги Иван Алексеевич Хмелев. Стоит отметить, что эти люди жили не в лучших условиях. К примеру, упомянутая Ольга Павловна Гребенина скончалась от истощения. Не только

голод, нужда и тиф угрожали горожанам в то время. В военных условиях возрос уровень преступности. Газеты постоянно сообщали о найденных на улицах убитых, опознать которых не удавалось. Часто преступники нападали на своих жертв с целью грабежа. Бывало, что они врываются среди ночи в дома, и тогда гибли целые семьи. В середине ноября в Новониколаевске грабителем был убит прокурор(!) Михаил Анемподисович Пресветов. Прокурор жил на улице Асинкритовской, в доме № 65. Убийство произошло у него дома, на глазах полицейского, который тоже пострадал. 16 ноября во временном помещении окружного суда, в зале городского корпуса, в присутствии мировых судей, служащих суда и присяжных поверенных прошла панихида, после чего тело прокурора было вывезено для погребения в Томск.

В эту пору, как и прежде, случалось, убитых людей находили на городских кладбищах. Так, 16 июня 1918 г. в Православной части Закаменского кладбища обнаружили тело женщины. Ее затылок был размозжен, а щека разбита. Неопознанный труп отправили в анатомический покой. Кладбища приходили в антисанитарное и беспорядочное состояние. Сторожа, по всей видимости, не особенно внимательно следили за порядком. Они, как и прочие обыватели, искали возможности выжить. Доходило до криминала. Вместо того чтобы следить за порядком, сторож Магометанского кладбища Мангибай Валлеев, проживавший при кладбище, занимался незаконным изготовлением самосидки (самогона). В январе 1918 г. большевики изъяли у него три ведра незаконно изготовленной алкогольной продукции.

Социально-политическая напряженность обстановки в городе выливалась в открытые конфликты. Похороны могли стать средством выражения политической позиции, протеста. По воспоминаниям участницы большевистского подполья времен «колчаковщины» М.Н. Сухачевой-Овеч-

киной, в конце июля 1918 г. «пьяные белогвардейские офицеры застрелили рабочего Акулинкина». Его похороны вылились в политическую демонстрацию. По впечатлению автора воспоминаний, около десяти тысяч человек участвовали в похоронах, многие пришли с красными флагами, а власть встречала похоронную процессию с оружием. Сторонники Колчака тоже использовали память об убитых красными в агитационных целях. Так, коллектив служащих организации «Обской кооператор» создал фонд добровольных пожертвований в пользу бедных. Этот фонд создавался в память о служащем Меркушкине-Азееве, которого, если верить газете «Народная Сибирь», убили красногвардейцы.

В городе находились белочехи, которые не только выполняли воинский долг, но и устраивали здесь личную жизнь, многие женились на жительницах Новониколаевска. У некоторых появлялись дети, которые, однако, подчас не выживали в тифозном городе. Так, в конце 1919 г. погибла от тифа дочь чеха Иосифа Славечки Мария. К чехам, отдавшим свою жизнь за успех белой армии, сторонники колчаковского режима испытывали благодарность. В октябре 1919 г. в газете «Надежда России» опубликовали стихи, посвященные погибшим в бою чехам. Автор стихов скрыл свое имя под псевдонимом «Беженка». Вот эти стихи:

Колокол гулко рыдает...
Многие лица в слезах...
Внятно священник молитву читает.
Грусть и смятение в сердцах.
Солнечный день освещает
Несколько белых гробов.
Это русский народ погребает
Павших героев от пули врагов.
Братья любимые, чехи могучие,
Вы далеки от отчизны своей.
И слезы невольные, слезы горячие

Вызвали смертью своей.
Вы, лучезарные, чудные, светлые,
Храбро сражались за братский народ.
И получили вы чувства ответные,
Память о вас не уснет.
Всякий пред вашим могильным холмом
Голову низко преклонит
И, осенившись широким крестом,
С грустью невольно промолвит:
«Мир вам, родимые братья!
Смело и прямо пошли вы все в бой,
А смерть уж раскрыла жестоко объятья,
Вас утащила с собой.
Слава о ваших деяньях
В русских сердцах не умрет.
Спите же, чудные, светлые,
Память о вас не уснет».

Эти наивные и эмоциональные строки должны были ощутимо воздействовать на современников, которые не считали чехов интервентами. Однако сегодня мы не знаем, где похоронены останки белочехов в Новониколаевске. Значит, память об этих людях все-таки «уснула».

Вообще осенью 1919 г. стало ясно, что белая армия терпит поражение; в городе, где совсем недавно было трудно найти квартиру, все чаще подавались объявления о продаже домов и имущества по случаю отъезда хозяев. К этому моменту тиф буквально выкашивал население Новониколаевска, жертвами инфекции становились люди всех чинов и социальных групп. Однако газеты не прекращали агитировать население за белую армию. Похоже, силы агитаторов были на исходе. Слишком часто в эти дни новониколаевцам являлась смерть. В середине октября 1919 г. Г. Вяткин написал:

Быть может, мы уже не живы
И родина полумертва?

Нужны набатные призывы!
Нужны железные слова.
Мы истожились, как в пустыне,
Мы исстрадались, как в плену...
Благословенье — вставшим ныне
Спасать родимую страну.

В этих строках не чувствуется оптимизма. Ощущение того, что к концу 1919 г. родина дошла до «полумертвого состояния», народ «истожился», «исстрадался» и вообще не понятно, жив ли, — вполне объяснимо. Новониколаевск действительно вымирал. Единичные упоминания об умерших в это время в Новониколаевске, конечно, не раскрывают масштабов местной трагедии, поэтому охарактеризую ситуацию в целом.

Сколько не захороненных мертвецов было в Новониколаевске зимой 1919–1920 гг.? Создается впечатление, что их никто не считал даже приблизительно. Решать проблему эпидемии пришлось победителям. Зимой 1920 г. в Новониколаевске начала работать Чрезвычайная комиссия по борьбе с тифом (Чека-тиф), образованная по приказу Всероссийской комиссии по улучшению санитарного состояния республики № 34 от 4 января 1920 г. Для врачей и сотрудников Чека-тифа избавление от покойников было одним из самых больных вопросов: не хватало подвод для транспортировки умерших, не хватало санитаров, сам медперсонал заражался тифом.

Часть неизвестных мертвецов предали земле. В конце марта 1920 г. на Закаменском кладбище санитарями было захоронено 4599 жертв политической борьбы, инфекций и голода. Еще почти стольких же мертвецов ожидало захоронение в братских могилах. Стоит отметить, что похоронное дело тех лет не отличалось упорядоченностью, не было четко оговорено, какая организация возглавляет руководство похоронным делом, остро стоял вопрос санитарного состояния кладбищ, содержавшихся крайне небрежно.

Думается, в условиях обесценивания человеческой жизни отношение к мертвым телам изменилось. Как отмечалось выше, стало возможным называть их просто «кучами» (словно навоз). Кроме прочего, мертвецы источали невыносимый трупный запах, который сообщал об опасности, сулил беду. Поэтому обыватели боялись принимать участие в очистке города от трупов. Трупный запах ассоциировался с насилием, жестокой расправой и предсмертными мучениями. Убийства и смерть от инфекций происходили на глазах горожан, трупный запах порождал ассоциации с этими страшными картинками, направляя память в недавнее прошлое. В это страшное время деградировало духовное содержание похоронного обряда. Когда «кучи» покойников жгли на кирпичном заводе или зарывали в землю, было не до поминок. Такие похороны вообще трудно было назвать «похоронами», это была вынужденная ликвидация трупов. И памяти о множестве людей...

Старое городское кладбище тоже приходило в запустение. Те, кто прежде навещал могилы знатных новониколаевцев, больше здесь не появлялись. Кто-то эмигрировал, а кто-то сам погиб в огне войны. Многие могилы было уже просто некому проведывать. С кладбища воровали все, что можно было продать. Территория Божьей нивы загрязнялась и осквернялась.

Но этот переломный момент все-таки постепенно уходил в прошлое. На смену «старой памяти» должна была прийти «новая», советская, героическая память. Так, под идеологическим воздействием, жертвами гражданской войны стали считаться исключительно «жертвы колчаковщины». О погибших белогвардейцах вспоминали вскользь, не называя имен, но подчеркивая их виновность в разразившейся катастрофе. Типичным в этом смысле является фрагмент из воспоминаний революционера М.Ф. Никитина: «В Новониколаевске после колчаковщины остались сотни трупов замученных и зверски убитых советских

работников. В казармах военного городка лежали трупы колчаковских солдат, умерших от тифа... В городе свирепствовал тиф, занесенный колчаковскими солдатами». «Колчаковский солдат» — это собирательный, безымянный образ злодея времен гражданской войны. Что касается героев, то их имена звучали часто. Биографии новых героев, принявших мученическую смерть от рук врагов, неоднократно описывались в краеведческой литературе, их именами назвали улицы города. А место их захоронения стало местом памяти.

Сын революционера Л.В. Романов так изложил в своих воспоминаниях обстоятельства гибели новониколаевских героев революции: «Однажды утром, в начале декабря 1919 г., жители Ипподромского района Новониколаевска увидели страшную картину: в крутом овраге в конце Вагановской улицы было свалено более сотни изуродованных и уже окоченевших трупов. Там был и В.Р. Романов — бывший председатель новониколаевского Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов». По словам рассказчика, этих людей мучили, о чем свидетельствовали следы ран и ожогов. После восстановления Советской власти, согласно официальной советской версии, эти трупы были преданы земле. Похороны, проходившие 22 января 1920 г., превратились в мощную демонстрацию. Погибших похоронили в центре города, за Базарной площадью. Городская газета «Красное знамя» писала: «Сегодня траурный день, но не место унынию. Трудящиеся Новониколаевска должны с удесятенной энергией продолжать дело, ради которого погибли товарищи, — дело строительства Советской России... Наша напряженная работа, усиленный труд будет лучшим памятником погибшим товарищам».

М.И. Корсакова отыскала документы, содержащие описание тех знаменательных похорон. По свидетельствам этого краеведа, тела погибших были заморожены

и изуродованы. В целях пропаганды ненависти к колчаковцам, было сделано несколько снимков «куч» замороженных мертвецов, потом эти фотографии публично демонстрировались. На месте похорон приготовили два транспаранта символических цветов: черного и красного. На транспарантах написали революционные лозунги. На гробы возлагали венки из хвои, путь следования до могилы тоже устилала хвоей. На традиционных похоронах, как мы помним, дорога, по которой идет похоронная процессия, всегда забрасывается цветами. Почему же в этом случае использовали именно хвою? Возможно, по причине погодных условий, ведь стоял особенно морозный декабрь, а цветочных лавок в полуразрушенном городе не осталось. Хвою было просто собрать, ведь для нашей местности характерны сосновые боры. К тому же хвоя выглядит строго и благородно, она остается вечнозеленой, символизируя в умах религиозных людей бессмертие. Кстати, хвойные деревья кипарисы издавна принято сажать на кладбищах Востока.

В конце мая 1920 г., в день воскресника, место братской могилы начали облагораживать, используя опять-таки вполне традиционные средства. Вокруг могилы началось устройство клумб, а мы помним, что цветы на могилах обычно сажали и до революции. Вокруг братской могилы установили временную деревянную ограду.

История сохранила имена некоторых людей, чьи останки были захоронены в этой братской могиле. В их числе: новониколаевские рабочие М.Г. Злобинцев и В.И. Бушуев, рабочий-наладчик типографии А.П. Яворский, секретарь Совета рабочих депутатов г. Канска А.М. Бидман, крестьянин А.К. Лозовский, активно участвовавший в восстании в Новониколаевском уезде в 1919 г. Из 104 человек, похороненных в этой братской могиле, опознать удалось лишь 37. Захоронение военных в братских могилах традиционно для России, но примечательно, что даже известные

имена опознанных людей, погребенных здесь, не нашли отражения в оформлении монумента.

На братской могиле в день пятой годовщины революции установили мемориальный монумент. Историк В.Г. Рыженко обнаружила данные о различных проектах мемориала на месте братской могилы. Первая находка В.Г. Рыженко представляет собой проект, составленный секцией ИЗО Томского отдела народного образования. Этот проект датирован 29 апреля 1920 г. Сохранились и пояснения к проекту, составленные его автором. Памятник на проектном изображении напоминает высокую стрелу, увенчанную пятиконечной звездой. Высота памятника впечатляет: он выше среднего человеческого роста более чем в тридцать раз. В пояснениях говорилось, что грандиозные масштабы памятника отвечают мировому масштабу революции. Для Новониколаевска, где самые высокие здания не превышали двух этажей, этот проект был невообразим. Автор проекта заявлял, что «отодвинутый ото всех зданий и поставленный посередине площади в указанном на генеральном плане месте, он явится пунктом, вокруг которого будет развиваться новая пролетарская, общественная жизнь такого же масштаба, как и он сам». Кроме того, автор проекта выразил идею памятника в стихотворной форме:

Муку погибших героев
Лавиною в небо вонзаю.
Железобетонной кометой
Звездно ея разрешаю.

Лаконичность формы этого памятника была эстетически новой для сибирского городка. Предполагалось, что памятник не должен «заключать ни надгробий, ни саркофагов, ни жалких тленных, обыкновенных реликвий об умерших, как то венков, лент, именных досок», а «должно развертывать мозаикой по стенам и полу ход

Русской и Мировой Революции». Обратим внимание на восприятие автором проекта традиционной кладбищенской символики, которая кажется устаревшей и неподходящей для оформления такого эпохального монумента. Если понаблюдать за традиционным оформлением могил, мы столкнемся с большим разнообразием. Родные и близкие стремятся в той или иной мере воссоздать на могиле усопшего его образ. Некоторые заказывают художественный портрет покойного, другие сажают на могиле его любимые цветы, на памятниках детских могилочек часто можно видеть игрушки, пустышки, очищенные фрукты. Традиционную могилу обычно воспринимают не только как новый «дом» усопшего, но и как его новое «тело». Нередко бывает, что близкие трогают, обнимают, даже целуют портрет на надгробии, особенно убитые горем люди падают на могилы, прижимаются к ним всем телом. «Общение» с усопшим на его могиле имеет оттенок интимности. Проект памятника, разработанный томичами, не предполагал интимности вовсе. «Герои революции», покоившиеся в братской могиле, были безымянными, а памятник, установленный в их честь, мыслился как сугубо публичный, адресованный не близким людям, а всему человечеству. Прием изложения великих событий в виде мозаики на полу и на стенах издавна применялся в религиозном искусстве. Полы и стены византийских и ранних русских храмов украшала такая «библия для неграмотных» — священное писание, представленное в мозаичных картинках. Идея изложить революционные события подобным образом говорит о догматизации большевистской версии революции и гражданской войны, о попытке использовать в идеологических целях хорошо известный народу прием кодирования и передачи «священной» информации. Безусловно, замысел этого монумента был максималистским и невыполнимым на практике в охваченном хозяйственной разрухой Новониколаевске.

В.Г. Рыженко обнаружила среди архивной документации и другой проект революционного монумента. Этот проект был разработан также в 1920 г. томичами и получил название «Нина». Монумент представлял собой сравнительно небольшую четырехгранную пирамиду. Каждая грань снабжалась надписями и изображениями. На стороне А предполагалось изобразить «грудю тел замученных Борцов за свободу» и разместить надпись: «Вы сеяли разумное доброе вечное, спасибо сердечное скажет Вам освобожденный народ». На стороне Б по проекту находилась фигура матери убитых Героев, склонившаяся над своими детьми, и надпись: «Дети мои, жаль мне Вас, но Ваша смерть есть гордость Вашей матери». На стороне В планировали изобразить живого борца за свободу, который готов продолжать борьбу, и надпись: «Товарищи, память о Вас не умрет, и Ваша смерть в каждом из нас родит жажду мести». Наконец, на стороне Г автор проекта хотел изобразить жен героев и слова: «Дорогие наши Друзья, Мужественно Вы встретили смерть, но с не меньшим мужеством мы перенесем с Вами разлуку». Этот монумент был по проекту значительно меньше и все-таки человечнее первого. Здесь идеологические мотивы смешивались с чувствами недавнего свидетеля войны.

В конечном итоге был реализован проект монумента, который отличал наиболее оригинальный в художественном отношении замысел. Его авторами были: художник В.И. Невский (это имя было незаслуженно забыто на долгие годы и «восстановлено» благодаря поискам В.Г. Рыженко), художник-скульптор В.Н. Сибиряков и инженер В.И. Кудрявцев. Памятник открыли в 1922 г., в день пятой годовщины революции. Его возвели на народные деньги. Новосибирцам хорошо известен памятник — огромная рука с факелом, которая пробивает скалу. В советский период эта рука с факелом долгое время являлась символом Новосибирска. Памятник по проекту не был таким

исполинским, как обелиск из первого томского проекта, но благодаря своей образности выглядел не менее впечатляюще. Однако формализм, неизбежно проявившийся как следствие обезличивания памятника, способствовал, на мой взгляд, стиранию памяти о тех настоящих людях, которые покоились под «красным факелом». Кстати, это наименование часто использовалось в первые годы после открытия памятника, поскольку изначально предполагалось, что изображающий пламя железобетонный элемент будет заменен элементом из цветного стекла, который будет еще и подсвечиваться. Однако этот замысел так и не был реализован.

Интересен образ руки, держащей факел, который использовали авторы этого памятника. Почему именно факел сжимает исполинская рука? По всей видимости, авторы скульптуры решили «сломать» одну из традиций, связанных с оформлением надгробий. На старых российских кладбищах нередко встречаются надгробия конца XVIII — первой половины XIX вв., где изображены опущенные вниз факелы, означающие угасание жизни. Этот символ скорби использовался еще в античное время и, возможно, был известен скульпторам, работавшим над памятником. Поднятый вверх факел — это вызов традиции. Этот символ стоит читать не просто как уверенность в бессмертии дела, начатого людьми, отдавшими свою жизнь за советскую власть. На мой взгляд, памятник выражает идею бессмертия самих героев, их исключительную способность не покидать этот мир.

Братская могила со временем стала дополняться и другими захоронениями. В 1927 г. здесь появилась могила одного из руководителей партизанского движения П.Е. Щетинкина; в 1946 г. с городского кладбища сюда перенесли прах участника Парижской коммуны Андриена Лежена, а в канун 40-летия революции — останки революционеров А.И. Петухова, Ф.П. Серебренникова,

Ф.И. Горбаня, Д.М. Полковникова и Ф.С. Шмурыгина, погибших в 1918 г. В 1960 г. здесь появилось сорокаметровое монументальное панно, выполненное художником А.С. Чернобровцевым и его помощниками, а через некоторое время на центральной аллее установили бюсты героев революции, выполненные художником М. Меньшиковым. У сквера появились «лица», которых здесь, как мне представляется, очень не хватало.

Вскоре значение этого места памяти еще более возросло. В 1924 году скончался В.И. Ленин. В ночь смерти вождя на Октябрьской площади (она же в прошлом Новобазарная площадь и площадь Ленина в наши дни) собралось на митинг около 50 тысяч человек с факелами, красными флагами, бенгальскими огнями. С трибун доносились пламенные речи, толпа хором пела: «За вами идет свежих ратников рой». По воспоминаниям И.М. Лаврова, над площадью кружил аэроплан, с которого вниз летели красные ракеты. С каланчи на городском корпусе раздавался гул колокола, прозвучало восемь ударов, обозначивших время погребения. Потом слышались гудки паровозов, лесопилок, мельниц, заводов, женский плач. На месте народной скорби о вожде было принято решение построить здание-памятник вождю, получившее известность как Дом Ленина. Существовало несколько проектов здания, выбор между которыми вызывал оживленные дискуссии, неоднократно описанные в краеведческой литературе. Строительство велось довольно быстро. Выходя фасадом на Красный проспект, здание закрыло братскую могилу. Дом Ленина, точно храм, возвысился над «мемориалом-погостом». Для городской инфраструктуры «здание-памятник» имело важное значение. Здесь разместился окружной комитет партии, первая сибирская широкоэвещательная радиостанция, научно-исследовательский институт коммунистического воспитания, институт повышения квалификации учителей, ряд общественных

организаций. Здесь прошел и первый новониколаевский окружной съезд Советов.

Теперь вернемся к обещанию развенчать миф о братской могиле героев революции. Новосибирский историк М.В. Шиловский приводит следующие данные. В 1919 г. в рядах белых солдат местного гарнизона было поднято восстание под предводительством полковника Ивакина. Белогвардейцы стремились передать власть эсерам и меньшевикам. Но восстание было подавлено, всех его зачинщиков расстреляли. Во время подавления восстания погибло 104 человека, большинство из которых были белыми. Именно этих людей и хоронили в братской могиле за Новобазарной площадью. Получается, большевики использовали трупы противников в корыстных целях, поскольку было объявлено, что этих людей замучили колчаковцы.

Стоит отметить, что память о героях революции и гражданской войны «размещалась» не только на новой, еще ничем достопримечательным не отмеченной земле. К примеру, улица Гуляевская, которая вела прямо к Воскресенскому кладбищу и пересекала его возле церкви, была переименована в улицу Романова. Так «новая» память занимала места, ставшие местами памяти раньше, словно вселялась в чужой дом. Теперь от Воскресенского кладбища не осталось ничего, а улица Романова и сегодня сохранила свое революционное название.

За короткий промежуток времени новониколаевцы, как, впрочем, и другие россияне, пережили то, что не могло не оставить глубокого следа в душах, что формировало страхи, сомнения и новые убеждения, что ставило людей перед проблемой разрешения сложнейших духовных вопросов, касавшихся ценностей. Смерть, ходившая все это время рядом, только обостряла эти вопросы. И, надо думать, они еще долго будут порождать сложнейшие коллизии во взаимоотношениях между людьми разных поколений.

По кладбищу проложили трамвайные рельсы...

Гражданская война миновала. Перед жителями Новониколаевска, как и других городов страны, встала серьезная задача восстановления разрушенного хозяйства. Постепенно приводились в порядок и городские кладбища, но произошедшие с памятью горожан в недавнем прошлом метаморфозы имели тенденцию укоренения и дальнейшего развития. Мы увидим, что постепенно налаживалась мирная жизнь, снижалась смертность, в повседневность возвращались традиционные похороны, но «войны памяти» не улеглись. Мы еще столкнемся с яркими примерами конфликтов памяти личной, семейной, локальной и памяти, обусловленной идеологически.

В советский период все кладбища и морги передали в ведение коммунальных отделов местных Советов. Сотрудники службы коммунального хозяйства организовывали погребение граждан, следили за санитарным состоянием кладбищ, обслуживали похороны. В годы нэпа услуги, как бы мы сегодня сказали, ритуального характера, оказывали и частные бюро. В нашем городе частным похоронным бюро, как и прежде, заведовал Г.Ю. Булышко. В начале 20-х гг., судя по документам, обнаруженным М.И. Корсаковой, в Новониколаевске оставался и содержатель похоронного бюро М.Н. Шубский, ритуальная контора которого была муниципализирована. Сам Шубский позднее возглавлял государственное похоронное бюро.

Вспоминая о межвоенном времени, старожил нашего города Т.Р. Дугалюкова рассказывала: «Кладбища в 30-е гг. действовали в трех местах: открылось Заельцовское, было кладбище на месте парка «Березовая роща» и вечно затопленное Закаменское возле современного педагогического лица. Эти кладбища были на окраинах города». Наша рассказчица допустила неточность. Заельцовское кладбище

в 1930-е гг. еще не существовало. Вопрос о расширении площадей под захоронения и открытия новых кладбищ Горсовет рассматривал только в 1941 г. Поэтому в этом разделе речь преимущественно пойдет о кладбищах, которые нам уже известны: Новом городском и Закаменском. Стоит упомянуть, что в источниках иногда встречаются названия кладбищ, которые сегодня трудно идентифицировать. К их числу относятся Гарнизонное, Дальнее и Братское кладбища. Возможно, под «Гарнизонным» подразумевается участок, отведенный для воинских захоронений на Закаменском или на Новом городском кладбище, а может быть, на территории военного городка в условиях тифозного мора возникло отдельное кладбище? Под Братским кладбищем может подразумеваться участок, отведенный под братские могилы, хотя это лишь предположение. Что такое «Дальнее» кладбище, ответить вообще очень сложно. Может быть, имеется в виду Старое кладбище? Упоминается в документах и «Солдатское» кладбище. Возможно, это то же самое, что и Гарнизонное кладбище, а может быть, речь идет о воинских кварталах на одном из кладбищ Новониколаевска.

Судя по планам старых новосибирских кладбищ, их облик не особенно изменился в межвоенный период. После гражданской войны требовалось навести порядок, уточнить зонирование кладбищ. Новое городское кладбище называли в эти годы «Ипподромским», а иногда — «Центральным». В 30-е гг. появилось и новое название — «Молоковское», происходившее от названия прилегавшей к кладбищу улицы Молоковской, названной в честь известного летчика Молокова. По свидетельствам плана 1923 г., старое кладбищенское зонирование сохранялось практически в неизменном виде: по-прежнему имелся небольшой участок, названный «Старым русским кладбищем 1907 года», по правой стороне сохранялись участки Холерного кладбища, Еврейского, Католического, Магометанского, Люте-

ранского, Старообрядческого. Добавилось и Баптистское (Евангелическое) кладбище. По левой стороне размещалось Военное кладбище, братские могилы и шесть больших кварталов Православного кладбища. Судя по книгам записей актов гражданских состояний, здесь имелся и участок Польского кладбища.

В 1925 г. открыли Новокладбищенскую церковь в ограде, здесь впоследствии хоронили священнослужителей. По данным М.И. Корсаковой, там были погребены погибший в тюрьме настоятель Покровской церкви протоиерей Александр Васильев и митрополит Никифор (Асташевский).

После окончания военных действий и ликвидации останков жертв гражданской войны жизнь в городе медленно, но стабилизировалась. К середине 1921 г. эпидемия тифа пошла на убыль. Но ослабленное население не переставало гибнуть от инфекций и недолеченных ран. Источники позволяют составить представление о людях, умерших в Новониколаевске в начале 20-х гг. и захороненных на его кладбищах. Наибольшее число захоронений было отмечено на Новом городском кладбище. Здесь хоронили и военных, и гражданских.

В начале 20-х гг. на Новом кладбище стали появляться первые могилы советских служащих, например, Сергея Никитича Горшкова, прожившего всего 23 года и скончавшегося в 1922 г. от сыпного тифа. Была тут и могила застреленного советского служащего Николая Константиновича Петрова. В то же самое время здесь появились и могилы первых нэпманов.

Обращают на себя внимание и некоторые особенно трогательные истории могил на Новом кладбище. Тут в начале 20-х гг. предали земле останки девятнадцатилетнего Егора Герасенко, скончавшегося от воспаления легких в городской больнице № 3. Безусловно, вызывает сострадание история Зои Адамовны Соломиной, которая утонула в

возрасте тридцати трех лет вместе с детьми — восьмилетней дочерью Зиной и семилетним сыном Костей.

Источники начала 20-х гг. позволяют судить о захоронениях представителей всех этно-конфессиональных групп Новониколаевска. К примеру, сохранились некоторые данные о захоронениях иудеев. К их числу относились могилы семимесячной Фени Ерухимович и годовалой Лии Нейман, которые скончались в 1920 г. Годом позже тут появились могилы десятилетней школьницы Зеты Вальдман, двухлетней Ревеки Виноградовой, годовалой Рафили Лашинской, молодого человека 22 лет Льва Крупницкого, домашней хозяйки 49 лет Цыпы Рояк.

Немного захоронений можно было видеть на кладбище старообрядцев. В их числе была могила полуторагодовалой Зинаиды Головатских. На небольшом участке баптистов покоились останки пятидесятитрехлетнего Александра Игнатьевича Попова, умершего в 1920 г. от истощения, 47-летней Евдокии Анисимовны Мишуниной, скончавшейся в 1922 г. На Римско-католическом кладбище покоились служащий Томской железной дороги Бронислав Завистовский, инвалид войны Франц Францевич Войтневич 47 лет, 25-летняя туберкулезница Елена Тум. Среди детских могил католиков можно было отыскать захоронения Анастасии Уврван одиннадцати месяцев, месячного Эдуарда Мордуса, шестилетней Янины Казимировны Кржевицкой и др.

В Лютеранском квартале в 1920 г. хоронили молодую девушку, помощницу бухгалтера Анну Яковлевну Розенберг. Она погибла в результате несчастного случая на вокзале — попала под колеса поезда. Вскоре от сыпного тифа скончался местный старожил с улицы Журинской, занимавшийся в Новониколаевске торговлей 83-летний Франц Биггер.

Участок Польского кладбища также был небольшим. Тут покоились останки фельдшера Альфонса Бакалевского,

умершего в 1920 г. от истощения. В 1922 г. на этом участке похоронили тридцатитрехлетнего Валентина Ларина, девятилетнюю Марию Паславскую, инвалида войны Юлиана Козимировича Ходосевича тридцати шести лет. В этом же году польская семья Исенкевичей из Малой Нахаловки потеряла сразу двоих сыновей: 26-летнего Иосифа, которого убили, и умершего от воспаления легких десятилетнего Антона.

Истории жизни и смерти людей, похороненных на новом городском кладбище, интересны и практически не известны современникам. Даже беглый обзор имевшихся здесь в начале 20-х гг. захоронений позволяет увидеть, какими разными были жители старого Новосибирска, как много жертв революции и гражданской войны было в нашем городе, как незаслуженно мы забыли о них.

С течением времени Новое городское кладбище все разрасталось. По данным 1934 г., площадь кладбища составляла 430 263 кв. метра. Оно было ограничено улицами Кольцова, Буденного, Кладбищенской (появилась и такая улица) и Карамзина. Прямо к кладбищу вели улицы Достоевского, Некрасова, Лермонтова, Пушкина и Демьяна Бедного. За место на кладбище взималась плата — 1 рубль.

К концу 1940-х гг. Новое кладбище стало постепенно приходить в упадок. Оно теперь располагалось далеко не на окраине. Как вспоминал старожил А.А. Пятков, еще до войны рядом с кладбищем была барахолка, которая работала и в середине 1950-х гг. На барахолке торговали не только вещами, но и продуктами; спросом пользовалась, кроме прочего, вареная картошка, горячие котлеты и прочая еда. Барахолка постепенно перекидывалась и на кладбище, среди могил разместился птичий рынок, торговцы вещами. Потом через территорию кладбища проложили трамвайные рельсы. На кладбище воцарился беспорядок, дни его были сочтены.

После гражданской войны в Ипподромском районе сохранялось и отдельное Магометанское кладбище, которое называли также «Татарским». Из плана 1939 г. видно, что оно располагалось между улицами Фрунзе, Ломоносова и выходило прямо к оврагу (Вагановскому разливу). Его площадь составляла 21 408 кв. метров. Источники советского периода позволяют составить представление о том, какими были захоронения на этом кладбище. Однако напомню, что мы располагаем данными только до 1925 г. Похороненные здесь мусульмане являлись преимущественно рабочими и торговцами, а также членами их семей.

Закаменское кладбище, хотя и было, судя по документам, открыто еще в 1911 г., по всей видимости, в период разрухи утратило свою упорядоченность и требовало уточнения плана и наведения порядка. Несомненно, сказалась близость Военного городка, который находился в нескольких минутах ходьбы; соответственно, именно на Закаменское кладбище удобнее всего было доставлять подводы с мертвецами во время тифозной эпидемии. В 1923 г. здесь вновь четко обозначили места под Православное, Лютеранское, Еврейское, Католическое, Военное кладбище, оставив в плане и резервные земли. Площадь этого кладбища была невелика. В 1939 г. Закаменское кладбище занимало 57 448 квадратных метров земли. Сегодня это кладбище не функционирует, но еще вполне распознается как старое кладбище. Там сохранились запущенные асфальтированные аллеи, чудом уцелевшие могильные плиты, видны места (ямы), где прежде были могилы.

Если до гражданской войны здесь хоронили преимущественно умерших крестьянского происхождения, то в начале 1920-х гг. захоронения на Закаменском кладбище стали более разнообразными. Еще в период «ликвидации трупов» на Закаменском кладбище похоронили некоторых участников войны. Так, здесь был захоронен Михаил Хорват, венгр по происхождению, сражавшийся на фронтах

Первой мировой. Он умер в возрасте сорока девяти лет от сыпного тифа. На этом кладбище имелось значительное количество могил рабочих. Так, в 1922 г. тут хоронили 75-летнюю работницу Татьяну Никитичну Железнову, плотника Ивана Ефимовича Юферова, которому было только 34 года, рабочих — Николая Даниловича Кабанова 84 лет и семидесятилетнего Ивана Петровича Демина из Пермской губернии.

О двойном убийстве, произошедшем в 1922 г., напоминали могилы молодых женщин: Евдокии Наумовой и Александры Понамаревой, которые недавно приехали из уральского города Кунгура.

По воспоминаниям старожила Новосибирска В.К. Лобановой, Закаменское кладбище в 1930–1940-х гг. имело довольно скромный облик. Могилки располагались тесно друг к другу, оградок не существовало. По желанию можно было установить у могилы столик и скамейку. Потом на месте столика иногда появлялись могилы родственников, умерших позже. На могилах сажали цветы и березки, устанавливали кресты (деревянные и металлические) или укладывали каменные плиты. Но простых крестов было больше. Крест дополнялся табличкой со сведениями о покойном, портретов было мало. Хотя на кладбище поддерживался порядок, все-таки иногда посетители обнаруживали поломанные кресты. Так, В.К. Лобанова вспоминала: «Мы с матерью легко нашли могилу бабушки, у нее был металлический крест с табличкой. Могила Зины была рядом, но крест был деревянным; похоже, его сломали, поэтому мы долго кружили по кладбищу, но так и не нашли могилу Зины».

В 20–30-е гг. изменился облик могил; хотя кресты не исчезли, на надгробиях все чаще появлялась советская символика, в первую очередь — пятиконечные звезды. Пример такой могильной плиты, вернее, того, что от нее осталось, и сейчас можно найти на месте Закаменского кладбища.

Эта каменная плита, по всей видимости, была некогда дополнена и еще каким-то элементом — возможно, табличкой с именем усопшего, годами его жизни. Роскошные, изящные надгробия с чугунными крестами, образами и художественными портретами в медальонах отходили в прошлое, считались теперь признаками враждебной буржуазной эстетики. Однако религиозная символика не покидала убранство могил. Именно смерть часто заставляет даже безбожников подумать о спасении души и прощении грехов.

Стоит отметить, что в 1929–1930 гг. существенно расширилась городская черта Новосибирска. К городу присоединили сначала правобережную деревню Усть-Иня, которая территориально практически уже срослась с городом. А в 1930 г. в городскую черту Новосибирска вошли села Большое Кривощекое, Малое Кривощекое, Бугры, деревни Верткова, Ересная и Перова, находившиеся на левом берегу Оби. В каждом населенном пункте имелось свое кладбище. Местонахождения этих кладбищ установить трудно, однако старожилы еще помнят эти места.

Восстановление памяти о людях, погребенных некогда на деревенских кладбищах, — большая и кропотливая работа, которая ждет своих исследователей. В этой части своего повествования хочется рассказать о кладбище Усть-Ини, просто потому, что в этой пригородной деревне жили мои предки, кое-что рассказавшие мне о «родительской земле». Усть-Инское кладбище состояло из двух частей. Более старая часть располагалась на территории, занятой теперь Инструментальным заводом. Часть более новая находилась на месте Химфармзавода. По традиции, кладбище было устроено за пределами деревни, где заканчивалась застройка. Однако известно, что к концу 1920-х гг., благодаря усилиям самовольных застройщиков, нельзя было уже точно определить на глаз, где заканчиваются устьинские домики и где начинаются новониколаевские.

Таким образом, получалось, что деревенское кладбище тоже попадало в кольцо жилых домов и усадеб. Теперь от этого кладбища не осталось и следа. По всей видимости, вскоре после присоединения Усть-Ини к городу закрыли и кладбище, а жители Усть-Ини стали пользоваться Закаменским кладбищем.

Кто нашел последнее пристанище на Усть-Инском кладбище? Документы позволяют назвать множество крестьянских имен. Здесь были похоронены глубокие старики, из числа крестьян, чьи предки основали Усть-Иню еще в XVIII в. Это и Иван Петрович Колесников, скончавшийся девяноста лет от роду в 1912 г. Это и Максим Николаевич Маслов, умерший в апреле 1923 г. также в 80-летнем возрасте, и 75-летняя старушка Надежда Маслова, скончавшаяся за две недели до супруга. Здесь же был похоронен Федор Михайлович Рожков, умерший в мае 1924 г. в возрасте 86 лет. Была на этом кладбище могилка долгожительницы Аксиньи Юдиной, прожившей целый век. Находили здесь вечный покой и переселенцы, покинувшие много лет назад свою родину в поисках лучшей доли. На этом кладбище покоился прах Устиньи Колоусовой из Курской губернии, прожившей 90 лет; Надежды Тихоновны Цыбулькиной, которая дожила до 96 лет и умерла в 1915-м. Еще тут была могила Петра Григорьевича Овчаренко из Черниговской губернии, скончавшегося на 99-м году жизни, Сафона Тарасовича Якименко из той же Черниговской губернии, который умер в возрасте 68 лет. Кстати сказать, местные жители до сих пор называют пригорок, на котором стоит некогда построенный дедом Сафоном домик, «Сафоновой горкой», хотя умер этот человек в далеком 1924 году.

Многих в начале 20-х гг. «скосил» тиф. Из-за этой смертоносной болезни местная «боженивка» пополнилась могилками Павла Ивановича Бычкова (скончался в 35-летнем возрасте), Николая Варсанофиевича Кунгурцева (умер в 28 лет) и его сестры Пелагеи Варсанофиевны Колес-

никовой, которой в год смерти исполнилось 24 года. Тиф становился причиной смерти целых семей. В июле 1922 г. на деревенском кладбище почти одновременно предали земле тела сестер Ольги (18 лет) и Пелагеи (16 лет) Лубских, а следом и их матери Ефросиньи (40 лет). Здесь имелась и могилка австрийского подданного Виктора Фоссиана, тоже умершего в 1920 г. от тифа в расцвете сил — ему было всего 33 года. Также в Усть-Ине погибла от тифа в январе 1925 г. и моя прапрабабушка Татьяна Денисовна Саченко, которой было 63 года.

Не только старость и болезни уносили жизни крестьян Усть-Ини. В 1915 г. громом убило Якова Седыченко. Где-то на этом кладбище похоронили двадцатилетнюю самоубийцу Анну Полосину, которая повесилась в феврале 1923 г. Была здесь и могилка подростка Ильи Голенко, зарезанного соседскими мальчишками в уличной драке.

Огромное количество могил на этом кладбище, как и на других, являлось детскими. Здесь покоились младенцы, умиравшие по разным причинам: «от слабости», от дизентерии, от кори, от золотухи, от «родимицы», от простуды, от несчастных случаев... Малышей хоронили в семьях Белоусовых, Бычковых, Волчихиных, Дзюба, Есипенко, Колесниковых, Колоусовых, Нечепуренко, Саченко, Хожаевых, Якименко и многих других. Случалось, что все дети в семье гибли еще младенцами. Мария и Иван Есипенко потеряли троих малышей: Ивана, Надежду и Володю. Больше детей у них не было. Иващенко Анна и Гаврила схоронили четверых; лишь пятая, дочка Ульяна, выжила.

Скорее всего, это кладбище было совсем небольшим, хотя существовало издавна. Еще в середине 20-х гг. многие жители Усть-Ини хоронили усопших родственников и на Новом городском (Ипподромском) кладбище. Сказывались родственные связи: среди жителей Усть-Ини было много таких, кто был женат на женщинах из Новониколаевска,

имел в городе свояков и кровных родственников, поэтому погребение умерших родственников в городе являлось логичным. К примеру, в городе были похоронены молодой человек Петр Данилович Дечко из Усть-Ини, скончавшийся от туберкулеза, и младенец Василий Зацарный, умерший «от слабости».

В памяти устьинских старожилов бытует немало сюжетов, связанных с этим кладбищем. Одни вспоминают, как просили благословения на замужество у отеческой могилы, окруженной высокими деревьями; другие запомнили, как ремонтировали кладбищенскую ограду или как страшно было проходить мимо кладбища ночью. Все-таки будучи землей мертвых, кладбище, особенно в темное время суток, вызывало слабость в коленях даже у смельчаков. Т.К. Вахнов рассказал мне историю о своем дяде Парфене, который летними вечерами ходил навещать невесту Катю. По пути с Переселенческой улицы на Трактовую (Большевицкая) как раз и находилось кладбище. Его можно было обойти, но дорога через кладбище была короче. Уже совсем стемнело, когда бесстрашный влюбленный в очередной раз осторожно обходил могильные холмики. Вдруг прямо в руку Парфену ткнулось что-то шерстистое, мягкое и теплое. Не раздумывая, наш герой выхватил нож и полоснул «привидение». «Призрак» жалобно замычал, и только тут Парфен понял, что кроме него ночами по кладбищу гуляют телята и прочая живность.

Парфен неспроста испугался теленка. Дело было не только в предрассудках. В межвоенные годы, как и прежде, кладбища были далеко не безопасными местами. Помимо собак и более крупных домашних животных, здесь можно было неожиданно столкнуться и с человеком, который пришел на кладбище вовсе не для того, чтобы навещать могилы родных. В прессе 20-х гг. мелькают сведения о хулиганах, которые прятались на кладбищах. А однажды в рубрике «Происшествия» была даже опубликована заметка

под названием «Мешала жить» — об убийце, пожелавшем избавиться от надоевшей любовницы. Мужчина пригласил девушку на Магометанское кладбище, объяснив, что там никто не будет мешать их встрече. Так и случилось: убийце действительно никто не помешал расправиться со своей жертвой.

Марш энтузиастов на погосте

ереустройство старых кладбищ в парки не было редкостью для советской эпохи. Похожие случаи были и во Владивостоке и в других городах. В середине двадцатых годов Старое городское (Воскресенское) кладбище подверглось сносу. Желаящие заранее перезахоранивали своих родственников: могилы раскапывали, укладывали останки в новые гробы, батюшка отпевал их, гробы заколачивали и возили на новые кладбища. В своих воспоминаниях Зоя Булгакова отмечала: немногие придерживались того мнения, что «заботиться нужно о душе, а не о костях, потому что кости — это прах и тленье и им все равно, где лежать». Наоборот, рассуждали так: «Как это по нашим покойникам кто-то будет ходить, как это тут будут смеяться и песни петь?»

Для Ильи Лаврова, который родился в Новониколаевске, воскресник, посвященный «разгрому» кладбища, запал в душу ярчайшим детским воспоминанием. Писатель запомнил свои чувства от увиденного: «Мне стало нехорошо. Я так чувствовал себя, когда видел вещий сон перед отцовским дебошем». Мальчик стал свидетелем того, как «весной комсомольцы решили переделать кладбище в парк». Распевая во все горло: «Смело мы в бой пойдем за власть Советов!», вооруженные лопатами ребята пришли на место старого погоста. Воскресенская церковь уже пострадала от их вторжения, крест был свернут. Стоял солнечный майский день, «среди шумящих на ветру берез

зализгало железо, затрещало дерево, выворачивали кресты, памятники, оградки, стаскивали их в кучу». Молодые люди, должно быть, чувствовали себя исполнителями «великой миссии» очищения советской земли от «смрада» дореволюционного старья.

Другой старожил, Алексей Тростонецкий, так рассказывал о воскреснике по сносу кладбища: «Рабочие сворачивают с могил памятники и надгробия, а оркестр наяривает “Марш энтузиастов”, заглушаемый криками: “Антихристы!” и проклятиями пожилых людей». Поразительно, но кладбище сносили именно под «Марш энтузиастов».

Пожилые люди, собравшиеся на кладбище, пытались предотвратить его разорение. И.М. Лавров воспроизводит в своих воспоминаниях словесную перепалку между защитниками кладбища и его погромщиками:

«— Бесстыжие!

— Что вы делаете?!

— Где ваша совесть?!

— И в земле покоя нет!

— Бога побойтесь!

Зашумели старики и старухи.

— А Бога нет, бабка! — выкрикнул Князев.

— Врешь! Есть! — потрясая кулаками, страшно закричала старуха в черном монашеском платье.

— Покарает он вас, покарает, безбожники!

— Разве подобное возможно в культурной Европе?! — возвысил голос длинноволосый, опять простирая руки к небесным кораблям. — Дикари! Ведь лежат здесь ваши деды, которые воздвигали этот город!

— Послушайте, гражданин! — крикнула Сашка Сокол. — Бросьте разводить свою классовую агитацию! Было объявлено: «Кто хочет перенести родных на новое кладбище — переносите». И люди переносили. А здесь остались безнадзорные могилы.

— Сама ты безнадзорная!

— Ишь, вырядилась парнем!

— Еще бы штаны мужичьи напялила! — загомонили старухи.

— Бросьте вы базлать, обломки старого мира! — выходил из себя Князев.

— Это кладбище как бельмо здесь!

— Могилы в самом центре города!

— А-а, боитесь смерти! От нее никуда не уйдете!

— Шагай, папаша, не агитируй!

— Тебе, поди, император всея Руси приснился сегодня! — горланили ребята, хохотали и свистели...»

Люди, вышедшие защищать старое кладбище от комсомольцев, не смогли остановить ораву «строителей нового мира». Ребята, испытавшие на себе мощный заряд советской агитации, точно не слышали выкриков своих противников. Аргументы в пользу сохранения могил они воспринимали не как чье-то личное мнение, а как речи агитаторов. Безусловно, с идеологической позиции места старому кладбищу в центре города не было. Ведь большевикам казалось, что построить новое можно только сломав старое, ведь прошлое воспринималось как смердящее, отжившее и недостойное памяти время. Легче всего бороться с «вредной памятью» было руками молодежи, сильной физически, но не имевшей еще большого духовного опыта. Молодежь вошла в раж. «Мелькали лопаты, сравнивая холмики, громко звучали топоры и пилы, с треском и шумом валялись березы — прорубали аллеи...» — вспоминает И.М. Лавров. Старый мир, и правда, рушился на глазах. Между тем важно заметить, Воскресенское кладбище едва ли было корректно считать «старым». Известно, что некоторые захоронения появились здесь уже после гражданской войны, то есть всего несколько лет назад. Так, в апреле 1920 г. здесь был похоронен шестидесятилетний служащий Илья Федорович Колчин, скончавшийся от сыпного тифа. А в середине

декабря того же года на Старом городском кладбище похоронили полуторагодовалого мальчика Сашеньку Завьялова.

В полемике отечественных архитекторов и градостроителей 20-х гг. образ кладбища нередко использовался сторонниками радикального обновления облика советских городов, для того чтобы подчеркнуть необходимость изживания старой эстетики и традиций. Так, на страницах журнала «Коммунальное хозяйство» была опубликована дискуссия между академиком Щусевым и его оппонентами. Щусев просил у Московского городского Совета сохранить церковь на Мясницкой улице, объясняя свою позицию следующим образом: «Москва — один из красивейших мировых центров, обязана она этим преимущественно своей стариной. Отнимите у Москвы старину, и она делается одним из безобразных русских городов». Некто Н. Попов возразил академику: «Мясницкой не нужны ни церкви, ни больницы... Москва — не кладбище былой цивилизации, а колыбель нарастающей, новой пролетарской культуры, основанной на труде и знании». В дискуссиях между сторонниками и противниками сохранения памятников прошлых эпох обычно побеждали вторые. Поэтому и разрушение новосибирских кладбищ происходило в духе новой эпохи.

В духе времени парк был назван «Сталинским». В новом мире, казалось, не пригодится память об отцах, которых вполне может заменить товарищ Сталин. Примечательно и то, что на месте снесенной часовни Святого Николая установили памятник Сталину. Городу не нужен был какой-то «свой», отдельный покровитель, — «покровителем» всей страны был один человек. «Отец народов» — так говорили о вожде, и всем было ясно: речь идет именно о нем. Художники изображали вождя в лучах золотого света, как святого. Поэты сравнивали его с солнцем, сияния которого хватает, чтобы озарить светлый путь в будущее многим

грядущим поколениям. За этой иллюзией терялась связь поколений, память о родных, о настоящих отцах. Едва ли те, кто называл парк именем Сталина, делали это, учитывая психологию масс. Люди действительно любили образ вождя-отца. И если память о людях, похороненных на Воскресенском кладбище, нивелировалась для молодежи, ощущение того, что само место кладбища остается очень значимым, сохранилось. Место памяти осталось местом памяти. Значимому месту дали другое имя в соответствии со сменой ценностных приоритетов. Вождь смотрел с картин советских художников вперед, в будущее, за его спиной могли изображаться лишь достижения последних лет: земли, вспаханные тракторами, летящие самолеты, дымящие трубы заводов. Иного прошлого словно не было. Так и важнейшее место памяти нашего города начало жизнь с чистого листа в это весеннее воскресенье. Новые аллеи, свежая зелень, опустошенное пространство, и над этим простором — имя вождя. Чем заполнить новое место памяти? Конечно, радостью и весельем. Ведь под теплым крылышком здравствующего «отца народов» лучше, чем у Христа за пазухой. Поэтому создание сада на этом месте вполне объяснимо.

Что представлял собой парк, разбитый на месте кладбища? Старожил Владимир Дугалюков рассказал мне о своих детских, довоенных впечатлениях: «Детьми мы ходили в парк Сталина. К тому, что прежде на этом месте располагалось кладбище, относились совершенно нормально, ведь все религиозное было запрещено. Там были карусели, к примеру, чертово колесо; был ресторан — там, где сейчас находится сцена, сцена же была на другом месте. В парке проходили танцы, выступали артисты, играл духовой оркестр. Там продавали мороженое, конфеты, газировку с сиропом и разливное пиво. Массовики устраивали развлекательные программы, конкурсы. Я хорошо запомнил драки мешками и бег в мешках».

Илья Лавров запомнил танцплощадку, духовой оркестр, сияние огней в ресторане, который гудит, как базар, где звякают вилки, ножи и стаканы. Запомнились писателю и полупустынные боковые аллеи, где «в темноте мелькали какие-то фигуры, изредка вспыхивали спички, краснели глазки папирос, в кустах шептались, тихо смеялись, по дорожкам шаркали ноги, местами из темноты приплывал запах цветов, а над всем этим неслись звуки вальса». Все скамейки парка были заняты парочками. О чем рассказывал Илья Лавров девушке Вере, сидя на парковой скамеечке? «Я рассказывал Вере о том, что этот шумный, сияющий сад был когда-то глухим, жутковатым кладбищем... О том, как срывали могилы, выламывали кресты, ограды, а толпа старух выла, глядя на это». Даже в романтической обстановке пережитые впечатления не давали молодому человеку забыть тот потрясший его день. Конечно, старое кладбище окрасилось под идеологическим давлением для Ильи в мрачные тона, но память о нем сохранилась. Он рассказывал Вере об этом дне, как о чем-то интимном, лично для него значимом — видимо, внутренний конфликт памяти не был для него разрешен.

Другие юные погромщики также неоднократно возвращались к кладбищенской теме. Сашка Сокол, утверждавшая, что «безнадзорные» могилы никому не нужны, по всей видимости, так хотела оправдать действия комсомольцев, что даже написала стихи:

На часовенке нет креста,
Колокол сняли давно,
Часовня косая пуста,
В выбитых окнах темно.
И где мужиков крестили,
Где в старину венчали,
Там в шапках они курили,
На пыльную паперть плевали.

На кладбище скрыты могилы,
Гулянье в саду до утра...

Пафос ясен: раньше все было хуже некуда, но молодые, знающие истину ребята, навели-таки порядок. Эти стихи вызвали волну новых споров.

«Мать, слушая, горько вздыхала.

— Ну, что вы, тетя Дуня! — воскликнула Саша. — Теперь время такое. Все переделывается. Другая жизнь пришла. Что жалеть о прежнем?

— Да так-то оно так, — согласилась мать. — Живите, как вам лучше. Вы теперь все грамотные. Только вот не надо бы церкви рушить, Бога трогать. Чем он мешает?

— А чего он тебе дал?! — напустилась на нее Мария. — Всю жизнь хлесталась над корытом, жилы рвала... Да пропади оно пропадом, все это старое!

— Да нет, я чего же, — оправдывается мать. — Все от Бога. И новая власть от Бога. Видно, так ему угодно. Это он нам испытание посылает за грехи наши. Живите, ребятишки, как вам хочется, а мы, какими были, такими и помирать будем...»

Вот так неоднозначно решался проблемный вопрос отношения к новому и старому. Илья Лавров рассказал и о странной кончине заводилы Сашки Сокол. Она стала агрономом, уехала в деревню, «в закрытой церкви ставила с молодежью спектакли и вдруг — умерла, умерла в глухой деревушке, почему — не знаю». Неожиданно оборвалась жизнь этой юной девушки, участвовавшей в уничтожении того, что было для многих свято. Илья Лавров не связывает раннюю смерть Сашки с ее поступками, но в тексте воспоминаний эти сюжеты символично соседствуют.

Итак, погост стал местом развлечений и — не будем об этом забывать — идеологической пропаганды. Когда же умер Сталин, кладбищенское прошлое сада момен-

тально всколыхнулось. Житель нашего города Г.А. Зиборев передал мне рассказ своей бабушки Р. Канторовой. По ее словам, 5 марта 1953 года, то есть в день кончины вождя, в саду Сталина спонтанно собралось множество женщин. Их никто специально не приглашал. Все они горько оплакивали усопшего. Раиса Ивановна лично присутствовала в парке, видела всенародную скорбь и сама горько рыдала. Никакого митинга, никакой гражданской панихиды не было. В парке лишь был установлен репродуктор, информировавший собравшихся о последних событиях. В конце концов, радио можно было послушать и дома, поплакать тоже, но по старой памяти люди побежали в сад Сталина, точно на похороны. Они вели себя на месте старого кладбища, как на традиционных похоронах. Так вождь окончательно «завладел» старым кладбищем. Оно стало именно местом памяти о Сталине, хотя, как мне кажется, только с виду и не надолго. Кстати, парк некоторые новосибирцы до сих пор иногда называют «Сталинским», но никогда не вспоминают название старого кладбища — «Воскресенское».

О ликвидации других кладбищ также помнят многие. Начало уничтожения Нового городского кладбища связано с историей разрушения местного храма. Многие запомнили, что Успенскую церковь сломали за одну ночь, опасаясь выступления верующих. А.А. Пятков рассказал, что той ночью у церкви собралось около сотни верующих, старики выкрикивали слова осуждения, но милиция не давала им приблизиться к храму. Вскоре разрушили и кладбище. Кресты и надгробия, по словам краеведа Шабурина, «собрали в одну кучу и отправили в утиль». Останки митрополита Никифора, покоившиеся в церковной ограде, удалось заблаговременно перезахоронить на Заельцовском кладбище. Горожан заранее предупреждали о возможности перезахоронения останков близких на других кладбищах, некоторые так и сделали.

От кладбища осталась березовая роща, где в 1968 г. провели реконструкцию территории, а в 1970-х гг. на месте бывшего кладбища открыли парк культуры и отдыха. Закаменское кладбище закрыли в 1968 г. Здесь имелись еще совсем недавние захоронения, но кладбище уже действительно было заполнено. Новосибирцы получили право перезахоронить своих родных, покоившихся в этом месте. Некоторые использовали такую возможность. Не перенесенные кресты и надгробия были удалены. Однако некоторые могильные плиты уже невозможно было выкопать из земли, поэтому их оставили. Опустевшая березовая рощица стала приходить в запустение. Кладбище постепенно ветшало, бывшие могилы густо зарастали сорной травой.

В.К. Лобанова рассказала о ликвидации и Усть-Инского кладбища. Рассказчица жила в Усть-Ине и была свидетелем того, как в считанные часы могилы сровняли с землей. На месте бывшего кладбища началась стройка. Теперь эта территория принадлежит Инструментальному заводу. Однажды наша рассказчица шла мимо стройки и видела, как рабочие, копавшие землю, находили и выбрасывали на поверхность человеческие кости. Куда человеческие останки попадали дальше? Конечно, на «отвалы». С памятью о предках жителей Усть-Ини никто не считался. А В.К. Лобанова вспоминает, что проходим было страшно и стыдно, хотя о многих, кто покоился в земле этого могильника, уже никто не помнил. Другая жительница старой Усть-Ини, Г.И. Кочергина, с детства запомнила оживленные обсуждения печальной судьбы этого могильника. Местные жители долго говорили о произошедшем, пересказывали друг другу истории о том, как некто видел вырытые из земли скелеты, как строители находили в могилах драгоценности и присваивали их себе; о том, как страшно представить, что и твою могилу однажды разорят руки вандала.

Свято место да не будет пусто...

Таковы истории старых кладбищ Новосибирска: проблематичные, противоречивые в оценках и увлекательные для исследователя. Проблемы старых кладбищ, которые активно обсуждаются сегодня в средствах массовой информации, действительно трудно разрешить. Однако изыскания краеведов способны, как мне кажется, «опредметить» дебаты на кладбищенскую тему. По итогам своего исследования я прихожу к некоторым выводам, касающимся актуальных вопросов сохранения старых погостов. Первый вывод отражает мои эмоции и личное мнение, с которым читатель вправе не соглашаться. Состоит он в следующем.

Некоторые считают, что, если могила выглядит заброшенной и не посещается много лет, нет уже и смысла в ее существовании. Однако едва ли у «чужих» людей есть моральное право уничтожать могилы. Мои бабушка и дедушка скончались почти одновременно и довольно неожиданно. Без их помощи мы, потомки, не могли найти захоронение прадеда на Гусинском кладбище. Получилось так, что отыскиали мы ее только через пятнадцать лет. Принесли букет живых цветов, показали могилу праправнучке усопшего. Было радостно, что старый крест, сваренный из металлической трубы, стоит на прежнем месте, напоминает о человеке, который дал нам жизнь. И тут вспомнились ориентиры, по которым находила эту могилу бабушка, ведь они оказались такими очевидными! Дядя рассказал, как на похоронах соседские старики его успокаивали: «Не грусти, будешь теперь говорить с дедом через трубу — вон какой у деда удобный крест». И в этот момент мы чувствовали себя единым целым, близкими родственниками, крепкой семьей.

Хочется, чтобы люди понимали: кладбище — это святое место. У каждого человека своя история, которая может

иметь слишком мало общего с казенным изложением прошлого Родины в учебнике. Смерть близких людей раскрывает в человеке глубины его натуры. Мой прадед был на фронте, когда 9 мая 1944 г. умерла прабабушка. Вернувшись на Родину, он первым делом решил пойти на могилу жены. Дочь собиралась помочь отцу отыскать захоронение, но он отказался от помощи, пошел один, взяв с собой молодую березку. Дочь говорила, что без помощи могилку не найти, но старик сказал, что «сердце подскажет, где искать». Эта фраза была воспринята скептически: все-таки особенно сердечным человеком прадеда не считали. Вернулся он вечером без березки. Дочь удивилась: «Неужели нашел?!» Вскоре сама отправилась на могилу матери, которую не так просто было отыскать, и увидела, что юная березка действительно зеленеет на должном месте. Березка выросла, она растет и теперь, как память о прабабушке, как знак любви того, чье сердце «знало», где искать могилу дорогого человека. А вот самой могилки уже не существует, как и других могил Закаменского кладбища. На месте кладбища сегодня собачий выгул. По всей видимости, те, кто выгуливает собак в месте чужой памяти, никогда не задумывались, что должны чувствовать люди, чьи предки покоятся в этой земле. Часть территории Закаменского кладбища огорожена сегодня забором. В ограде чисто, строится храм. А за пределами ограды, где до сих пор имеются могильные плиты, местные жители бросают мусор, разжигают костры, выгуливают собак. Даже строительство храма не является сигналом к прекращению вандализма.

Это исследование показывает «хроническое» для новосибирцев неуважение к «чужой» памяти, причины которого коренятся не только в «политике памяти». Современный Новосибирск редко для кого является Родиной, землей дедов и прадедов. Поэтому сегодня, как и сто лет назад, «чужая» Божья нива не представляет для большинства «случайных» людей ценности.

Однако не хочется заканчивать книгу нравоучением и банальным, хотя и справедливым призывом — уважать семейную память наших земляков. Надеюсь, неравнодушный читатель и так прочувствовал нравственный смысл этого исследования. Все-таки обвинить «вандалов» легко. А понять причины разрушения новониколаевских кладбищ — сложнее. Поэтому я перехожу ко второму выводу, который носит скорее научно-исследовательский характер.

На мой взгляд, дело здесь не только в политике и, условно говоря, «бескультурном равнодушии» к чужой памяти. Дело еще и в том, что кладбища, ставшие объектом моего внимания, находились в городе, который рос исполинскими темпами: здесь так и не сформировалось локальных традиций, ведь для этого нужно время. Кроме того, современные специалисты по вопросам урбанизации считают, что города развиваются в значительной мере стихийно, большие города представляют собой в некотором смысле «саморазвивающиеся» системы, в которых инициатива и частная жизнь «маленького человека» теряется на фоне общих тенденций развития мегаполиса. Городская среда никогда не бывает статичной, город постоянно меняется. Будучи центром модернизации, город ориентирован в будущее, нацелен на завтрашний день. В этих условиях выживание традиции становится проблематичным. В Новониколаевск-Новосибирск постоянно приезжали и приезжают новые люди, которые вынуждены осваиваться в новых жизненных условиях. Освоение часто становится присвоением. С виду «бесхозные» территории кладбищ, которые не вызывают у большинства жителей ассоциаций со смертью близких людей, неизбежно приспособляются к повседневным заботам местного населения. Посреди плотно населенного Новониколаевска-Новосибирска не могло существовать абсолютно пустынных мест. Поэтому на Воскресенском кладбище

паслись коровы, «конспирировались» революционеры, играли дети. Именно поэтому на территории дорогого моему сердцу Закаменского кладбища кто-то и теперь разводит костры, вываливает мусор, гуляет с собаками. Свято место, как известно, пусто не бывает...

Город — это пространство жизнедеятельности человека, это место, где человек селится с целью качественнее и проще удовлетворять свои потребности. Именно поэтому опустевшие погосты не могут оставаться нетронутыми, сюда неизбежно проникает жизнь. А поскольку старое, «бывшее» кладбище уже как бы не принадлежит мертвым, но и живые еще не считают это место абсолютно «своим», проникают на старые кладбища лишь отголоски полноценной жизни. «Периферия» большого города обычно становится помойкой. Город — это одно из важнейших порождений цивилизации, в которой воплощаются технические, экономические достижения и материальные ценности общества. Однако замечено, что в больших городах духовная жизнь их населения становится со временем все «беднее». Великий русский философ Н.А. Бердяев заметил: «Она (цивилизация) не любит могил. Цивилизация очень приятно и весело устраивается на кладбищах, забыв о покойниках», в то время как «благородство всякой истинной культуры определяется тем, что культура есть культ предков, почитание могил и памятников, связь сынов с отцами». Едва ли возможно избежать сегодня вдыхания «выхлопов» цивилизации, однако не стоит забывать о том, что человеческая культура, которая не может существовать без памяти и традиции, смягчает жесткий и тяжелый воздух больших городов «без истории». Взгляд в прошлое приоткрывает как отдельной личности, так и большому сообществу горожан дверь, ведущую к самопознанию и самоуважению.

В последний путь...

На этом плане 1906
года обозначено
и городское
кладбище

Могильная
плита, найденная
на месте бывшего
Закаменского
кладбища

Гроб с телом Н.М. Тихомирова

Похороны Н.М. Тихомирова

Воскресенская церковь

Вековая могильная плита сопротивляется забвению...

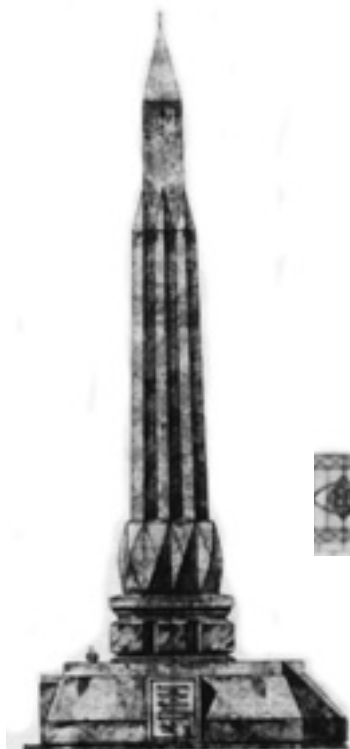

Эти фотографии демонстрировались всем в качестве доказательства преступлений колчаковцев

Страшные итоги братоубийственной войны

*Этот памятник
стал одним из
символов
Новосибирска*

*Нереализованные проекты
монумента в сквере Героев
революции*

Похоронный кортеж в Новосибирске, 1930-е годы

Похороны ребенка. Новосибирск, 1930-е годы

Похоронная процессия. Новосибирск, 1930-е годы

Проводы в последний путь

*Фрагмент надгробья
известного купца и
общественного деятеля
начала прошлого века
В.А. Горохова, поднятый
со дна Новосибирского
водохранилища.*

*При строительстве
ОбьГЭС было затоплено не
одно кладбище...*

*Деревянный крест
в ограде будущего
храма — как
памятник тем, чьи
могилы безвозвратно
утрачены...*

Содержание

НОВЫЙ БЫТ СИБИРСКОГО ЧИКАГО	5
От автора	5
Молодая советская власть и тифозная вошь: кто кого?	6
О хлебе насущном	16
«Просто убивающий голод...»	16
За продуктами на нэповский базар	24
«Великий перелом» и городские рынки	34
Колхозная торговля в Новосибирске 1930-х годов	38
«По ордерам, по ордерам, по заборным книжкам...»	43
«Сибторг», «Губторг», «Акорт», «Торгсин»	47
«Встретились мы в баре ресторана...»	56
«Город-огород»	65
Небывалый тупик в жилищном вопросе	67
«Нахаловка» и «генеральский» дом	81
«Поедемте в номера!»	88
Самые глобальные вопросы коммунальные	92
В городе-саде не продохнуть	97
Если я заболею	99
За фасадом пропаганды здорового образа жизни	106
Городские аптеки 30-х годов: всегда в продаже валерианка	115
Банный день в Новониколаевске-Новосибирске	119
Чубчик кучерявый	126
Удивительный вопрос: почему я водовоз?	130
Фильдекосовые чулки, буденовка и доха из суслика	135
«Толкучка», барахолка и магазин Новониколаевска времен нэпа	141

Галош нет даже по талонам.....	149
«Раньше ты носила юбки из “Торгсина”...»	152
Тайна за семью печатями	160
До статуса сибирской столицы.....	172
Люди и вещи минувшей эпохи	173
БОЖЬЯ НИВА	193
На пути к некрополю	193
Без кладбища жить невозможно.....	197
Мир праху твоему... ..	209
Коллективная память или коллективное забвение?.....	232
По кладбищу проложили трамвайные рельсы.....	251
Марш энтузиастов на погосте.....	262
Свято место да не будет пусто... ..	271
В последний путь... ..	275

Книжная серия «Будаговская библиотека» названа в честь Григория Моисеевича Будагова (1852–1921) — инженера-путейца, руководившего строительством моста через Обь. Это был не только блестящий профессионал, но и общественный деятель, настоящий подвижник просвещения и культуры, открывший в Новониколаевске первую школу и библиотеку.

Наряду с книгой Екатерины Красильниковой **«Неизвестные страницы городской истории»** в «Будаговской библиотеке» вышли следующие издания.

«По старым дорогам». Книга состоит из двух частей. Первая — исторические очерки об освоении Сибири, взятые из раритетного издания «Азиатская Россия. Люди и порядки за Уралом. С-Петербург. 1914 год». Вторая часть — описание селений, нравов и обычаев жителей на территории нынешней Новосибирской области в XVIII-XIX-XX веках в трудах путешественников, ученых и по материалам путеводителей того времени.

«Сказ о городе». Это своеобразная художественная летопись о зарождении и становлении Ново-Николаевска — Новосибирска, включающая в себя популярный исторический очерк о городе, документальную повесть о Н.М. Тихомирове, одном из отцов-основателей Ново-Николаевска, а также очерки об истории цирка и ипподрома в нашем городе. Написанные живо и увлекательно, иллюстрированные редкими фотографиями, все эти материалы вызывают читательский интерес как у взрослых, так и у детей.

«Память сердца. Воспоминания сибиряков». Воспоминания, написанные разными людьми и в разное время, дают широкую историческую панораму. «Слава Богу за все!» — это воспоминания сельской учительницы И. Чувашевой, которая работала в церковно-приходской школе. Написаны они в 1915 году и только в наше время были обнаружены в архиве священного синода. Л. Шевченко-

Королева и С. Чернышев рассказывают о дореволюционном Ново-Николаевске, который они видели своими глазами. Воспоминания В. Хомутова посвящены Бердску. А. Миллер, В. Тарасов и Т. Петрова повествуют о Новосибирске тридцатых-сороковых годов. Книга иллюстрирована уникальными фотографиями из личных архивов авторов.

Михаил Щукин. **«Встречь солнцу. Рассказы об истории Сибири»**. Книга выдержала уже несколько изданий и по-прежнему вызывает живой читательский интерес. Автор рассказывает об истории Сибири, начиная с первых походов новгородцев за Урал и заканчивая событиями накануне первой мировой войны. Книга богато иллюстрирована.

Екатерина Красильникова

**НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ
ГОРОДСКОЙ ИСТОРИИ**

*Ново-Николаевск — Новосибирск:
быт и повседневность первой половины XX века*

Издательский Дом «Сибирская горница»

Редактор М. Щукин

Технический редактор М. Косарев

Корректор Л. Прокопенко

Обложка О. Бусов